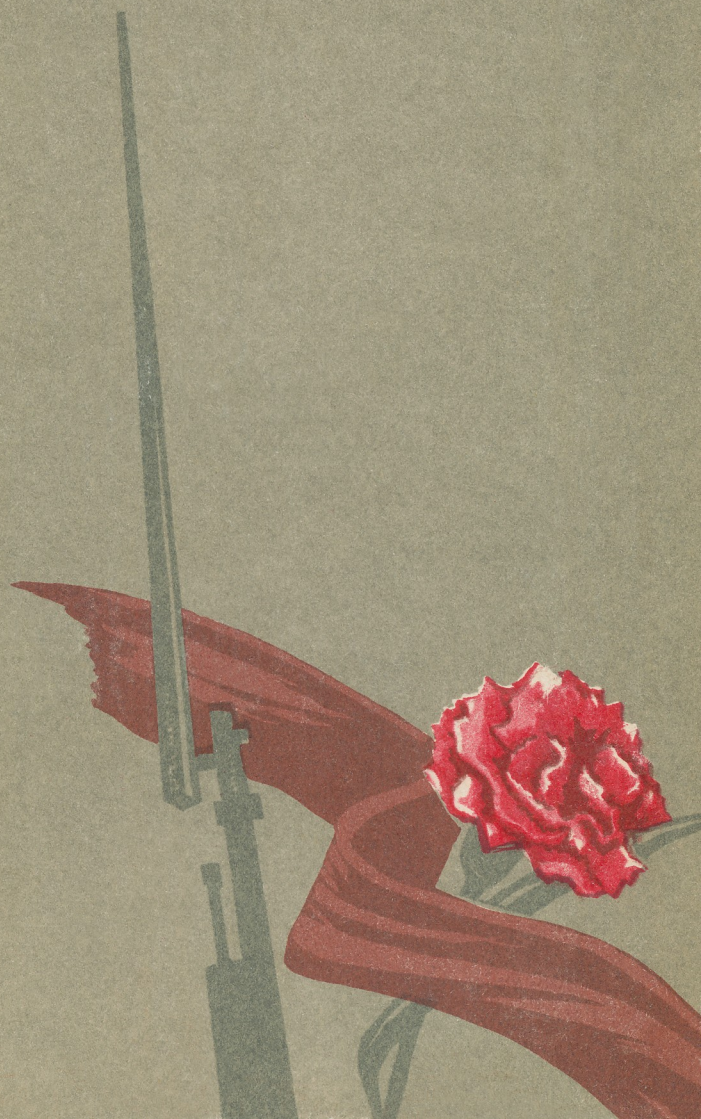

ЛИРИКА
20-х
ГОДОВ

Лирика 20-х годов

РУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИРИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КЫРГЫЗСТАН»

Лирика 20-х ГОДОВ

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО,
СОСТАВЛЕНИЕ И РЕДАКЦИЯ
В. Я. ВАКУЛЕНКО**

Р 2
Л 62

Л 02

Лирика 20-х годов. Вступ. слово, сост. и ред. Вакуленко В. Я. Ф., «Кыргызстан», 1976 ©

656 с. (Русская советская лирика).

Настоящий том — первый в шеститомной серии «Русская советская лирика», объявленной издательством «Кыргызстан» в 1971 году. Второй том из этой серии — «Лирика 30-х годов» — увидел свет в 1972 году.

В книгу вошли стихи 1917—1929 гг.

Р 2

Л $\frac{742-179}{M 451(17)-76}$ 258—76

© Издательство «Кыргызстан», 1976.

7—4—2

Составление, вступительная статья.

ЛИРИКА 20-х ГОДОВ

Вступительное слово,
составление

и редакция *Валерия Яковлевича Вакуленко*

Рецензент доктор филологических наук профессор *Озмитель Е. К.*

Мл. редактор *А. С. Сенук*
Худож. редактор *И. Ф. Бульба*
Техн. редактор *Р. Я. Ревенко*
Корректор *Б. С. Калыгулова*

Сдано в набор 27/VI 1976 г. Подписано к печати 13/X 1976 г. Д—02226. Бумага типографская № 3, формат 84×108¹/₃₂, 20,50 физич. печ. л., 34,44 условн. печ. л., 32,40 учет.-изд. л. Тираж 200000. Заказ № 3241. Цена 2 р. 95 к.

720002, Фрунзе — 2, Советская, 170. Издательство «Кыргызстан».

720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулёвская, 102, Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР Госкомиздата Киргизской ССР.

ПОЭЗИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ГУМАНИЗМА

В 1971 году издательство «Кыргызстан» известило своих читателей о предстоящем выпуске шеститомной серии «Русская советская лирика», а уже через год вышел в свет второй том из этой серии — «Лирика 30-х годов», составленный П. С. Выходцевым.

Антология «Лирика 20-х годов» открывает эту серию.

В ближайшие годы увидят свет и другие тома — «Лирика 40-х годов», «Лирика 50-х годов», «Лирика 60-х годов», завершит серию том «Лирика 70-х годов».

Таким образом читатель получит реальную возможность обстоятельно и глубоко познакомиться с лучшими лирическими произведениями поэтов советской эпохи, составит целостное представление о развитии русской советской лирической поэзии, начиная с 20-х годов и по настоящее время, увидит воочию те сложные, многообразные и нередко противоречивые пути, которыми шла русская советская поэзия в постижении новой социалистической действительности и духовного мира рожденного ею нового человека — строителя коммунистического общества.

Составляя настоящую антологию, мы меньше все-

го стремились навязать читателю субъективные вкусы и пристрастия. Наша задача, исходя из отведенного для книги объема, — по возможности полнее представить многообразие творческих индивидуальностей в лирической поэзии 20-х годов, не сглаживая и не утаивая при этом от читателя явные и скрытые противоречия в поэтическом наследии некоторых поэтов той далекой и близкой нам эпохи. Цель настоящей статьи — познакомить читателя с основными идейно-эстетическими направлениями в поэзии тех лет, становлением и развитием революционного, социалистического гуманизма в русской советской литературе первого послеоктябрьского десятилетия, с теми трудностями и проблемами в освоении новой действительности и нового человека, в преодолении которых развивалась и крепла русская советская лирическая поэзия 20-х годов.

В силу социально-политических условий, сложившихся в современном мире, нападки наших идейных противников на советскую литературу и ее творческий метод, фальсификация ее истории, ее принципиально нового гуманистического содержания приобрели ныне особенно острый характер. Упрекая марксизм в антигуманизме, ревизуя марксистско-ленинскую эстетику, «советологи» нередко апеллируют к художественному опыту 20-х годов. Именно поэтому так важно сегодня с марксистско-ленинских позиций определить идейно-эстетическую значимость и подлинную гуманистическую ценность творческого опыта советской литературы 20-х годов, и далеко не в последнюю очередь — русской советской лирической поэзии тех лет в аспекте гуманистического содержания.

* * *

«Отныне наступает новая полоса в истории России», — сказал В. И. Ленин, выступая на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября 1917 года.

Великая Октябрьская социалистическая революция преобразила не только социальные основы общества, она изменила саму суть взаимоотношений личности с обществом. И хотя не все и не сразу восприняли как желанную перемену вступление России в качественно новую полосу своего исторического развития, выход широких народных масс на общественно-социальную и политическую арену пробудил деятельную и созидательную энергию народа, вызвал к активной борьбе за победу социалистического переустройства действительности новые творческие силы. «В начале революции,— вспоминал А. Серафимович,— посыпалась масса произведений в редакцию. Я тогда был в Москве. Целыми пудами получались произведения от солдат, крестьян, рабочих. Это было все очень по-детски написано, но, очевидно, прорвалось долго стиснутое желание самим выразить свое чувство, свои мысли».

Жажда творчества новой жизни, радостное ощущение небывалых общественных перспектив и — неприятие тех преобразований, которые несла с собой революция, почти болезненное ощущение внутренне непреодолимого идеологического тупика,— вот два полюса общественного сознания, нашедшие наиболее яркое и многообразное отражение в литературе первых послеоктябрьских лет. «Революция не признает нейтральных,— подчеркивал В. И. Ленин.— Борьба загорелась уже. Борьба идет не на жизнь, а на смерть,— борьба между старой Россией рабства, крепостничества, самодержавия и новой, молодой народной Россией, Россией трудящихся масс, которые рвутся к свету и свободе, чтобы затем начать еще и еще борьбу за полное освобождение человечества от всякого гнета и всякой эксплуатации»¹.

Революция не оставила равнодушным никого. Властно вторгаясь в этику и эстетику эпохи, она заполнила собою все, вызывая к себе либо активную деятельную любовь и участие, либо не менее энергичную злобу и ненависть. Ее можно было любить или ненавидеть, только нельзя, невозможно было не замечать вовсе. Очень хорошо об этом сказал в 1920 году

---

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 193.

Александр Блок: «Кроме слова искусство, у нас в сознании присутствует, конечно, слово революция. Хотим мы этого или не хотим, уйти от этого слова некуда, потому что в России два года назад окончилась революция. Каждый день истекшего двухлетия— для всех нас есть день изживания последствий этой окончившейся революции, каждый изживал эти дни по-своему: активно, пассивно, сочувственно, с ненавистью, тупо, весело, клонясь к смерти, наполняясь волею к жизни,— каждый по-своему, но все равно — с чувством ее неотступного присутствия»¹.

Для передовой части русской интеллигенции, которая сразу же активно включилась в строительство новой, социалистической культуры, Октябрь явился обновляющим «грозовым вихрем», открывающим художнику глаза на «новое и неожиданное» в революционной действительности. Д. Бедный, В. Маяковский, А. Блок и другие художники с первых дней существования пролетарского государства поставили свой талант на службу делу революции. Молодая советская литература в ее лучших проявлениях рождалась и воспринималась как новое боевое оружие пролетарской революции: в мае 1919 года ВЦИК принял постановление, согласно которому «газеты и литература» были объявлены «срочным военным грузом», перевозку их «по железным дорогам, водным путям и гужом» предписывалось производить «в первую очередь».

Чувство «неотступного присутствия» победившей революции, о котором говорил А. Блок,— одна из характерных черт русской советской поэзии первых послереволюционных лет и всего последующего периода. Немало сделали для ее становления, как и вообще русской советской литературы в целом, такие представители русской художественной интеллигенции, как Д. Бедный, А. Серафимович, В. Маяковский, А. Блок, В. Брюсов и др.

Стихи и песни Демьяна Бедного читала и распевала вся страна. Свою работу сам поэт без ложной скромности называл «подвигом ежедневным». И вполне справедливо! С редчайшим напряжением душев-

---

¹ Александр Блок. Собрание сочинений в восьми томах, т. 6. ГИХЛ, М.—Л., 1962, стр. 485.

ных и физических сил трудился поэт. О многих событиях того времени можно рассказать стихами, фельетонами и баснями Демьяна Бедного — столь велика и столь реальна была в них жизненная основа, столь емкой и содержательной была каждая строка поэта.

Поистине уникально значение творческой работы величайшего поэта нашей эпохи, подлинного поэта революции Владимира Владимировича Маяковского. Перечитывая его стихи сегодня, вновь и вновь убеждаешься в их неувядающей боевой и лирической силе. Маяковский, давший пример редчайшего органического слияния в поэзии личного и общественного, актуален и злободневен ныне, пожалуй, не менее, чем в 20-е годы. Нестареющая его поэзия служит нашему народу сегодня и будет служить еще многие годы. Маяковский — это не только прошлое. Маяковский — это в значительной мере — современность нашей поэзии, нашей литературы. И чем дальше движение истории отдаляет нас от той героической эпохи, тем отчетливее видится колоссальность поэтической фигуры Маяковского, не имевшей и не имеющей себе равных.

Лирика Маяковского — ярчайший пример подлинной гражданственности и патриотизма. Поэтическое лицо 20-х годов в значительной мере определяет все его творчество, оказавшее огромное влияние на развитие советской поэзии не только 20-х годов, но и всего последующего исторического периода.

Поистине трудно переоценить общественно-литературное значение и агитационную силу открытого перехода на сторону Советской власти А. Блока и В. Брюсова, совершенного ими в трудный и сложный для молодой республики период, когда она еще не успела создать, вырастить новую художественную интеллигенцию, когда от революционного народа предательски отвернулась почти вся старая интеллигенция, еще накануне не устававшая верноподданнически клясться в любви и преданности народным массам, революционно-освободительным идеалам. Не случайно небывалый общественный резонанс получила в то время статья Блока «Интеллигенция и революция». Блок говорил о тех, кому недоверчивое, настороженное отношение к происходящим социальным преобра-

зованиям помешало услышать подлинную музыку революции, понять глубоко народный характер нового революционного гуманизма, звал к прозрению, к слитности с революцией. «Не откроем сердца — погибнем», — предостерегал Блок еще в 1908 году, прозорливо почувствовав надвигающиеся исторические перемены уже после первой русской революции. «Начается новая роль личности, новая человеческая порода», — писал Блок в статье «Крушение гуманизма» (1919). «Человек пришел в движение», он перестал быть обывателем. С этим духовным пробуждением личности связывает поэт кризис гуманизма старого, на смену которому, считал Блок, приходит ныне «то, что, может быть, будет опять названо гуманизмом новым, — что создает новую личность».

Сам поэт не смог решительно порвать с гуманизмом «старым». Блок не увидел в революционной современности реального, действенного гуманизма, а полагал лишь, что революция свершается во имя гуманизма будущего, которое можно лишь «чувствовать». Разделяя в принципе социальные идеи революции, признавая неизбежность разрушения старого мира, Блок в то же время был глубоко убежден в необходимости «укрупнить» человеческое в революции, подчеркнуть ее глубоко народный характер, «освятить» ее духовное начало. В этой «двуплановости» представлений Блока о рациональном и иррациональном («вихревом») начале в революционной борьбе и духовном возрождении народа — суть противоречивости его гуманистических взглядов, нашедших свое отражение не только в лирике поэта, но и в поэме «Двенадцать».

Стать выразителями «новых условий жизни» звал молодых литераторов В. Брюсов, поэт почти энциклопедической эрудиции, чрезвычайно много сделавший для становления молодой советской литературы, принципиально и последовательно отстаивая и поддерживая ее первые успехи, жестко и бескомпромиссно обличая злобную, контрреволюционную сущность нападок внутренних и внешних эмигрантов от литературы.

В первые послереволюционные годы, пожалуй, наиболее энергично утверждали себя и свое право на создание подлинно революционного искусства поэты,

прозаики и критики Пролеткульта — самой массовой, созданной накануне революции, в октябре 1917 года, организации, имевшей в своем распоряжении значительное количество печатных органов и «филиалов» чуть ли не во всех городах страны. К августу 1920 года Пролеткульт уже объединял под своими знаменами почти 400 тысяч участников движения — главным образом, выходцев из рабочей среды. Наряду с профессиональными и полупрофессиональными литераторами, среди «активных студийцев» Пролеткульта были и явно незаурядные поэтические дарования, — такие, как Василий Александровский, Николай Полетаев, Василий Казин, Михаил Герасимов, Владимир Кириллов, Сергей Обрадович и многие другие, которых сближала «вихревая» энергия единого творческого порыва созидать, молодое стремление строить новое, подлинно пролетарское революционное массовое искусство. Однако ошибочная теоретическая платформа (пролеткультовщина) помешала поэтам, прозаикам и критикам Пролеткульта выполнить обещанную ими великую культурную миссию по созданию подлинно пролетарской литературы во всей полноте. Отрицание какой бы то ни было преемственной связи в развитии культуры, резкое, решительное противопоставление пролетарской культуры всей предшествующей («Во имя нашего Завтра сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы»), стремление к автономии, выразившееся в противопоставлении идей Пролеткульта просветительским задачам Наркомпресса, искусственная изоляция от всех других «непролетарских» слоев общества с целью соблюсти некую богдановскую «чистоту пролетарской идеологии», — все это вызвало самое решительное осуждение Коммунистической партией и лично В. И. Лениным нигилистической, «кастовой» и сепаратистской линии Пролеткульта.

«Пролетарская культура, — говорил В. И. Ленин на III съезде комсомола, — не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало

под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»¹.

Последовательно и решительно отстаивал В. И. Ленин точку зрения партии на социалистическую культуру на Первом Всероссийском съезде пролеткультов, собравшемся в октябре 1920 года. А вскоре, 1 декабря, «Правда» опубликовала письмо ЦК РКП(б) «О пролеткультах», в котором, в частности, говорилось, что, благодаря ошибкам Пролеткульта, в его ряды «нахлынули социально чуждые нам элементы, элементы мелкобуржуазные, которые иногда фактически захватывают руководство пролеткультами в свои руки, ...стали кое-где заправлять всеми делами в пролеткультах».

Это письмо содержало не только анализ деятельности и ошибок Пролеткульта. Продиктованное глубокой заботой о будущем новой социалистической культуры, оно выражало точку зрения партии на ее строительство, имело принципиальное значение для последующего развития молодой советской литературы.

Выход из Пролеткульта ряда наиболее талантливых писателей и образовании группы «Кузница» еще в начале 1920 года и усилившийся выход после опубликования письма ЦК «О пролеткультах» привело Пролеткульт к окончательному развалу. Пролетарские поэты В. Александровский, Г. Санников, В. Казин, М. Герасимов, В. Кириллов, Н. Полетаев, С. Обрадович и др., вопреки теоретическим догмам, сумели внести немало ценного в развитие поэзии тех лет. Их лучшие лирические произведения навсегда вошли в поэтическую летопись молодой Советской Республики. В то же время следует признать, что увлечение абстрактной символикой нередко приводило поэтов Пролеткульта и «Кузницы» к отвлеченному решению темы революции, к известной риторике, мешавшей им в полную творческую силу говорить о главной избранной ими теме — о новом человеке, о новых отношениях в трудовом коллективе. Нельзя не признать и отчетливо видимого ныне некоторого односторонности в изображении ими темы Труда (непремен-

---

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 304—305.

но с большой буквы!). Даже в интимной лирике некоторых поэтов (М. Герасимова, например) преобладают «железные цветы» и лозунговые «песни о железе». Немногие поэты Пролеткульта и «Кузницы» умели глубоко проникать в мир человеческих чувств, постигать сложную диалектику нового человеческого характера, подлинную гуманистическую сущность революции и рожденных ею социалистических преобразований. И все-таки это был путь вперед — в постижении эпохи и человека.

Успешно преодолевали ранние ошибки Н. Полетаев, Г. Санников, В. Казин и др. Активная и плодотворная творческая работа С. Обрадовича, например, привлекла внимание М. И. Ульяновой, поэт был приглашен в «Правду», где ему поручили литературный отдел. Стихи поэта были замечены вскоре и А. М. Горьким. «Давно слежу за ростом Вашего дарования,— писал Горький из Сорренто.— С искренней радостью вижу, что в книге «Поход» Ваше «мироощущение» расширилось и углубилось, что процесс «осознавания» Вами явлений жизни развивается хорошо и непрерывно, о чем говорят мне, читателю, новые темы, обогащение «лексикона», простота и четкость образов. ... поэт Вы хороший, настоящий, и уверен в дальнейшем Вашем росте. Не уставайте учиться»¹. Этому совету великого писателя С. Обрадович следовал всю свою жизнь.

Преникновенная искренность чувств, глубокая человечность переживаний в значительной мере свойственна и лирике Н. Полетаева. Его, пожалуй, меньше других поэтов Пролеткульта и «Кузницы» увлекали «космизм», маршевость и лозунговость. Этот удивительного мужества человек одним из первых советских поэтов посвятил искренние строки своих стихов вождю пролетарской революции В. И. Ленину («Портретов Ленина не видно...»).

При жизни Н. Полетаева нередко упрекали в пессимизме, в мрачности и тоскливости его «подвальной» музыки. Действительно, лирике Полетаева свойственны не только звонкая радость, но и грусть, некоторая подавленность настроений, обусловленная характерной

---

¹ М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 30. ГИХЛ, М., 1955, стр. 89—90.

растерянностью в годы нэпа, коснувшейся не только Н. Полетаева, сложными обстоятельствами личной неустроенности, тяжелым физическим недугом. Нам, читателям семидесятых, с высоты наших дней, особенно отчетливо видны удачи и ошибки поэта, условия, в которых он жил и работал. И все же невольно чувствуешь восхищение этим человеком, удивляешься тому, как он сумел сохранить в себе до конца дней простое, бесхитростное умение радоваться и веселому перезвону вешней капли, и тихому шелесту спелых колосьев, и первому крику грачей — вестников весны и солнца...

Советская литература богата от самых истоков. Это верно. И хочется думать, что предлагаемая антология лирики 20-х годов поможет читателю укрепиться в этом мнении. Вместе с тем, рассматривая гуманизм лирики 20-х годов как наиболее характерную, принципиально важную черту нового творческого метода молодой советской литературы — социалистического реализма, мы не должны, не имеем права разрешить себе «вычеркивать» из нее имена писателей сложных и противоречивых, равно как и рисовать их в терновых венцах мучеников-правдолюбцев, раздраемых противоречиями не столько личного характера, сколько внешними, и относить на счет превратно понятого «творческого своеобразия» те особенности их творческого пути, без которых пути эти предстанут в глазах читателя односторонними, нарочито выпрямленными.

«...Все было бесконечно сложнее и богаче, — очень справедливо говорит о творческом процессе в литературе тех лет выдающийся современный исследователь А. И. Метченко, — нежели может показаться, если руководствоваться лишь критерием «творческого своеобразия» или «все делали одно общее дело». В действительности даже среди тех, кто сказал революции «да», кое-кто не сразу принял марксизм, пытался отделить искусство от государства, и для периода разлома, перехода от старого к новому это тоже было закономерно. Поэтому-то так важно и поучительно проследить, как, преодолевая все это, советская литература прониклась идеями и идеалами нового, социалистического мира, становилась активной поборницей

ленинского плана великого преобразования страны»¹.

Вот почему мы сочли необходимым представить в антологии лирики 20-х годов и творчество тех поэтов, чей путь к принятию революции и революционного гуманизма, к овладению новым, марксистско-ленинским, мировоззрением был осложнен различными объективными и субъективными обстоятельствами: М. Цветаевой, Б. Пастернака, А. Ахматовой и др.

Сознательная самоизоляция от народной борьбы, от участия в революции и революционных преобразованиях, ошибочные представления о гуманизме как о категории исключительно этико-эстетической нередко приводили их в те годы на позиции абстрактного гуманизма, игнорировавшего классовую сущность революционной борьбы народа, а порой и вовсе отрицавшего гуманистический смысл Октябрьской революции: дело в том, что за различной трактовкой человека в те годы стояло прежде всего различное отношение к самой революции. Марина Цветаева, например, в статье «Живое о живом (Волошин)» признавалась, что в этом поэте, призывавшем «в дни революции быть человеком, а не гражданином», — ей импонирует то, что он «неизменно стоял вне: за каждого и не против кого». «Он умел дружить с человеком и с его врагом, причем никто никогда не почувствовал его предателем, себя преданным»².

О том, насколько далеко увел Цветаеву от революционной действительности «гуманизм без берегов», достаточно убедительно говорят факты ее творческой и личной биографии. В самые тяжелые дни, которые переживала Родина, Марина Цветаева оставила Россию, утверждая при этом, что «Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию — может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, — тот потеряет ее лишь вместе с жизнью... Лучше видеть Россию издали — всю — от князя

---

¹ А. Метченко. Кровное, завоеванное. Из истории советской литературы. Изд. второе. Изд. «Советский писатель», М., 1975, стр. 102.

² Марина Цветаева. Живое о живом (Волошин). «Литературная Армения», 1968, № 6, стр. 100. Публикация А. Саакянц.

Игоря до Ленина,— чем кипящей в сомнительном и слепающем котле настоящего».

Потребуются годы топкого одиночества в эмиграции и мучительных исканий, отмеченных глубокой, доверительнейшей искренностью пореживаний, прежде чем для М. Цветаевой зримо («воочию и воушию») предстанет единственный и невозвратный путь — «домой — вперед», «в Россию — масс». Но это случится много позже, когда не только жизненный опыт, но и само время развеют тот мрачный туман сомнений, замешанных на неверии, которые в определенной мере питали в годы революции и гражданской войны чувства и сознание большой русской поэтессы Марины Цветаевой.

Абстрактно-гуманистические взгляды в значительной мере наложили свой отпечаток на творчество такой сложной и яркой писательницы, как Анна Ахматова, пытавшейся отмежеваться от социальных бурь времени, уйти в мир вечных тем, сохранить верность своим прежним, дооктябрьским идеалам. «Конечно, волна революции так или иначе коснулась творчества этих поэтов,—справедливо утверждают историки литературы о поэзии А. Ахматовой и Б. Пастернака.—Особенно примечательными с точки зрения гражданского самоопределения являются стихотворения А. Ахматовой «Когда в тоске самоубийства...» (1918) и «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922), в которых поэтесса решительно отмежевывалась от разного рода эмигрантов и оставалась на позиции патриота России. Однако в целом революционные преобразования в стране были непонятны, чужды и Ахматовой, и Пастернаку. Тема неразделенной любви у А. Ахматовой и тема природы у Б. Пастернака (главные в их поэзии) оставались нетронутыми социальной мыслью. И это чрезвычайно обедняло, суживало их творческие поиски. Внутренний мир героя их лирики перед лицом грандиозных социальных сдвигов оставался замкнутым, узким, неподвижным»¹. И пройдут годы, прежде чем пафос приобщения к новой жизни все ярче и громче зазвучит в их творчестве.

---

¹ История русской советской литературы. Под ред. проф. П. С. Выходцева. Изд. «Высшая школа», М., 1970, стр. 41—42.

Для многих поэтов Великая Октябрьская социалистическая революция послужила толчком к осознанию и осмыслению не только внешнего социального мира, но и своего личного духовного «я», своего места в мире. Это естественно. Ныне стали хрестоматийно известными слова Н. Тихонова: «Меня сделала поэтом Октябрьская революция. Она открыла мне глаза на мир». Много лет спустя сам поэт так объяснил свои первые книги «Орда» и «Брага», стихи из которых читатель найдет в предлагаемой антологии: «...Мне хотелось рассказать о тех сложных ощущениях, которые жили во мне в те годы. Молодой человек вступил в революцию, которая разметала весь старый уклад жизни, которая низвергла все силы, мешавшие победе Октября, и начала сотворение нового мира, какого еще не знало человечество.

В пестром хаосе стихов для меня было самым главным ощущение этого нового мира и его хозяина — победившего пролетариата»¹.

Это ощущение было хорошо знакомо и другому замечательному поэту — Владимиру Луговскому: «Октябрь повернул и перевернул все мои мысли».

«Настоящее же начало моей творческой работе положил Октябрь, которому я обязан всем своим существом поэта», — писал в автобиографии другой поэт — Василий Казин. Его коллега по Пролеткульту и «Кузнице» Григорий Санников увидел это благотворное влияние Октября не только на примере своего творчества. «Мне, как и моим сверстникам, — писал он в авторском послесловии к книге избранных стихотворений (ГИХЛ, М., 1963), — дорогу в литературу открыла Октябрьская революция. Она дала нам свои темы, свое содержание и новое виденье мира».

Так думали, так понимали и принимали Октябрь лучшие люди новой России, для которых, по словам Блока, декреты революции становились символами, лозунгами, требовавшими творческой разработки, для которых судьба, будущее молодой Советской Респуб-

---

¹ Николай Тихонов. Собрание сочинений в шести томах, т. I. ГИХЛ, М., 1958, стр. 525.

лики были неотъемлемой частью их личной биографии.

Сложными, многообразными, нередко противоречивыми путями шла молодая советская литература к постижению сущности нового поворота в исторической судьбе России, к глубокому реалистическому изображению возрождения человеческого в человеке, к художественному открытию нового героя.

Героико-романтический революционный пафос, яркое, энергично выраженное стремление переделать жизнь, упрочить и развить далее победные завоевания Октября — характерная черта молодой советской поэзии, сумевшей выразить не только восторженность революционной новью, не только массовую целеустремленность и духовное единство миллионов трудящихся, но и глубокие личностные переживания нового героя, красоту и сложность, а подчас и противоречивость его внутреннего мира. «Космизм» не был отличительной чертой лирики только пролетарских поэтов; космические мотивы и образы — одна из характерных черт молодой советской лирической поэзии. Выдающаяся заслуга многих поэтов 20-х годов прежде всего в том, что они сумели увидеть и воплотить в образах главное в развитии революции, новые черты в духовном облике рожденного ею человека — хозяина жизни, его социальную и политическую активность, его трудовой энтузиазм, стремление в едином массовом порыве переделать жизнь, отстоять и защитить завоевания революции, ее настоящее и ее будущее, сумели затем, в последующие годы, отразить пафос нового, социалистического строительства, энтузиазм строителей Днепрогэса и Магнитки. При всем различии образно-ритмических средств, эти же темы и этот же пафос были присущи поэзии В. Маяковского, Н. Асеева. Дружба и сотрудничество с Маяковским оказали влияние на творчество Николая Асеева, пожалуй, не в меньшей степени, чем поэзия В. Хлебникова или Б. Пастернака. У Хлебникова он учился смелости эксперимента, поиску изощренного поэтического слова и вере в собственную власть над ним. В лирике Асеева заметна близость к метафорическому строю поэзии Пастернака. Но гражданскую страстность и яркую социальную содержательность лирика

Асеева обрела при явном влиянии Маяковского. Революция и гражданская война застали Асеева на Дальнем Востоке. Так же, как и многие другие поэты 20-х годов (В. Луговской, Н. Тихонов, Н. Заболоцкий, В. Инбер, И. Сельвинский и др.), Асеев пережил известные трудности и противоречия в поэтическом освоении действительности. Активно включившись в литературную жизнь страны, Асеев сумел подняться до глубочайших социальных обобщений, создал такие замечательные лирические произведения, как «Марш Буденного», «Синие гусары» и др., свидетельствующие о гражданской и поэтической зрелости автора.

Немало замечательных страниц отечественной поэзии связано с революционно-романтической лирикой.

Романтическая настроенность, скажем, в творчестве Э. Багрицкого носила сложный и во многом противоречивый характер. С трудом преодолевая творческий кризис в годы нэпа, повлиявшие, заметим кстати, на особенность мироощущения и миропонимания многих поэтов того времени, Э. Багрицкий пришел к созданию социально полновесных и художественно ярких лирических и эпических произведений.

Романтика для некоторых комсомольских поэтов служила поначалу средством ухода от действительности, от ее жизненно важных проблем и задач. Возвышенно-романтические настроения, например, в творчестве Н. Тихонова сказывались почти до конца 20-х годов. И многие поэты революционно-романтической школы подлинных удач достигли уже в самом конце 20-х — начале 30-х годов. Ими было намечено русло, по которому развивалась советская поэзия в дальнейшем; лучшие поэтические традиции романтической лирики того времени живы и сегодня.

В поэзию 20-х годов органически вписывается творчество поэтов, тяготевших к крестьянской проблематике, — в то время их называли крестьянскими. Различие в социальном опыте не помешало им увидеть в революции ее созидательные творческие начала. Чаще обращаясь к лирическому решению общественно важных тем, творчески используя народно-песенные и реалистические литературные традиции,

крестьянские поэты утверждали главное в революции — раскрепощение труда, духовное возрождение нового человека.

На этой же социальной ниве обрел свой поэтический голос и другой замечательный поэт Советской России — Сергей Есенин, прошедший сложный и противоречивый жизненный и творческий путь. Приняв революцию, по собственному признанию, с «крестьянским уклоном», поэт не сразу разобрался в ее гуманистической сути и не так скоро, как это ныне иногда пытаются представить, понял ее глубочайшую заинтересованность в судьбах не только русского пролетариата, но и русской деревни тоже.

Именно в этом истоки недоверия поэта к городу, истоки того надолго затянувшегося духовного кризиса, которому свойственны были и надломленность, и отчаяние, и буйное «хулиганство», и скорбный пессимизм, выразившиеся в чуть ли не полном отсутствии социальных примет времени в его раннем послеоктябрьском творчестве. Сложный и трудный путь приобщения к новому прошел этот поэт, оказавший огромное влияние на развитие не только современной ему, но и всей советской лирической поэзии, мучительно переживавший до конца своих дней разлад, оторванность свою от главного течения жизни, сумевший с неподдельной искренностью и глубиной выразить в поэтическом слове сложный духовный разлад, трудный путь поисков своего места в рабочем строю новой эпохи.

Близки мелодике и ритмике есенинского стиха творческие опыты входивших в литературу А. Прокофьева, С. Щипачева, Н. Рыленкова, М. Исаковского, А. Твардовского, Н. Ушакова и др., более серьезных удач достигших позже, уже в 30-е годы.

Существенные черты времени сумели воплотить в лирических произведениях комсомольские поэты — А. Жаров, А. Безыменский, М. Светлов, В. Саянов, И. Уткин и др., лирика которых была во многом близка поэзии Пролеткульта не только в ее лучших достижениях, но и в ее ошибках.

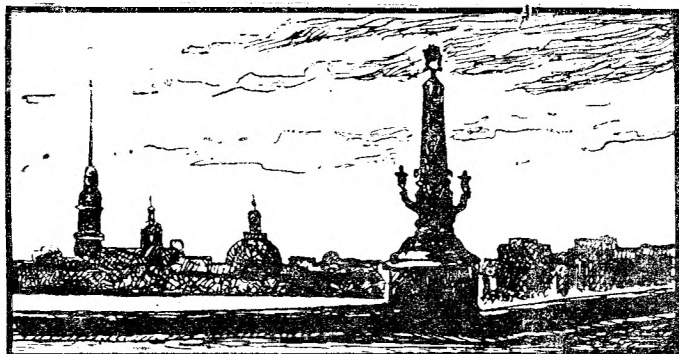
Новое время ставило новые задачи. И надо было спешить жить, поспевать не только отвечать новым требованиям, но и предвосхищать их. На смену голой

агитке, декларативным формулам и лозунговости постепенно приходила духовная и социальная зрелость, психологическая глубина постижения нового героя — коммуниста. Поэты 20-х годов вписали лучшие страницы в отечественную Лениниану, раскрыв глубоко гуманистическую природу не только самой революции, но и ее вождя, нового человеческого характера, «стержневого типа эпохи» — большевика-ленинца.

Трудными путями развивалась лирика 20-х годов, стремясь в лучших своих достижениях, через поиски связей личности и коллектива придти к подлинно масштабному осмыслению эпохи.

Попытка вскрыть объективные истоки великого созидательного подъема, овладевшего массами, стремление творчески осмыслить и соединить предысторию революции с самой революцией — способствовали в последующие годы не только углублению художественного воплощения нового человеческого характера, но и творчески обогащали самое внутреннее содержание подвига служения обществу, внутреннее содержание нового — социалистического — гуманизма. Человек и судьбы народные — вот подлинно плодотворное, подлинно гуманистическое русло, которым шло развитие советской лирической поэзии в 20-е годы и которым оно идет сегодня. Наша поэзия обращается ныне и будет обращаться еще не раз к этому героическому времени, положившему истоки формирования принципиально новой социалистической нравственности, социалистического гуманизма.

Валерий ВАКУЛЕНКО

АЛЕКСАНДР БЛОК

СКИФЫ

*Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.*

Владимир Соловьев

Милыоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,—
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал громá лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных роц далекий аромат,
И Кёльна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душистый, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет,— нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами!
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гуни
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это — звон ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С пароходом вдалеке.

Это — древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На подвижном скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.

Вот зачем в часы заката,
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

3. ГИППИУС

(ПРИ ПОЛУЧЕНИИ «ПОСЛЕДНИХ СТИХОВ»)

Женщина, безумная горячка,
Мне понятен каждый ваш намек,
Белая весенняя горячка
Всеми гневаами звенящих строк!

Все слова — как ненависти жала,
Все слова — как колющая сталь!
Ядом напоенного кинжала
Лезвие целую, глядя в даль...

Но вдали я вижу — море, море,
Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном хоре,
Где гудит и воет ураган!

Страшно, сладко, неизбежно, надо —
Мне — бросаться в многопенный вал,
Вам — зеленоглазую наядой
Петь, плескаться у ирландских скал.

Высоко — над нами — над волнами,—
Как заря над черными скалами —
Веет знамя — Интернационал!

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

НАШ МАРШ

Бейте в площади бунтов топот!
Выше, гордых голов гряда!
Мы разливом второго потопа
перемоем миров города.

Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан.

Есть ли наших золот небесней?
Нас ли сжалит пули оса?
Наше оружие — наши песни.
Наше золото — звенящие голоса.

Зеленю ляг, луг,
выстели дно дням.
Радуга, дай дуг
лет быстролётным коням.

Видите, скушно звезд небу!
Без него наши песни вьем.

Эй, Большая Медведица! требуй,
чтоб на небо нас взяли живьем.

Радости пей! Пой!
В жилах весна разлита.
Сердце, бей бой!
Грудь наша — медь литавр.

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Били копыта.
Пели будто:
— Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб.—
Ветром опита,
льдом обута,
улица скользила.

Лошадь на круп
грохнулась,
и сразу
за зевакой зевака,
штаны пришедшие Кузнецким клёшить,
сгрудились,
смех зазвенел и зазвякал:
— Лошадь упала! —
— Упала лошадь! —
Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подошел
и вижу
глаза лошадиные...

Улица опрокинулась,
течет по-своему...
Подошел и вижу —
за каплицей каплица

по морде катится,
прячется в шерсти...
И какая-то общая
звериная тоска
плеща вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
« Лошадь, не надо,
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь».
Может быть,
— старая —
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя казалась пошла́,
только
лошадь
рванулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребенок.
Пришла веселая,
стала в стойло.
И все ей казалось —
она жеребенок,
и стоило жить,
и работать стоило.

ПРИКАЗ ПО АРМИИ ИСКУССТВА

Канителят стариков бригады
канитель одну и ту ж.
Товарищи!
На баррикады! —
баррикады сердец и душ.
Только тот коммунист истый,
кто мосты к отступлению сжег.

Довольно шагать, футуристы,
в будущее прыжок!
Паровоз построить мало —
накрутил колес и утек.
Если песнь не громит вокзала,
то к чему переменный ток?
Громоздите за звуком звук вы
и вперед,
поя и свища.
Есть еще хорошие буквы:
Эр,
Ша,
Ща.
Это мало — построить páрами,
распушить по штанине канты.
Все совдепы не сдвинут армий,
если марш не дадут музыканты.
На улицу тащите рояли,
барабан из окна багром!
Барабан,
рояль раскрой ли,
но чтоб грохот был,
чтоб гром.
Это что — корпеть на заводах,
перемазать рожу в копоть
и на роскошь чужую
в отдых
осовелыми глазками хлопать.
Довольно грошовых истин.
Из сердца старое вытри.
Улицы — наши кисти.
Площади — наши палитры.
Книгой времени
тысячелистой
революции дни не воспеты.
На улицы, футуристы,
барабанчики и поэты!

ПОЭТ РАБОЧИЙ

Орут поэту:
«Посмотреть бы тебя у токарного станка.
А что стихи?
Пустое это!
Небось работать — кишка тонка».
Может быть,
нам
труд
всяких занятий роднее.
Я тоже фабрика.
А если без труб,
то, может,
мне
без труб труднее.
Знаю —
не любите праздных фраз вы.
Рубите дуб — работать дабы.
А мы
не деревообделочники разве?
Голов людских обделываем дубы.
Конечно,
почтенная вещь — рыбачить.
Вытащить сеть.
В сетях осетры б!
Но труд поэтов — почтенный паче —
людей живых ловить, а не рыб.
Огромный труд — гореть над горном,
железа шипящие класть в закал.
Но кто же
в безделье бросит укор нам?
Мозги шлифуем рашпилем языка.
Кто выше — поэт
или техник,
который
ведет людей к вещественной выгоде?
Оба.
Сердца — такие ж моторы.
Душа — такой же хитрый двигатель.
Мы равные.
Товарищи в рабочей массе.

Пролетарии тела и духа.
Лишь вместе
вселенную мы разукрасим
и маршами пустим ухать.
Отгородимся от бурь словесных молотом.
К делу!
Работа жива и нова.
А праздных ораторов —
на мельницу!
К мукомолам!
Водой речей вертеть жернова.

ЛЕВЫЙ МАРШ

(МАТРОСАМ)

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу историю загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Эй, синеблузые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной,
Левой!

Левой!
Левой!
Там
за горами гóря
солнечный край непочатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружают нáнтятой,
стальной изливаются лéeвой, —
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ,
БЫВШЕЕ С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ
ЛЕТОМ НА ДАЧЕ

(ПУШКИНО, АКУЛОВА ГОРА, ДАЧА РУМЯНЦЕВА, 27 ВЕРСТ
ПО ЯРОСЛАВСКОЙ ЖЕЛ. ДОР.)

В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла —
на даче было это.
Пригорок Пушкино горбил

Акуловой горою,
а низ горы —
деревней был,
кривился крыш корою.
А за деревнею —
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.
А завтра
снова
мир залить
вставало солнце ало.
И день за днем
ужасно злить
меня
вот это
стало.
И так однажды разозлясь,
что в страхе все поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
«Слазь!
довольно шляться в пекло!»
Я крикнул солнцу:
«Дармоед!
занежен в облака ты,
а тут — не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!»
Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать —

и ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса,
ввалилось;
дух переведа,
заговорило басом:
«Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чай гони,
гони, поэт, варенье!»
Слеза из глаз у самого —
жара с ума сводила,
но я ему —
на самовар:
«Ну что ж,
садись, светило!»
Черт дернул дерзости мои
орать ему, —
skonфужен,
я сел на уголок скамьи,
боюсь — не вышло б хуже!
Но странная из солнца ясь
струилась, —
и степенность
забыв,
сижу, разговорясь
с светилом постепенно.
Про то,
про это говорю,
что-де заела Роста,
а солнце:
«Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!
А мне, ты думаешь,
светить
легко?
— Поди попробуй! —

А вот идешь —
взялось идти,
идешь — и светишь в оба!»
Болтали так до темноты —
до бывшей ночи то есть.
Какая тьма уж тут?
На «ты»
мы с ним, совсем освоясь.
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
«Ты да я,
нас, товарищ, двое!
Пойдем, поэт,
взорим,
вспоем
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить свое,
а ты — свое,
стихами».
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Стихов и света кутерьма —
сияй во что попало!
Устанет то,
и хочет ночь
прилечь,
тупая сонница.
Вдруг — я
во всю светаю мочь —
и снова день трезвонится.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЧКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Слава тебе, красноезвездный герой!
Землю кровью вымыв,
во славу коммуны,
к горе за горой
шедший твердынями Крыма.
Они проползали танками рвы,
выпятив пушек шеи,—
телами рвы заполняли вы,
по трупам перейдя перешеек.
Они
за окопами взрыли окоп,
хлестали свинцовой рекою,—
а вы
отобрали у них Перекоп
чуть не голой рукою.
Не только тобой завоеван Крым
и белых разбита орава,—
удар твой двойной:
завоевано им
трудиться великое право.
И если
в солнце жизнь суждена
за этими днями хмурыми,
мы знаем —
вашей отвагой она
взята в перекопском штурме.
В одну благодарность сливаем слова
тебе,
красноезвездная лава.
Во веки веков, товарищи,
вам —
слава, слава, слава!

СТИХОТВОРЕНИЕ О МЯСНИЦКОЙ, О БАБЕ И О ВСЕРОССИЙСКОМ МАСШТАБЕ

Сапоги почистить — 1 000 000.

Состояние!

Раньше б дом купил —
и даже неплохой.

Привыкли к миллионам.

Даже до луны расстояние
советскому жителю кажется чепухой.

Дернул меня черт

писать один отчет.

«Что это такое?» —
спрашивает с тоскою
машинистка.

Ну, что отвечу ей?!

Черт его знает, что это такое,
если сзади

у него

тридцать семь нулей.

Недавно уверяла одна дура,
что у нее

тридцать девять тысяч семь сотых температура.

Так привыкли к таким числам,
что меньше сажени число и не мыслим.

И нам,

если мы на митинге ревом,
рамки арифметики, разумеется, узки —
все разрешаем в масштабе мировом.

В крайнем случае — масштаб общерусский.

«Электрификация?!» — масштаб всероссийский.

«Чистка!» — во всероссийском масштабе.

Кто-то

даже,

чтоб избежать переписки,

предлагал —

сквозь землю

до Вашингтона кабель.

Иду.

Мясницкая.

Ночь глуха.
Скачу трясогузкой с ухаба на ухаб.
Сзади с тележкой баба.
С вещами
на Ярославский
хлюпает по ухабам.
Сбивают ставшие в хвост на галоши;
то грузовик обдаст,
то лошадь.
Балансируя
— четырехлетний навык! —
тащусь меж канавиц,
канав,
канавок.
И то
— на лету вспоминая маму —
с размаху
у почтамта
плюхаюсь в яму.
На меня тележка.
На тележку баба.
В грязи ворочаемся с боку на бок.
Что бабе масштаб грандиозный наш?!
Бабе грязью обдало рыло,
и баба,
взбираясь с этажа на этаж,
сверху
и меня
и власти крыла.
Правдив и свободен мой вещей язык
и с волей советскою дружен,
но, натолкнувшись на эти низы,
даже я запнулся, сконфужен.
Я
на сложных агитвопросах рос,
а вот
не могу объяснить бабе,
почему это
о грязи
на Мясницкой
вопрос
никто не решает в общемясницком масштабе?!

ПРИКАЗ № 2 АРМИИ ИСКУССТВ

Это вам —
упитанные баритоны —
от Адама
до наших лет,
потрясающие театрами именуемые притоны
ариями Ромео и Джульетт.

Это вам —
центры,
раздобревшие как кони,
жрущая и ржущая России краса,
прячущаяся мастерскими,
по-старому драконя
цветочки и телеса.

Это вам —
прикрывшиеся листиками мистики,
лбы морщинками изрыв —
футуристики,
имажинистики,
акмеистики,
запутавшиеся в паутине рифм.

Это вам —
на растрепанные сменившим
гладкие прически,
на лапти — лак,
пролеткультцы,
кладущие заплатки
на вылинявший пушкинский фрак.

Это вам —
пляшущие, в дуду дующие,
и открыто предающиеся,
и грешащие тайком,
рисующие себе грядущее
огромным академическим пайком.
Вам говорю

я —
гениален я или не гениален,
бросивший безделушки
и работающий в Росте,

говорю вам —
пока вас прикладами не прогнали:
бросьте!

Бросьте!
Забудьте,
плюньте
и на рифмы,
и на арии,
и на розовый куст,
и на прочие мелехлюндии
из арсеналов искусств.
Кому это интересно,
что — «Ах, вот бедненький!
Как он любил
и каким он был несчастным...»?
Мастера,
а не длинноволосые проповедники
нужны сейчас нам.
Слушайте!
Паровозы стонут,
дует в щели и в пол:
«Дайте уголь с Дону!
Слесарей,
механиков в депо!»

У каждой реки на истоке
лежа с дырой в боку,
пароходы провыли доки:
«Дайте нефть из Баку!»
Пока канителю, спорим,
смысл сокровенный ища:
«Дайте нам новые формы!» —
несется вопль по вещам.
Нет дураков,
жда, что выйдет из уст его,
стоять перед «маэстрами» толпой разинь.
Товарищи,
дайте новое искусство —
такое,
чтобы выволочь республику из грязи.

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.
Обдают дождем дела бумажные,
чуть войдешь в здание:
отобрав с полсотни —
самые важные! —
служащие расходятся на заседания.

Заявишься:
«Не могут ли аудиенцию дать?
Хожу со времени она». —
«Товарищ Иван Ваньч ушли заседать —
объединение Тео и Гукона».

Исколесишь сто лестниц.
Свет не мил.
Опять:
«Через час велели прийти вам.
Заседают:
покупка склянки чернил
Губкооперативом».

Через час:
ни секретаря,
ни секретарши нет —
гболо!
Все до 22-х лет
на заседании комсомола.
Снова взбираюсь, глядя на ночь,
на верхний этаж семиэтажного дома.
«Пришел товарищ Иван Ваньч?» —
«На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».
Взъяренный,
на заседание

врываюсь лавиной,
дикие проклятья дорбгой изрыгая.
И вижу:
сидят людей половины.
О, дьявольщина!
Где же половина другая?
«Зарезали!
Убили!»
Мечусь, оря.
От страшной картины свихнулся разум.
И слышу
спокойнейший голосок секретаря:
«Оне на двух заседаниях сразу.
В день
заседаний на двадцать
надо поспеть нам.
Поневоле приходится раздвоиться.
До пояса здесь,
а остальное
там».

С волнения не уснешь.
Утро раннее.
Мечтой встречаю рассвет ранний:
«О, хотя бы
еще
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!»

МЫ НЕ ВЕРИМ!

Тенью истемня весенний день,
выклеен правительственный бюллетень.
Нет!
Не надо!
Разве молнии велишь
не литься?

Нет!
    не оковать язык грозы!
Вечно будет
    тысячестраничный
грохотать
    набатный
        ленинский язык.

Разве гром бывает немостою болен?!
Разве сдержишь смерч,
        чтоб вихрем не кипел?

Нет!
    не ослабеет ленинская воля
в миллионосильной воле РКП.

Разве жар
    такой
        термометрами меряется?!

Разве пульс
    такой
        секундами гудит?!

Вечно будет ленинское сердце
клокотать
    у революции в груди.

Нет!
Нет!
Не-е-т...
Не хотим,
        не верим в белый бюллетень.

С глаз весенних
        сгинь, навязчивая тень!

ВЕСЕННИЙ ВОПРОС

Страшное у меня горе.
Вероятно —
        лишусь сна.
Вы понимаете,
        вскоре
в РСФСР
        придет весна.

Сегодня
и завтра
и веков испокон
шатается комната —
солнца пропойца.
Невозможно работать.
Определенно обеспокоен.
А ведь откровенно говоря —
совершенно не из-за чего
беспокоиться.
Если подойти серьезно —
так-то оно так.
Солнце посветит —
и пройдет мимо.
А вот попробуй —
от окна оттяни кота.
А если и животное интересуется улицей,
то мне
это —
просто
необходимо.
На улицу вышел
и встал в лени я,
не в силах...
не сдвинуть с места тело.
Нет совершенно
ни малейшего представления,
что ж теперь, собственно говоря, делать?!
И за шиворот
и по носу
каплет безбожно.
Слушаешь.
Не смахиваешь.
Будто стих.
Юридически —
куда хочешь идти можно,
но фактически —
сдвинуться
никакой возможности.
Я, например,
считаюсь хорошим поэтом.

Ну, скажем,

могу

доказать:

«Самогон — большое зло».

А что про это?

Чем про это?

Ну нет совершенно никаких слов.

Например:

город советские служащие искрапили,
приветствуй весну,

ответь салютно!

Разучились —

нечем ответить на капли.

Ну, не могу сказать —

ни слова.

Абсолютно!

Стали вот так вот —

смотрят рассеянно,

Наблюдают —

скальвают дворники лед.

Под башмаками вода.

Бассейны.

Сбоку брызжет.

Сверху льет.

Надо принять какие-то меры.

Ну, не знаю что, —

например:

выбрать день

самый синий,

и чтоб на улицах

улыбающиеся милиционеры

всем

в этот день

раздавали апельсины.

Если это дорого —

можно выбрать дешевле,

проще.

Например:

чтоб старики,

безработные,

неучащаяся детвора

в 12 часов
                    ежедневно
                                    собирались на Советской
  площади,
троекратно кричали б:
                                    ура!
  ура!
  ура!
Ведь все другие вопросы
                                    более или менее ясны.
И относительно хлеба ясно,
  и относительно мира
  ведь.
Но этот
                            кардинальный вопрос
  относительно весны
нужно
            во что бы то ни стало
  теперь же
  урегулировать.

БАКУ

Баку.
Город ветра.
Песок плюет в глаза.
Баку.
Город пожаров.
Полыхание Балахан.
Баку.
Листья — копоть.
Ветки — провода.
Баку.
Ручьи —
                    чернила нефти.
Баку.
Плосковерхие дома.
Горбоносые люди.
Баку.
Никто не селится для веселья.
Баку.
Жирное пятно в пиджаке мира.

Баку.
Резервуар грязи,
но к тебе
я тянусь
любовью
более —
чем притягивает дервиша Тибет,
Мекка — правоверного,
Иерусалим —
христиан
на богомолье.

По тебе
машинами вздыхают
миллиарды
поршней и колес.
Поцелуют
и опять
целуют, не стихая,
маслом,
нефтью,
тихо
и вчасос.

Воле города
противостать не смея,
цепью сцепеневших тел
льнут
к Баку
покорно
даже змеи
извивающихся цистерн.
Если в будущее
крепко верится —
это оттого,
что до краев
изливается
столицам в сердце
черная
бакинская
густая кровь,

КОМСОМОЛЬСКАЯ

*Смерть —
не сместь!*

Строит,
рушит,
кроит
и рвет,
тихнет,
кипит
и пенится,
гудит,
говорит,
молчит
и ревет —
юная армия:
ленинцы.

Мы
новая кровь
городских жил,
тело нив,
ткацкой идей
нить.

Ленин —
жил,
Ленин —
жив,
Ленин —
будет жить.

Залили горем.
Свезли в мавзолей
частицу Ленина —
тело.
Но тленью не взять —
ни земле,
ни золе —
первейшее в Ленине —
дело.
Смерть,
косу положи!
Приговор лжив.

С таким небесам
не блажить.

Ленин — жил.

Ленин — жив,

Ленин — будет жить.

Ленин — жив
шаганьем Кремля —
вождя
капиталовых пленников.
Будет жить,
и будет
земля
гордиться именем:
Ленинка.

Еще
по миру
пройдут мятежи —
сквозь все межи
коммуне
путь проложить.

Ленин — жил.

Ленин — жив.

Ленин — будет жить.

К сведению смерти,
старой карги,
гонящей в могилу
и старящей:
«Ленин» и «Смерть» —
слова-враги.

«Ленин» и «Жизнь» —
товарищи.

Тверже
печаль держи.

Грудью
в горе прилив.
Нам —
не ныть.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.

Ленин рядом.
Вот
он.
Идет
и умрет с нами.
И снова
в каждом рожденном рожден —
как сила,
как знанье,
как знамя.
Земля,
под ногами дрожи.
За все рубежи
слова —
взвивайтесь кружить.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.
Ленин ведь
тоже
начал с азов,—
жизнь —
мастерская геньина.
С низа лет,
с класса низов —
рвись
разгромадиться в Ленина.
Дрожите, дворцов этажи!

Биржа нажив,
будешь

битая

выть.

Ленин —

жил.

Ленин —

жив.

Ленин —

будет жить.

Ленин

больше

самых больших,

но даже

и это

диво

создали всех времен

малыши —

мы,

малыши коллектива.

Мускул

узлом вяжи.

Зубы-ножи —

в знанье —

вонзай крошить.

Ленин —

жил.

Ленин —

жив.

Ленин —

будет жить.

Строит,

рушит,

кроит

и ревет,

тихнет,

кипит

и пенится,

гудит,

молчит,

говорит

и ревет —

юная армия:
                                  ленинцы,
Мы
      новая кровь
                                  городских жил,
тело нив,
ткацкой идей
                                  нить.
Ленин —
                                  жил.
Ленин —
                                  жив.
Ленин —
                                  будет жить.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Александр Сергеевич,
                                  разрешите представиться.
  Маяковский.

Дайте руку!
      Вот грудная клетка.
                                  Слушайте,
  уже не стук, а стон;
тревожусь я о нем,
                                  в щенка смирённом львенке.
Я никогда не знал,
                                  что столько
  тысяч тонн
в моей
                                  позорно легкомыслюй головенке.
Я тащу вас.
      Удивляетесь, конечно?
Стиснул?
      Больно?
                                  Извините, дорогой.
У меня,
                                  да и у вас,
  в запасе вечность.
Что нам
                                  потерять
  часок-другой?!

и большое
 понимаешь
 через ерунду.

Нами
 лирика
 в штыки
 неоднократно атакована,
 ищем речи
 точной
 и нагой.

Но поэзия —
 пресволочнейшая штукавина:
 существует —
 и ни в зуб ногой.

Например,
 вот это —
 говорится, или блеется?

Синемордое,
 в оранжевых усах,
 Навуходоносором
 библейцем —
 «Коопсах».
 Дайте нам стаканы!
 знаю
 способ старый
 в горе
 дуть винище,
 но смотрите —
 из
 выплывают
 Red и White Star'ы¹
 с ворохом
 разнообразных виз.
 Мне приятно с вами, —
 рад,
 что вы у столика.

Муза это
 ловко
 за язык вас тянет.

¹ Красные и белые звезды (англ.).

Как это
                   у вас
                                   говаривала Ольга?..
 Да не Ольга!
                                   из письма
   Онегина к Татьяне.
 — Дескать,
                                   муж у вас
   дурак
   и старый мерин,
 я люблю вас,
                                   будьте обязательно моя,
 я сейчас же
                                   утром должен быть уверен,
 что с вами днем увижусь я.—
 Было всякое:
                                   и под окном стояние,
 письма,
                                   тряски нервное желе.
 Вот
                                   когда
   и горевать не в состоянии —
 это,
                                   Александр Сергеич,
   много тяжелей.
 Айда, Маяковский!
                                   Маячь на юг!
 Сердце
                                   рифмами вымучь —
 вот
                                   и любви пришел каюк,
 дорогой Владим Владимыч.
 Нет,
                                   не старость этому имя!
 Түшу
                                   вперед стремя,
 я
                                   с удовольствием
   справлюсь с двоими,
 а разозлить —
                                   и с тремя.
 Говорят —
 я темой и-н-д-и-в-и-д-у-а-л-е-н!

Entre nous...¹

Переддам вам — чтоб цензор не нацыкал.

говорят —
видали

даже

двух

влюбленных членов ВЦИКа.

Вот —

пустили сплетню,

тешат душу ею.

Александр Сергеич,

да не слушайте ж вы их!

Может,

я

один

действительно жалею,

что сегодня

нету вас в живых.

Мне

при жизни

с вами

сговориться б надо.

Скоро вот

и я

умру

и буду нем.

После смерти

нам

стоять почти что рядом:

вы на Пе,

а я

на эМ.

Кто меж нами?

с кем велите знаться?!

Чересчур

страна моя

поэтами нищя́.

Между нами

— вот беда —

позатесался Нэдсон.

---

¹ Между нами... (франц.).

Мы попросим,
  чтоб его
  куда-нибудь
  на Ща!
А Некрасов
  Коля,
  сын покойного Алеши,—
он и в карты,
  он и в стих,
  и так
  неплох на вид.
Знаете его?
  вот он
  мужик хороший.
Этот
  нам компания —
  пускай стоит.
Что ж о современниках?!
Не просчитались бы,
  за вас
  полсотни   отдав.
От зевоты
  скулы
  разворачивает аж!
Дорогойченко,
  Герасимов,
  Кириллов, Родов —
какой
  одноробразный пейзаж!
Ну Есенин,
  мужиковствующих свора.
Смех!
  Коровою
  в перчатках лаечных.
Раз послушаешь...
  но это ведь из хора!
Балалаечник!
Надо,
  чтоб поэт
  и в жизни был мастак.
Мы крепки,
  как спирт в полтавском штофе.

Ну, а что вот Безыменский?!

Так...

ничего...

морковный кофе.

Правда,

есть

у нас

Асеев

Колька.

Этот может.

Хватка у него

моя.

Но ведь надо

заработать сколько!

Маленькая,

но семья.

Были б живы —

стали бы

по Лефу соредактор.

Я бы

и агитки

вам доверить мог.

Раз бы показал:

вот так-то, мол,

и так-то...

Вы б смогли —

у вас

хороший слог.

Я дал бы вам

жиркость

и сўкна,

в рекламу б

выдал

гумских дам.

(Я даже

ямбом подсюсюкнул,

чтоб только

быть

приятней вам.)

Вам теперь

пришлось бы

бросить ямб картавий,

Нынче
     наши перья —
   штык
   да зубья вил,—
 битвы революций
   посерьезнее «Полтавы»,
 и любовь
   пограндиознее
   онегинской любви.
 Войтесь пушкинистов.
   Старомозгий Плюшкин,
 перышко держа,
   полезет
   с перержавленным,
 — Тоже, мол,
   у лефов
   появился
   Пушкин.
 Вот арап!
   а состязается —
   с Державиным...
 Я люблю вас,
   но живого,
   а не мумию,
 Навели
   хрестоматийный глянец.
 Вы
     по-моему́
   при жизни
   — думаю —
 тоже бушевали.
   Африканец!
 Сукин сын Дантес!
   Великосветский шкода.
 Мы б его спросили:
   — А ваши кто родители?
 Чем вы занимались
   до 17-го года? —
 Только этого Дантеса бы и видели.
 Впрочем,
   что ж болтаешь!
   Спиритизма вроде,

Так сказать,
невольник чести...
пулею сражен...
Их
и по сегодня
много ходит —
всяческих
охотников
до наших жен.
Хорошо у нас
в Стране Советов.
Можно жить,
работать можно дружно.
Только вот
поэтов,
к сожаленью, нету —
впрочем, может,
это и не нужно.
Ну, пора:
рассвет
лучища выкалил.
Как бы
милиционер
разыскивать не стал.
На Тверском бульваре
очень к вам привыкли.
Ну, давайте
подсажу
на пьедестал.
Мне бы
памятник при жизни
полагается по чину.
Заложил бы
динамиту
— ну-ка, дрызнь!
Ненавижу
всяческую мертвечину!
Обожаю
всяческую жизнь!

ТАМАРА И ДЕМОН

От этого Терека
  в поэтах
  истерика.
Я Терек не видел,
  Большая потеряйка,
Из омнибуса
  вразвалку
сошел,
  поплеывал
  в Терек с берега,
совал ему
  в пену
  палку.
Чего же хорошего?
  Полный развал!
Шумит,
  как Есенин в участке.
Как будто бы
  Терек
  организовал,
проездом в Боржом,
  Луначарский.
Хочу отвернуть
  заносчивый нос
и чувствую:
  стыну на грани я,
овладевает
  мною
  гипноз,
воды
  и пены играние.
Вот башня,
  револьвером
  небу к виску,
разит
  красотою нетроганой.
Поди
  подчини ее
  преду искусств —
Петру Семенычу
  Кюгану.

Стою,
и злоба взяла меня,
что эту
дикость и выступления
с такой бездарностью
я
променял
на славу,
рецензии,
диспуты.
Мне место
не в «Красных нивах»,
а здесь,
и не построчно,
а даром
реветь
стараться в голос во весь,
срывая
струны гитарах.
Я знаю мой голос:
паршивый тон,
но страшен
силою ярой.
Кто видывал,
не усомнится,
что
я
был бы услышан Тамарой.
Царица крепится,
взвинчена хоть,
величественно
делает пальчиком.
Но я ей
сразу:
— А мне начхать,
царица вы
или прачка!
Тем более
с песен —
какой гонорар?!
А стирка —
в семью копейка,

А даром
     немного дарит гора :
 лишь воду —
         поди
             попей-ка! —
 Взъярилась царица,
         к кинжалу рука.
 Козой,
     из берданки ударенной.
 Но я ей
         по-своему,
                     вы ж знаете как —
 под ручку...
         любезно...
                     — Сударыня!
 Чего кипятитесь,
         как паровоз?
 Мы
     общей лирики лента.
 Я знаю давно вас,
         мне
                     много про вас
 говаривал
     некий Лермонтов.
 Он клялся,
         что страстью
                     и равных нет...
 Таким мне
         мерещился образ твой,
 Любви я заждался,
                     мне 30 лет.
 Полюбим друг друга.
                     Попросту,
 Да так,
         чтоб скала
                     распостелилась в пух.
 От черта скраду
         и от бога я!
 Ну что тебе Демон?
         Фантазия!
                     Дух!
 К тому ж староват —
         мифология.

Не кинь меня в пропасть,
 будь добра.
 От этой ли
 струшу боли я?
 Мне
 даже
 пиджак не жаль ободрать,
 а грудь и бока —
 тем более.
 Отсюда
 дашь
 хороший удар —
 и в Терек
 замертво треснется.
 В Москве
 больнее спускают...
 куда!
 ступеньки считаешь —
 лестница.
 Я кончил,
 и дело мое сторона.
 И пусть,
 озверев от помарок,
 про это
 пишет себе Пастернак.
 А мы...
 соглашайся, Тамара!
 История дальше
 уже не для книг.
 Я скромный,
 и я
 бастую!
 Сам Демон слетел,
 подслушал,
 и сник,
 и скрылся,
 смердя
 впустую.
 К нам Лермонтов сходит,
 презрев времена,
 Сияет —
 «Счастливая парочка!»

Люблю я гостей.
Бутылку вина!
Налей гусару, Тамарочка!

ГОРОД

Один Париж —
адвокатов,
казарм,
другой —
без казарм и без Эррио.
Не оторвать
от второго
глаза —
от этого города серого.
Со стен обещают:
«Un verre de Koto
donne de l'energie»¹.
Вином любви
каким
и кто
мою взбудоражит жизнь?
Может,
критики
знают лучше.
Может,
их
слушать надо.
Но кому я, к черту, попутчик!
Ни души
не шагает
рядом.
Как раньше,
свой
раскачивай горб
впереди
поэтовых арб —
неси,
один,
и радость,
и скрбь,

---

¹ Стакан Кото дает энергию (франц.).

и прочий
                                 люДСКОЙ скарб.
 Мне скучно
                                 здесь
   одному
   впередИ, —
 поэту
                         не надо многого, —
 пусть
                         только
   время
   скорей редит
 такого, как я,
                                 быстроногого.
 Мы рядом
                                 пойдем
   дорожной пыльцой.
 Одно
                         желанье
   пучит:
 мне скучно —
                                 желаю
   видеть в лицо,
 кому это я
                                 попутчик?!
 «je suis un chameau»,
   в плакате стоят
 литеры,
                                 каждая — фут.
 Совершенно верно:
   «je suis», —
   это
   «я»
 а «chameau» —
   это
   «я верблюду».
 Лиловая туча,
                                 скорей нагнись,
 меня
                         и Париж полей,
 чтоб только
                                 скорей
   зацвели огни

длинной
Елисейских полей.
Во всё огонь — и небу в темь,
и в чернь промокшей пыли.
В огне жуками
всех систем
жужжат автомобили.
Горит вода, земля горит,
горит асфальт
до жжения,
как будто зубрят
фонари
таблицу умножения.
Площадь красивой
и тысяч дам-болонок.
Эта площадь оправдала б
каждый горд
Если б был я Вандомская колонна
я б женился на Place de Concorde.

ВЕРЛЕН И СЕЗАН

Я стучаюсь
о стол,
о шкафа острия —
четыре метра ежедневно мерь.
Мне тесно здесь

на коротышке
  rue Campagne-Première¹,
  В отеле Istria —
мне жмет.
  Парижская жизнь не про нас —
в бульвары
  тоску рассыпай.
Направо от нас —
  Boulevard Montparnasse²,
налево —
  Boulevard Raspail³.
Хожу и хожу,
  не щадя каблука,—
хожу
  и ночь и день я,—
хожу трафаретным поэтом, пока
в глазах
  не встанут виденья.
Туман — парикмахер,
  он делает гениев —
загримировал
  одного
  бородой —
Добрый вечер, m-г Тургенев.
Добрый вечер, m-me Виардо.
Пошел:
  «За что боролись?
  А Рудин?..»
А вы,
  именье
  возьми подпальни...»
Мне
  их разговор эмигрантский
  нуден,
и юркаю
  в кафе от скульни.
Да.
  Это он,
  вот эта сова —

---

¹ Улица Кампань-Премьер (франц.).

² Бульвар Монпарнас (франц.).

³ Бульвар Распай (франц.).

не тронул
 великого
 тлен.
 Приподнял шляпу :
 «Comment ça va,
 cher camarade Verlaine?»¹
 Откуда вас знаю?
 Вас знают все.
 И вот
 довелось состукаться.
 Лет сорок
 вы тянете
 свой абсент
 из тысячи репродукций.
 Я раньше
 вас
 почти не читал,
 а нынче —
 вышло из моды, —
 и рад бы прочесть —
 не поймешь ни черта :
 по-русски дрянь, —
 переводы.
 Не злитесь, —
 со мной,
 должно быть, и вы
 знакомы
 лишь понаслышке.
 Поговорим
 о пустяках путевых,
 о нашинском ремеслишке.
 Теперь
 плохие стихи —
 труха.
 Хороший —
 себе дороже.
 С хорошим
 и я б
 свои потроха
 сложил
 под забором
 тоже.

---

¹ Как поживаете, дорогой товарищ *Верлен?* (франц.).

Бумаги
                   гладь
                                   облевывая
 пером,
                   концом губы —
 поэт,
                   как блядь рублевая,
 живет
                   с словцом любимым.
 Я жизнь
                   отдать
                                   за сегодня
   рад.

Какая это громада!
 Вы чуете
                   слово —
                                   пролетариат? —
 ему
                   грандиозное надо.
 Из кожи
                   надо
                                   вылазить тут,
 а нас —
                   к журнальчикам
   премией.

Когда ж поймут,
                   что поэзия —
   труд,
 что место нужно
                   и время ей.
 «Лицом к деревне» —
   заданье дано,—
 за гусли,
                   поэты-други!
 Поймите ж —
                   лицо у меня
   одно —
 оно лицо,
                   а не флюгер.

А тут и Гус
                   отверзает уста:
 вопрос не решен.
                   «Который?»

Поэт?
 Так ведь это ж — просто кустарь,
 простой кустарь, без мотора».
 Перо
 такому в язык вонзи,
 приборей к векам кунсткамер.
 Ты врешь. Еще
 не найден бензин,
 что движет сердец кусками.
 Идею
 нельзя замешать на воде.
 В воде отсыреет идеяка.
 Поэт
 никогда и не жил без идей.
 Что я — попугай?
 индейка?
 К рабочему
 надо идти серьезней —
 недооценили их мы.
 Поэты,
 покайтесь, пока не поздно,
 во всех отглагольных рифмах.
 У нас
 поэт события берет —
 опишет вчерашний гул,
 а надо рваться в завтра,
 вперед,

бывало от вашего имени.
 Бывало — сезон,
 наш бог — Ван-Гог,
 другой сезон — Сезан.
 Теперь ушли от искусства
 вбок —
 не краску любят,
 а сан.
 Птенцы — у них
 молоко на губах,—
 а с детства к смирению падки.
 Большущее имя взяли АХРР,
 а чешут ответственным
 пятки.
 Небось не напишут
 мой портрет,—
 не трут понапрасну
 кисти.
 Ведь то же лицо как будто,—
 ан нет,
 рисуют кто поцекистей.
 Сезан остановился на линии,
 и весь размерсился — тронутый.
 Париж, фиолетовый,
 Париж в анилине,
 вставал за окном «Ротонды».

ПРОЩАНИЕ

В авто,
    последний франк разменяв.
— В котором часу на Марсель? —
Париж
    бежит,
                    провожая меня,
во всей
    невозможной красе.
Подступай
    к глазам,
                    разлуки жижя,
сердце
    мне
    сентиментальностью расквасы!
Я хотел бы
    жить
    и умереть в Париже,
Если б не было
    такой земли —
                    М о с к в а,

БЛЭК ЭНД УАЙТ

Если
    Гавану
                    окинуть мигом —
рай-страна,
    страна что надо.
Под пальмой
    на ножке
                    стоят фламинго,
Цветет
    коларио
    по всей Ведадо.
В Гаване
    все
    разграничено четко:

у белых доллары,
у черных — нет.
Поэтому Вилли
стоит со щеткой
у «Энри Клей энд Бок, лимитед».
Много
за жизнь повымел Вилли —
одних пылинок целый лес,—
поэтому. волос у Вилли
вылез,
поэтому живот у Вилли
влез.
Мал его радостей тусклый спектр:
шесть часов поспать на боку,
да разве что
вор,
портовдй инспектор,
кинет
негру
цент на бегу.
От этой грязи скроешься разве?
Разве что
стали б
ходить на голове.
И то
намели бы
больше грязи:
волосьев тыщи,
а ног —
две.
Рядом
шла
нарядная Прадо.
То звякнет,
то вспыхнет
трехверстный джаз.
Дурню покажется,
что и взаправду

бывший рай
  в Гаване как раз.
В мозгу у Вилли
  мало извилин,
мало всходов,
  мало посева.
Одно-
  единственное вызубрил Вилли
тверже,
  чем камень
  памятника Масео:
«Белый
  ест
  ананас спелый,
черный —
  гнилью моченый.
Белую работу
  делает белый,
черную работу —
  черный».
Мало вопросов Вилли сверлили.
Но один был
  закорюка из закорюк.
И когда
  вопрос этот
  влезал в Вилли,
щетка
  падала
  из Виллиных рук.
И надо же случиться,
  чтоб как раз тогда
к королю сигарному
  Энри Клей
пришел,
  белей, чем облаков стада,
величественнейший из сахарных королей,
Негр
  подходит
  к туше дебелой:
«Ай бэг ёр пáрдон, мистер Брэгг!
Почему и сахар,
  белый-белый,

должен делать   черный негр?
Черная сигара   не идет в усах вам —
она для негра   с черными усами.
А если вы   любите
  кофий с сахаром,
то сахар   извольте
  делать сами».
Такой вопрос   не проходит даром.
Король   из белого
  становится желт.
Вывернулся   король
  сообразно с ударом,
выбросил обе перчатки   и ушел.
Цвели   кругом чудеса ботаники.
Бананы   сплетали
  сплошной кров.
Вытер   негр
  о белые подштанники
руку,
  с носа утершую кровь.
Негр   посопел подбитым носом,
поднял щетку,
  держась за скулу.
Откуда знать ему,
  что с таким вопросом
надо обращаться   в Коминтерн,
  в Москву?

БРӨДВЕЙ

Асфальт — стекло.
Иду и звеню.
Леса и травинки —
сбриты.
На север
с юга
идут авеню,
на запад с востока —
стриты.
А между —
(куда их строитель завез!) —
дома
невозможной длины.
Одни дома
длиною до звезд,
другие —
длиной до луны.
Янки
подошвами шлепать
ленив:
простой
курьерский лифт.
В 7 часов
человечий прилив,
в 17 часов —
отлив.
Скрежещет механика,
звон и гам,
а люди
немые в звоне.
И лишь замедляют
жевать чуингам,
чтоб бросить:
«Мек мóней?»¹
Мамаша
грудь
ребенку дала

¹ Делаеть деньги? (от англ. Make money?)

Ребенок,
с каплями из носу,
сосет
как будто
не грудь, а доллар —
занят
серьезным бизнесом.
Работа окончена.
Тело обвей
в сплошной
электрический ветер.
Хочешь под землю —
бери собвей,
на небо —
бери элевэйтер.
Вагоны
едут
и дымам под рост,
и в пятках
домовых трутся,
и вынесут
хвост
на Бруклинский мост,
и спрячут
в норы
под Гудзон.
Тебя ослепило,
ты
осовел.
Но
как барабанная дробь,
из тьмы
по темени:
«Кофе Максвел
гуд
ту ди ласт друп»¹.
А лампы
как станут
ночь копать,

---

¹ Хорош до последней капли (от англ. Good to the last drop).

ньюйоркские улицы льются.
Кто их радует?
                                чем их злят?
О чем их дума?
                                куда их взгляд?
Индейцы думают:
                                «Ишь —
  капитал!
Ну и домá застроил.
Всё отберем
                                ни за пятак
при
                        социалистическом строе.
Сначала
                        будут
                                бои клокотать.
А там
                        ни вражды,
  ни начальства!
Тишь
                        да гладь
  да божья благодать —
сплошное луначарство.
Иными
                        рейсами
  вспенятся воды;
пойдут
                        пароходы зажаривать,
сюда
                        из Москвы
  возить переводы
произведений Жарова.
И радио —
  только мгла легла —
правду-матку вызвенит.
Придет
                        и расскажет
  на весь вигвам,
в чем
                        красота жизни.
И к правде
                        пойдет
  индейская рать,

вздымаясь
                                знаменной уймою...»
Впрочем,
                                зачем
  про индейцев врать?
Индейцы
                                про это
  не думают.
Индеец думает:
                                «Там,
  где чёрно́
воде
                                у моста в оскале,
плескался
                                недавно
  юркий челнок
деда,
                                искателя скальпов.
А там,
                                где взвит
  этажей коробо́к
и жгут
                                миллион киловатт,—
стоял
                                индейский
  военный бог,
брюхат
                                и головат.
И всё,
                                что теперь
  вокруг течет,
всё,
                                что отсюда видимо,—
всё это
                                вытворил белый черт,
заморская
                                белая ведьма.
Их
                                всех бы
  в лес прогнать
  в один,
и мы чтоб
                                с копьём гонялись...»

Поди
     под такую мысль
   подведи
 классовый анализ.
 Мысль человечья
   много сложней,
 чем знают
                                 у нас
                                 о ней.
 Тряхнув
                         оперенья нарядную рядь
 над пастью
                         облошаделой,
 сошли
                 и — пока! —
   пошли умирать.
 А что им
                 больше
                         делать?
 Подумай
                 о новом агит-винте.
 Винти,
                 чтоб задор не гас его.
 Ждут.
                 Переводы, Коминтерн,
 расовый гнев
                         на классовый.

БАРЫШНЯ И ВУЛЬВОРТ

Бродвей сдурел.
                                 Бегня и гúлево.
 Домá
                 с небес обрываются
   и висят.
 Но даже меж ними
                                  заметишь Вúльворт.
 Корсетная коробка
                                 этажей под шестьдесят.

Сверху
     разведывают
                                 звезд взводы,
 в средних
     тайпистки
                                 стрекочут бешено.
 А в самом нижнем —
                                 «Дрогс со́да,
 гред энд фэймус кóмпани-нэйшенал».
 А в окошке мисс
                                 семнадцати лет
 сидит для рекламы
                                 и точит ножи.
 Ржавые лезвия
                                 фирмы «Жиллет»
 кладет в патентованный
                                 железный зажим
 и гладит
                                 и водит
                                 кожей ремня.
 Хотя
     усов
                                 и не полагается ей,
 но водит
     по губке,
                                 усы возомня,—
 дескать —
                                 готово,
                                 наточил и брей.
 Наточит один
                                 до сияния лучика
 и новый ржавый
                                 берет для возни.
 Наточит,
     вынет
                                 и сделает ручкой.
 Дескать —
     зайди,
                                 купи,
                                 возьми.
 Буржуем не сделаешься с бритвенной точки.
 Бегут без бород
                                 и без выражений на лице.

Богатств буржуйских особые источники:
 работай на доллар,
   а выдадут цент.
 У меня ни усов,
   ни долларов,
   ни шевелюр,—
 и в горле
   застревают
   английского огрызки.
 Но я подхожу
   и губми шевелю —
 как будто
   через стекло
   разговариваю по-английски.
 «Сидишь,
   глазами буржуев охлопана.
 Чем обнадежена?
   Дура из дур».
 А девушке слышится!
   «Опен,
 óпен ди дор»¹.
 «Что тебе заботиться
   о чужих усах?»
 Вот...
   посадили...
   как дуру еловую».
 А у девушки
   фантазия раздувает паруса,
 и слышится девушке:
   «Ай лóв ю»².
 Я злею:
   «Выйдь,
   окно разломай,—
 а бритвы раздай
   для жирных горл».
 Девушке мнится:
   «Май,
 май гёрл»³.
 Выходит
   фантазия из рамок и мерок —

¹ Откройте, откройте дверь (от англ. Open, open the door),

² Я люблю вас (от англ. I love you).

³ Моя, моя милая (от англ. My, my girl).

и я
кажусь
красивый и толстый.
И чудится девушке —
влюбленный клерк
на ней
жениться
приходит с Вólстрит.
И верит мисс,
от счастья дрожа,
что я —
долларовый воротила,
что ей
уже
в других этажах
готовы бесплатно
и стол
и квартира.
Как врезать ей
в голову
мысли-ножи,
что русским известно другое средство,
как влезть рабочим
во все этажи
без грез,
без свадеб,
без жданий наследства.

ДОМОЙ!

Уходите, мысли, восвояси.
Обнимись,
души и моря глубь.
Тот,
кто постоянно ясен, —
тот,
по-моему,
просто глуп.
Я в худшей каюте
из всех кают —
всю ночь надо мною
ногами куют.
Всю ночь,
покой потолка возмутив,

С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин,
«Так, мол,
и так...
И до самых верхов
прошли
из рабочих нор мы:
в Союзе
Республик
пониманье стихов
выше
довоенной нормы...»

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Вы ушли,
как говорится,
в мир иной.
Пустота...
Летите,
в звезды врезываясь.
Ни тебе аванса,
ни пивной.
Трезвость.
Нет, Есенин,
это
не насмешка.
В горле
горе комом —
не смешок.
Вижу —
врезанной рукой помешкав,
собственных
костей
качаете мешок.
— Прекратите!
Бросьте!
Вы в своем уме ли?

утомительно
и длинно,
как Доронин.
А по-моему,
осуществись
такая бредь,
на себя бы
раньше наложили руки.
Лучше уж
от водки умереть,
чем от скуки!
Не откроют
нам
причин потери
ни петля,
ни ножик перочинный.
Может,
окажись
чернила в «Англетере»,
вены
резать
не было б причины.
Подражатели обрадовались:
бис!
Над собою
чуть не взвод
расправу учинил.
Почему же
увеличивать
число самоубийств?
Лучше
увеличь
изготовление чернил!
Навсегда
теперь
язык
в зубах затворится.
Тяжело
и неуместно
разводить мистерии.
У народа,
у языкотворца,

умер
     звонкий
             забудыга подмастерье.
 И несут
     стихов заупокойный лом,
 с прошлых
     с похорон
             не переделавши почти.
 В холм
     тупые рифмы
             загонять колом —
 разве так
     поэта
             надо бы почтить?
 Вам
     и памятник еще не слит,—
 где он,
     бронзы звон
             или гранита грань? —
 а к решеткам памяти
             уже
             понанесли
 посвящений
     и воспоминаний дрянь.
 Ваше имя
     в платочки рассоплено,
 ваше слово
     слюнявит Собинов
 и выводит
     под березкой дохлой —
 «Ни слова,
     о дру-уг мой,
             ни вздо-о-о-о-ха».
 Эх,
     поговорить бы йначе
             с Леонидом Лознгринымем!
 Встать бы здесь
     гремящим скандалистом:
 — Не позволю
     мямлить стих
             и мять! —
 Оглушить бы
     их трехпалым свистом

в бабушку
и в бога душу мать!
Чтобы разнеслась
бездарнейшая погань,
раздувая
темь
пиджачных парусов,
чтобы
врассыпную
разбежался Кюган,
встреченных
увеча
пиками усов.
Дрянь
пока что
мало поредела.
Дела много —
только поспевать.
Надо
жизнь
сначала переделать,
переделав —
можно воспевать.
Это время —
трудновато для пера,
но скажите
вы,
калеки и калекши,
где,
когда,
какой великий выбирал
путь,
чтобы протоптанней
и легче?
Слово —
полководец
человечьей силы.
Марш!
Чтоб время
сзади
ядрами рвалось.

К старым дням
                                чтоб ветром
  относило
только
                        путаницу волос.
Для веселия
                        планета наша
  мало оборудована.
Надо
                вырвать
                                радость
  у грядущих дней.
В этой жизни
                        помереть
  не трудно.
Сделать жизнь
                                значительно трудней.

РАЗГОВОР С ФИНИНСПЕКТОРОМ О ПОЭЗИИ

Гражданин фининспектор!
  Простите за беспокойство,
Спасибо...
                        не тревожьтесь...
  я постою...
У меня к вам
                        дело
                                деликатного свойства:
о месте
                        поэта
                                в рабочем строю.
В ряду
                        имеющих
  лабазы и угодня
и я обложен
                                и должен караться.
Вы требуете
                        с меня
  пятьсот в полугодие
и двадцать пять
                                за неподачу деклараций.

Труд мой
                   любому
                                 труду
   родствен.

Взгляните —
                                 сколько я потерял,
 какие
                   издержки
                                 в моем производстве
 и сколько тратится
                                 на материал.

Вам,
                   конечно, известно
                                 явление «рифмы».

Скажем,
                   строчка
                                 окончилась словом
   «отца»,

и тогда
                   через строчку,
                                 слога повторив, мы

ставим
                   какое-нибудь:
   ламцадрица-ца́.

Говоря по-вашему,
                                 рифма —
   вексель.

Учесь через строчку! —
                                 вот распоряжение.

И ищешь
                   мелочишку суффиксов и флексий
 в пустующей кассе
                                 склонений
   и спряжений,

Начнешь это
                   слово
                                 в строчку всовывать,
 а оно не лезет —
                                 нажал и сломал.

Гражданин фининспектор,
                                 честное слово,
 поэту
                   в копеечку влетают слова

Эти слова
        приводят в движение
тысячи лет
        миллионов сердца.
Конечно,
        различны поэтов сорта.
У скольких поэтов
        легкость руки!
Тянет,
        как фокусник,
                                строчку изо рта
и у себя
        и у других.
Что говорить
        о лирических кастратах?!
Строчку
        чужую
                                вставит — и рад.
Это
        обычное
                                воровство и растрата
среди охвативших страну растрат.
Эти
        сегодня
                                стихи и оды,
в аплодисментах
                                ревомя ревя,
войдут
        в историю
                                как накладные расходы
на сделанное
        нами —
                                двумя или тремя.
Пуд,
        как говорится,
                                соли столовой
съешь
        и сотней папирос клуби,
чтобы
        добыть
                                драгоценное слово
из артезианских
                                людских глубин.

И сразу
                                 ниже
   налога рост.
 Скиньте
                                 с обложенья
   нуля колесо!
 Рубль девяносто
   сотня папирос,
 рубль шестьдесят
   столовая соль.
 В вашей анкете
   вопросов масса:
 — Были выезды?
   Или выездов нет? —
 А что,
                                 если я
   десяток пегасов
 загнал
                                 за последние
   15 лет?!
 У вас —
                                 в мое положенье войдите —
 про слуг
                                 и имущество
   с этого угла.
 А что,
                                 если я
   народа водитель
 и одновременно —
   народный слуга?
 Класс
                                 гласит
   из слова из нашего,
 а мы,
                                 пролетарии,
   двигатели пера.
 Машину
                                 души
   с годами изнашиваешь.
 Говорят:
                                 — в архив,
   исписался,
   пора! —

Все меньше любитя,
и лоб мой
                время
                        все меньше дерзается,
                        с разбега крушит.

Приходит
                страшнейшая из амортизаций —
амортизация
                сердца и души.

И когда
                это солнце
                        разжиревшим боровом
взойдет
                над грядущим
                        без нищих и калек,—

я
уже
                сгнию,
                        умерший под забором,
рядом
                с десятком
                        моих коллег.

Подведите
                мой
                        посмертный баланс!
Я утверждаю
                и — знаю — не налгу:
на фоне
                сегодняшних
                        дельцов и пролаз
я буду
                — один! —
                        в непролазном долгу.

Долг наш —
                реветь
                        медногорлой сиреной
в тумане мещанья,
                у бурь в кипенье,

Поэт
                всегда
                        должник вселенной,

платящий
                   на гóре
                                   проценты
   и пени.

Я
   в долгу
           перед Бродвейской лампией,
 перед вами,
           багдадские небеса,
 перед Красной Армией,
                                   перед вишнями Японии —
 перед всем,
           про что
                                   не успел написать.

А зачем
           вообще
                                   эта шапка Сене?

Чтобы — целься рифмой
                                   и ритмом яришь?

Слово поэта —
           ваше воскресение,
 ваше бессмертие,
           гражданин канцелярист.

Через столетья
           в бумажной раме
 возьми строку
           и время верни!

И встанет
           день этот
                                   с фининспекторами,
 с блеском чудес
           и с вонью чернил.

Сегодняшних дней убежденный житель,
 выправьте
           в энкапез
                                   на бессмертье билет

и, высчитав
           действие стихов,
                                   разложите

заработок мой
           на триста лет!

Но сила поэта
           не только в этом,

что, вас
вспоминая,
в грядущем икнут.

Нет!
И сегодня
рифма поэта —

ласка
и лозунг,
и штык,
и кнут.

Гражданин фининспектор,
я выплачу пять,

все
нули
у цифры скрестя!

Я
по праву
требую пядь

в ряду
беднейших
рабочих и крестьян.

А если
вам кажется,
что всего делов —
это пользоваться
чужими словесами,

то вот вам,
товарищи,
мое стилó,

и можете
писать
сами!

ПЕРЕДОВАЯ ПЕРЕДОВОГО

Довольно
сонной,
расслабленной праздности!

Довольно
козырянья
в тысячи рук!

Республика искусства
в смертельной опасности —

Разнообразны души наши.
 Для боя — гром,
 для кровати — шепот.
 А у нас для любви и для боя — марши,
 Извольте под марш к любимой шлепать!
 Почему теперь про чужое поем,
 изъясняем ариями Альфреда и Травиаты?
 И любви придумаем слово свое,
 из сердца сделанное, а не из ваты.
 В годы голода, стужи-злюки
 разве филармонии играли окрест?
 Нет, свои, баррикадные звуки
 нашел гудков медногорлый оркестр.
 Старью революцией поставлена точка.
 Живите под охраной музейных оград,
 Но мы не предадим кустарям-одиночкам
 ни лозунг, ни сирену, ни киноаппарат.

Наша
     в коммуну
                     не иссякнет вера.
 Во имя коммуны
                     жмись и мнись.
 Каждое
     сегодняшнее дело
                                     меряй,
 как шаг
     в электрический,
                                     в машинный коммунизм.
 Довольно домашней,
                             кустарной праздности!
 Довольно
     изделий ловких рук!
 Федерация муз
     в смертельной опасности —
 в опасности слово,
             краска
                     и звук.

ПОСЛАНИЕ ПРОЛЕТАРСКИМ ПОЭТАМ

Товарищи,
     позвольте
                     без позы,
                                     без маски —
 как старший товарищ,
                     неглупый и чуткий,
 поразговариваю с вами,
                     товарищ Безыменский,
 товарищ Светлов,
                     товарищ Уткин.
 Мы спорим,
     аж глотки просят лужения,
 мы
     задыхаемся
             от эстрадных побед,
 а у меня к вам, товарищи,
                     деловое предложение:

давайте
         устроим
                         веселый обед!
 Расстелем внизу
                         комплименты ковровые,
 если зуб на кого —
                         отпилим зуб;
 розданные
                         Луначарским
                                 венки лавровые —
 сложим
         в общий
                         товарищеский суп.
 Решим,
         что все
                         по-своему правы.
 Каждый поет
                         по своему
                                 голоску!
 Разрежем
         общую курицу славы
 и каждому
                         выдадим
                                 по равному куску.
 Бросим
         друг другу
                         шпильки подсовывать,
 разведем
         изысканный
                         словесный ажур.
 А когда мне
                         товарищи
                                 предоставят слово —
 я это слово возьму
                         и скажу:
 — Я кажусь вам
                         академиком
                                 с большим задом,
 один, мол, я
                         жрец
                                 поэзий непролазных.

А мне
                                 в действительности
   единственное надо —
 чтоб больше поэтов
   хороших
   и разных.

Многие
                                 пользуются
   напостóвской тряскою,
 с тем
                                 чтоб себя
   обозвать получше,
 — Мы, мол, единственные,
   мы пролетарские...—

А я, по-вашему, что —
   валютчик?

Я
                                 по существу
   мастеровой, братцы,
 не люблю я
   этой
   философии нúdoвой.

Засучу рукавчики:
   работать?
   драться?

Сделай одолжение,
   а ну, давай!

Есть
                                 перед нами
   огромная работа —
 каждому человеку
   нужное стихачество.

Давайте работать
   до седьмого пота
 над поднятием количества,
   над улучшением
   качества.

Я меряю
                                 по коммуне
   стихов сорта,
 в коммуны
                                 душа
   потому влюблена,

чтоб мы
                   не возвели
                                   в коммунистический сан
 плоскость раешников
                                   и ерунду частушек,
 Мы духом одно,
                                   понимаете сами:
 по линии сердца
                                   нет раздела.

Если
                   вы не за нас,
                                   а мы
   не с вами,
 то черта ль
                                   нам
   остаётся делать?

А если я
                   вас
                                   когда-нибудь крою
 и на вас
                   замахивается
                                   перо-рука,
 то я, как говорится,
                                   добыл это кровью,
 я
   больше вашего
                                   рифмы строгал.

Товарищи,
                   бросим
                                   замашки торгашьи
 — моя, мол, поэзия —
                                   мой лабаз! —
 всё, что я сделал,
                                   все это ваше —
 рифмы,
                   темы,
                                   дикция,
   бас!

Что может быть
                                   капризней славы
   и пепельней?

В гроб, что ли,
                   братъ, когда умру?

Наплевать мне, товарищи,
на деньги, в высшей степени
на славу
и на прочую муру!
Чем нам
делить поэтическую власть,
сгрудим
нежность слов
и слова-бичи,
и давайте
без завистей
и без фамилий
клясть
в коммуну стройку
слова-кирпичи.
Давайте,
товарищи,
шагать в ногу.
Нам не надо
брюзжащего,
лысого парика!
А ругаться захочется —
врагов много
по другую сторону
красных баррикад.

ТОВАРИЦУ НЕТТЕ — ПАРОХОДУ И ЧЕЛОВЕКУ

Я недаром вздрогнул.
Не загробный вздор.
В порт,
горящий,
как расплавленное лето,
разворачивался
и входил
товарищ «Теодор
Нетте».
Это — он.
Я узнаю его.

В блюдечках-очках спасательных кругов,

— Здравствуй, Нетте!

Как я рад, что ты живой
дымной жизнью труб,

канатов

и крюков.

Подойди сюда!

Тебе не мелко?

От Батума,

чай, котлами покипел...

Помнишь, Нетте,—

в бытность человеком

ты пивал чай

со мною в дипкупе?

Медлил ты.

Захрапывали сони.

Глаз

кося

в печати сургуча,

напролет

болтал о Ромке Якобсоне

и смешно потел,

стихи уча.

Засыпал к утру.

Курок

аж палец свел...

Суньтеса —

кому охота!

Думал ли,

что через год всего

встречусь я

с тобою —

с парходом.

За кормой луница.

Ну и здóрово!

Залегла,

просторы нáдвое порвав.

Будто нá век

за собой

из битвы коридоровой

тянешь след героя,

светел и кровав.

ХУЛИГАН

Республика наша в опасности.
В дверь
лезет
    немыслимый зверь.
Морда матовым рыком гулка,
лапы —
    в кулаках.
Безмозглый,
    и две ноги для ляганий,
вот — портрет хулиганий.
Матроска в полоску,
    словно лесá.
Из этих лесов
    глядят телеса.
Чтоб замаскировать рыло мандрилье,
шерсть
    аккуратно
    сбрил на рыле.
Хлопья пудры
    («Лебязьего пуха»!),
бабочка-галстук
    от уха до уха.
Души не имеется.
    (Выдумка бар!)
В груди —
    пивной
    и водочный пар.
Обутые лодочкой
качает ноги водочкой.
Что ни шаг —
враг.
— Вдрызг фонарь,
    враги — фонари.
Мне темно,
    так никто не гори.
Враг — дверь,
    враг — дом,
враг —
    всяк,
    живущий трудом.

Враг — читальня.
                                 Враг — клуб.
 Глупейте все,
                                 если я глуп! —
 Ремень в ручище,
                                 и на нем
 повисла гиля кистенем.
 Взмахнет,
                                 и гиля вертится,—
 а ну —
                                 попробуй встретиться!
 По переулочкам — луна.
 Идет одна.
                                 Она юна.
 — Хорошенькая!
                                 (Зá косу.)
 Обкрутимся без загсу! —
 Никто не услышит,
                                 напрасно орет
 вонючей ладонью зажатый рот.
 — Не нас контрапупят —
   не наше дело!
 Бежим, ребята,
                                 чтоб нам не влетело! —
 Луна
                                 в испуге
                                 за тучу пятится
 от рваной груди
                                 мяса и платьца.
 А в ближайшей пивной
                                 веселье неистовое.
 Парень
                                 пиво глушит,
                                 и посвистывает.
 Поймали парня.
                                 Парня — в суд.
 У защиты
                                 словесный зуд:
 — Конечно,
                                 от парня
                                 уйма вреда,
 но кто виноват?
                                 — Среда.

В нем
силу сдерживать
нет моготы.
Он — русский.
Он —
богатырь!
— Добрыня Никитич!
Будьте добры,
не трогайте этих Добрынь! —
Бантиком
губки
сложил подсудимый.
Прислушивается
к речи зудимой.
Сидит
смирней и краше,
чем сахарный барашек.
И припадает судья
(сердобольно)
«4 месяца».
Довольно!
Разве
зверю,
который взбесится,
дают
на поправку
4 месяца?
Деревню — на сход!
Собери
и при ней
словами прожги парней!
Гуди,
и чтоб каждый завод гудел
об этой
последней беде.
А кто
словам не умилился,
тому
агитатор —
шашка милиции.
Решимость
и дисциплина,
пружинь

тело рабочих дружин!
Чтоб, если
                                возьмешь за воротник,
хулиган раскис и сник.
Когда
                                у больного
  рука гниет —
не надо жалеть ее.
Пора
                                топором закона
  отсечь
гнилые
                                дела и речь!

РАЗГОВОР НА ОДЕССКОМ РЕЙДЕ
ДЕСАНТНЫХ СУДОВ: «СОВЕТСКИЙ ДАГЕСТАН» И
«КРАСНАЯ АБХАЗИЯ»

Перья-облака,
                                закат расканарейте!
Опускайся,
                                южной ночи гнет!
Пара
                                пароходов
  говорит на рейде:
то один моргнет,
                                а то
  другой моргнет.
Что сигналият?
                                Напрягаю я
  морщины лба.
Красный раз...
                                угаснет,
  и зеленый...
Может быть,
                                любовная мольба.
Может быть,
                                ревнует разозленный.
Может, просит:
                                — «Красная Абхазия»!

Говорит
«Советский Дагестан».
Я устал,
один по морю лазая,
подойди сюда
и рядом стань.—
Но в ответ
коварная
она:
— Как-нибудь
один
живи и грейся.
Я
теперь
по мачты влюблена
в серый «Коминтерн»,
трехтрубный крейсер.
— Все вы,
бабы,
трясогузки и каналы...
Что ей крейсер,
дылда и пачкун? —
Поскулил
и снова засигналил:
— Кто-нибудь,
пришлите табачку!..
Скучно здесь,
нехорошо
и мокро.
Здесь
от скуки
отсыреет и броня...—
Дремлет мир,
на Черноморский округ
синь-слезицу
морем оброня.

НЕ ЮБИЛЕЙТЕ!

Мне б хотелось
про Октябрь сказать,
не в колокол названивая,

не словами,
 украшающими
 тепленький уют,—
 дать бы
 революции
 такие же названия,
 как любимым
 в первый день дают!
 Но разве
 уместно
 слово такое?
 Но разве
 настали
 дни для покоя?
 Кто галоши приобрел,
 кто зонтик;
 радуется обыватель:
 «Небо голубб...»
 Нет,
 в такую ерунду
 не расскажете
 боевую
 революцию — любовь.

В сотне улиц
 сегодня
 на вас,
 на меня
 упадут огнем знаменá.
 Будут глотки греметь,
 за кордоны катя
 огневые слова про Октябрь.
 Белой гвардии
 для меня
 белей
 имя мертвое: юбилей.
 Юбилей — это пепел,
 песок и дым;
 юбилей —
 это радость седым;
 юбилей —
 это край
 кладбищенских ям;

это речи
и фимиам;
остановка предсмертная,
вздохи,
елей —
вот что лезет
из букв
«ю-б-и-л-е-й»,
А для нас
юбилей —
ремонт в пути,
постоял —
и дальше гуди.
Остановка для вас,
для вас
юбилей —
а для нас —
подсчет рублей.
Сбереженный рубль —
сбереженный заряд,
поражающий вражеский ряд.
Остановка для вас,
для вас
юбилей —
а для нас —
это сплавы лей.
Разобьет
врага
электрический ход
лучше пушек
и лучше пехот.
Юбилей!
А для нас —
подсчет работ,
перемеренный литрами пот.
Знаем:
в графиках
довоенных норм
коммунизма одежда и корм.
Не горюй, товарищ,
что бой измельчал:
— Глаз на мелочь! —
приказ Ильича.

Надо
в каждой пылинке
будить уметь
большевистского пафоса медь.

Зорче глаз крестьянина и рабочего,
и минуту
не будь рассеянной!

Будет:
под ногами
заколеблется почва
почище японских землетрясений.

Молчит
перед боем,
топки глуша,

Англия бастующих шахт.

Пусть
китайский язык
мудрен и велик,—

знает каждый и так,
что Кантон
тот же бой ведет,
что в Октябрь вели

наш
рязанский
Иван да Антон.

И в сердце Союза
война.
И даже

киты батарей
и полки.

Воры
с дураками
засели в блиндажи

растрат
и волокит.

И каждая вывеска:
— рабкооп —
коммунизма тяжелый окоп.

Война в отчетах,
в газетных листах —
рассчитывай,
режь и крой.

окна лавок в бутылочном тыне,
и едят нэпачи и завы
в декабре
                    арбузы и дыни.
Слух идет
                    о грозном сраме,
что лишь радость
                                    развоскресѣнена,
комсомольцы
                                    лейб-гусарами
пьют
                    да ноют под стих Есенина.
И доносится до нас
сквозь губы искривленную прорезь:
«Революция не удалась...
За что боролись?..»
И свои 18 лет
под наган подставят —
                                    и нет,
или горло
                    впетлят в кóски.
И горюю я,
                    как поэт,
и ругаюсь,
                    как Маяковский.
Я тебе
                    не стихи ору,
рифмы в этих делах
                                    ни при чем;
дай
                    как другу
                                    пару рук
положить
                    на твое плечо.
Знал и я,
                    что значит «не есть»,
по бульварам валялся когда,—
понял я,
                    что великая честь
за слова свои
                    голодать.
Из-под локона,
                    кепкой завѣтого,

вскинь глаза,
  не грусти и не злись,
Разве есть
  чему завидовать,
если видишь вот эту слизь?
Будто рыбы на берегу —
с прежним плаваньем
  трудно расстаться им.
То царев горшок берегут,
то
  обломанный шкаф с инкрустациями.
Вы — владыки
  их душ и тела,
с вашей воли
  встречают восход.
Это —
  очень плевое дело,
если б
  революция захотела
со счетов особых отделов
эту мелочь
  списать в расход.
Но, рядясь
  в любезность наносную,
мы —
  взамен забытой Чеки —
кормим дыней и ананасною,
ихних жен
  одеваем в чулки.
И они
  за все за это,
что чулки,
  что нлачено дорого,
строят нам
  дома и клозеты
и бойцов
  обучают торгу.
Что ж,
  без этого и нельзя!
Сменим их,
  гранит догрызя.
Или
  наша воля обломалась

о сегодняшнюю
    деловую малость?
 Нас
     дело
    должно
    пронизать насквозь,
 скуленье на мелочность
    высмей.

Сейчас
    коммуне
    ценен гвоздь,
 как тезисы о коммунизме.
 Над пивом
    нашим юношам ли
 склонять
    свои мысли ракитовые?

Нам
    пить
    в грядущем
    все соки земли,
 как чашу,
    мир запрокидывая.

ЛУЧШИЙ СТИХ

Аудитория
    сыплет
    вопросы колючие,
 старается озадачить
    в записочном рвении.
 — Товарищ Маяковский,
    прочтите
    лучшее
 ваше
    стихотворение. —
 Какому
    стиху
    отдать честь?
 Думаю,
    упершись в стол.

отворачивали
                                 от Шанхая
   дредноуты.
 Не приравняю
                                 всю
   поэтическую слякоть,
 любую
                                 из лучших поэтических слав,
 не приравняю
                                 к простому
   газетному факту,
 если
                 так
                                 ему
   рукопещет Ярославль.
 О, есть ли
                                 привязанность
   большей силищи,
 чем солидарность,
   прессующая
   рабочий улей?!
 Рукопещи, ярославец,
   маслобой и текстильщик,
         незнаемым
                                 и родным
   китайским кули!

ОБЩЕЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ПОДХАЛИМ

В любом учреждении
   есть подхалим.
 Живут подхалимы,
   и неплохо им.
 Подчас молодежи,
   на них глядя,
 хочется
                                 устроиться —
   как устроился дядя.
 Но как
                                 в доверие к начальству влезть?

Стакан
                   ко рту
                                 поднесет рукой
 и опять
                   докладывает час-другой.
 И вдруг
                   воплъ посредине доклада:
 — Время
                   докладчику
                                 ограничить надо! —
 Тогда
                   ты,
                                 сотрясая здание,
 требуй:
                   — Слово
                                 к порядку заседания!
 Доклад —
                   звезда среди мрака и темени.
 Требую
                   продолжать
                                 без ограничения времени! —
 И будь уверен —
                   за слова за эти
 начальство запомнит тебя
                                 и заметит.
 Узнав,
                   что у начальства
                                 сочинения есть,
 спешу
                   печатный отчетишко прочесть.
 При встрече
                   с начальством,
                                 закатывая глазки,
 скажи ему
                   голосом,
                                 полным ласки:
 — Прочел отчет.
                   Не отчет, а роман!
 У вас
                   стихи бы
                                 вышли задарма!
 Скажите,
                   не вы ли автор «Антидюринга»?

Тоже
     написан
                     очень недурненько. —
 Уверен будь —
                     за оценки за эти
 и начальство
                     оценит тебя
                                     и заметит.
 Увидишь:
                     начальство
                                     едет пьяненький
 в казенной машине
                                     и в дамской компанийке.
 Пиши
                     в стенгазету,
                                     возмущенный насквозь:
 «Экономия экономии рознь.
 Такую экономию —
                                     высмейте смешком!
 На что это похоже?!
                                     Еле-еле
 со службы
                     и на службу,
                                     таскаясь пешком,
 начканц
                     волочит свои портфели».

И ты
                     преуспеешь на жизненной сцене —
 начальство
                     заметит тебя
                                     и оценит.

А если
                     не хотите
                                     быть подхалимой,
 сами
                     себе
                                     не зажимайте рот:
 увидев
                     безобразия,
                                     не проходите мимо
 и поступайте
                     не по стиху,
                                     а наоборот.

ПИСЬМО К ЛЮБИМОЙ МОЛЧАНОВА,
БРОШЕННОЙ ИМ,

КАК О ТОМ СООБЩАЕТСЯ В № 219
«КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»
В СТИХЕ ПО ИМЕНИ «СВИДАНИЕ»

Слышал —
                  вас Молчанов бросил,
будто
          он
                  предпринял это,
видя,
          что у вас
                                  под осень
нет
          «изячного» жакета.
На косынку
                  цвета синьки
смотрит он
          и цедит еле:
— Что вы
                  ходите в косынке?
да и...
          мордой постарели?
Мне
          пожалте
                  грудь тугую.
Ну,
          а если
                  нету этаких...
Мы найдем себе другую
в разызысканной жакетке.—
Припомадясь
                  и прикрасясь,
эту
          гадость
                  вливши в стих,
хочет
          он
                  марксистский базис
под жакетку
                  подвести.

«За боль годов,
за все невзгоды
глухим сомнениям не быть!
Под этим мирным небосводом
хочу смеяться
и любить».
Сказано веско.
Посмотрите, дескать:
шел я верхом,
шел я низом,
строил
мост в социализм,
не достроил
и устал
и уселся
у мостá.
Травка
выросла
у мбста,
по мосту́
идут овечки,
мы желаем
— очень просто! —
отдохнуть
у этой речки.
Заверните ваше знамя!
Перед нами
ясность вод,
в бок —
цветочки,
а над нами —
мирный-мирный небосвод.
Брошенная,
не бойтесь красивого
поэта,
музой венчанного!
Просто
и строго
ответьте
на лиру Молчанова:
— Прекратите ваши трели!

Я не знаю,
я стара ли,
но вы,
Молчанов,
постарели,
вы
и ваши пасторали.
Знаю я
в жакетках этих
на Петровке
бабья банда.
Эти
польские жакетки
к нам
провозят
контрабандой.
Чем, служба
у муз
по найму,
на мое
тряпье
коситься,
вы б
индустриальным займом
помогли
рождению
ситцев.
Череп,
што ль,
пустеет чаном,
выбил
мысли
грохот лирный?
Это где же
вы,
Молчанов,
небосвод
узрели
мирный?
В гущу
ваших рбздыхов,
под цветочки,
на реку

заграничным воздухом
не доносит гарьку?
Или
    за любовной блажью
не видать
        угрозу вражью?
Литературная шатня,
успокойте ваши нервы,
отойдите —
        вы мешаете
мобилизациям и маневрам.

РАССКАЗ ЛИТЕЙЩИКА ИВАНА КОЗЫРЕВА О ВСЕЛЕНИИ В НОВУЮ КВАРТИРУ

Я пролетарий.
        Объясняться лишне.
Жил,
    как мать произвела, родив.
И вот мне
        квартиру
            дает жилищный,
мой,
    рабочий,
        кооператив.
Во — ширина!
        Высота — во!
Проветрена,
        освещена
            и согрета.
Все хорошо.
        Но больше всего
мне
    понравилось —
        это:
это
    белее лунного света,
удобней,
        чем земля обетованная,
это —
        да что говорить об этом,

это —
                  ванная.
Вода в кране —
холодная крайне.
Кран
                  другой
не тронешь рукой.
Можешь
                  холодной
                                  мыть хохол,
горячей —
                  пот пор.
На кране
                  одном
                                  написано:
  «Хол.»,
на кране другом —
                                  «Гор.».
Придешь усталый,
                                  вешаться хочется.
Ни щи не радуют,
                                  ни чая клокотанье.
А чайкой поплещешься —
                                  и мертвый расхохочется
от этого
                  плещущего щекотания.
Как будто
                  пришел
                                  к социализму в гости,
от удовольствия —
                                  захватывает дых.
Брюки на крюк,
                                  блузу на гвоздик,
мыло в руку
                  и...
                                  бултых!
Сядешь
                  и моешься
                                  долго, долго.
Словом,
                  сидишь,
                                  пока охота.

Просто
                   в комнате   лето и Волга —
 только что нету   рыб и пароходов.
 Хоть грязь на тебе   десятилетнего стажа,
 с тебя   корою с дерева,
 чуть не лыком,   сходит сажа,
 смывается, стерва.
 И уж распаришься,   разжаришься уж!
 Тут —   вертай ручки:
 и каплет   прохладный
                   дождик-душ
 из дырчатой   железной тучки.
 Ну ж и ласковость в этом душе!
 Тебя   никакой
                   не возьмет упадок:
 погладит волосы,   потреплет уши
 и течет   по желобу
                   промежду лопаток.
 Воду   стираешь
                   с мокрого тельца
 полотенцем,   как зверь, мохнатым.
 Чтобы суше пяткам —   пол
                   стелется,
 извиняюсь за выражение,   пробковым
                   матом.
 Себя раглядевши   в зеркало вправленное,

в рубаху
в чистую —
влазь.
Влажу и думаю:
«Очень правильная
эта
наша,
Советская власть».

ДЕСЯТИЛЕТНЯЯ ПЕСНЯ

Дрянь адмиральская,
пан
и барон
шли
от шестнадцати
разных сторон.
Пушка —
французская,
английский танк.
Белым
папаша
Антантовый стан.
Билась
Советская
наша страна,
дни
грохотали
разрывом гранат.
Не для разбоя
битва зовет —
мы
защищаем
поля
и завод.
Шли деревенские,
лезли из шахт,
дрались
голодные,
в рвани
и вшах.

Серые шлемы
с красной звездой
белой ораве
крикнули:
— Стой! —
Били Деникина,
били
Махно,
так же
любого
с дороги смахнем.
Хрустнул,
проломанный,
Крыма хребет.
Красная
крепла
в громе побед.
С вами
сливалось,
победу растя,
сердце —
рабочих,
сердце —
крестьян.
С первой тревогою
с наших низов
стомиллионные
встанем на зов.
Землю колебля,
в новый поход
двинут
дивизии
красных пехот.
Помня
принятие
красных присяг,
лава
Буденных
пойдет
на рысях.
Против
буржуевых
новых блокад

красные
птицы
займут облака.
Крепни
и славься
в битвах веков,
Красная
Армия
большевиков!

ТРУС

В меру
и черны́ и русы,
пряча взгляды,
пряча вкусы,
боком,
тенью,
в стороне,—
пресмыкаются трусы
в славной
смелыми
стране.
Каждый зав
для труса —
туз.
Даже
от его родни
опускает глазки трус
и уходит
в воротник.
Влип
в бумажки
парой глаз,
ног
поджаты циркуля:
«Схорониться б
за приказ...
Спрятаться б
за циркуляр...»

вроде
 умывального я».

Трус
 оброс
 бумаг
 корою.

«Где решать?!
 Другие пусть.
 Вдруг не выйдет?
 Вдруг покроют?

Вдруг
 возьму
 и ошибусь?»

День-деньской
 сплетает тонко
 узы
 самых странных свадеб —
 увязать бы
 льва с ягненком,
 с кошкой
 мышью согласовать бы.

Весь день
 сердечко
 ужас кроит,
 предлогов для трепета —
 кипа.

Боится автобусов
 и Эркай,
 начальства,
 жены
 и гриппа.

Месткома,
 домкома,
 просящих займы,
 кладбища,
 милиции,
 леса,
 собак,
 погоды,
 сплетен,
 зимы

и
 показательных процессов.

Подрожит
                  и ляжет житель,
дрожью
                  ночь
                                  корежит тело...
Товарищ,
                  чего вы дрожите?
В чем,
                  собственно,
                                  дело?!
В аквариум,
                  что ли,
                                  сажать вас?
Революция требует,
                                  чтобы имелась
смелость,
                  смелость
                                  и еще раз —
с-м-е-л-о-с-т-ь.

СТОЛП

Товарищ Попов
                                  чуть-чуть не от плуга,
Чуть
                  не от станка
                                  и сохи.
Он —
                  даже партиец,
                                  но он
  перепуган,
брюзжит
                  баритоном сухим:
«Раскроешь газетину —
                                  в критике вся,—
любая
                  колеблется
                                  глыба.
Кроют.
                  Кого?
                                  Аж волосья́

встают
от фамилий
дыбом.
Ведь это —
подрыв,
подкоп ведь это...
Критику
осторожненько
дóлжно вести.
А эти —
критикуют,
не щадя авторитета,
ни чина,
ни стажа,
ни должности.
Критика
снизу —
это яд.
Сверху —
вот это лекарство!
Ну, можно ль
позволить
низам,
подряд,
всем! —
заниматься критиканством?!
О мерзостях
наших
трубим и поем.
Иди
и в газетах срамись я!
Ну, я ошибся...
Так в тресте ж,
в моем,
имеется
ревизионная комиссия.
Ведь можно ж,
не задевая столпов,
в кругу
своих
братишек, —

вызвать,
                  сказать:
орудуй...   — Товарищ Попов,
                  тово...
                  потихе...—
Пристали
                  до тошноты,
  до рвот...
Обмазывают
                  кистью густою.
Товарищи,
                  ведь это же ж
  подорвет
государственные устои!
Кого критикуют? —
  вопит, возомня,
аж голос
                  визжит
  тенорком.—
Вчера —
                  Иванова,
  сегодня —
  меня,
а завтра —
                  Совнарком!»
Товарищ Попов,
  оставьте скулеж,
Болтовня о подрывах —
  ложь!
Мы всех зовем,
                  чтоб в лоб,
  а не пятясь,
критика
                  дрянь
  косила.
И это
                  лучшее из доказательств
нашей
                  чистоты и силы,

СТИХИ О РАЗНИЦЕ ВКУСОВ

Лошадь
     сказала,
                 взглянув на верблюда:
 «Какая
     гигантская
                 лошадь-ублюдок».
 Верблюд же
     вскричал:
                 «Да лошадь разве ты?!
 Ты
     просто-напросто —
                 верблюд недоразвитый».
 И знал лишь
     бог седобородый,
 что это —
     животные
                 разной породы.

ПИСЬМО ТОВАРИЦУ КОСТРОВУ ИЗ ПАРИЖА О СУЩНОСТИ ЛЮБВИ

Простите
     меня,
                 товарищ Костров,
 с присущей
     душевной ширью,
 что часть
     на Париж отпущенных строф
 на лирику
     я
     растранжирю.
 Представьте:
     входит
                 красавица в зал,
 в меха
     и бусы оправленная.

Я
 эту красавицу взял
 и сказал:
 — правильно сказал
 или неправильно? —
 Я, товарищ, —
 из России,
 знаменит в своей стране я,
 я видал
 девиц красивей,
 я видал
 девиц стройнее.
 Девушкам
 поэты любы.
 Я ж умен
 и голосист,
 заговариваю зубы —
 только
 слушать согласись.
 Не поймать
 меня
 на дряни,
 на прохожей
 паре чувств.
 Я ж
 навек
 любовью ранен —
 еле-еле волочусь.
 Мне
 любовь
 не свадьбой мерить:
 разлюбила —
 уплыла.
 Мне, товарищ,
 в высшей мере
 наплевать
 на купола.
 Что ж в подробности вдаваться,
 шутки бросьте-ка,
 мне ж, красавица,
 не двадцать, —
 тридцать...
 с хвостиком.

Любовь
                  не в том,
  чтоб кипеть крутей,
не в том,
                  что жгут угольями,
а в том,
                  что встает за горами грудей
над
                  волосами-джунглями.
Любить —
                  это значит:
  в глубь двора
вбежать
                  и до ночи грачей,
блестя топором,
                  рубить дрова,
силой
                  своей
  играючи.
Любить —
                  это с простынь,
  бессонницей рваных,
срываться,
                  рвуня к Копернику,
его,
                  а не мужа Марьи Ивановны,
считая
                  своим
  соперником.
Нам
                  любовь
  не рай да кущи,
нам
                  любовь про то,
что опять
                  в работу пущен
сердца
                  выставший мотор.
Вы
                  к Москве
  порвали нить.
Годы —
                  расстояние.

Как бы
                  вам бы
                                  объяснить
это состояние?
На земле
                  огней — до неба...
В синем небе
                                  звезд —
  до черта,
Если б я
                  поэтом не был,
я бы
                  стал бы
                                  звездочетом,
Подымает площадь шум,
экипажи движутся,
я кожу,
                  стишки пишу
в записную книжицу,
Мчат
                  авто
                          по улице,
а не свалят наземь.
Понимают
                          умницы!
человек —
                          в экстазе.
Сонм видений
                          и идей
полон
                  до крышки.
Тут бы
                  и у медведей
выросли бы крылышки,
И вот
                  с какой-то
  грошовой столовой,
когда
                  докипело это,
из зева
                  до звезд
  взывается слово
золоторожденной кометой.

Распластан
                                   хвост
   небесам на треть,
 блестит
                                   и горит оперенье его,
 чтоб двум влюбленным
   на звезды смотреть
 из ихней
                                   беседки сиреновой.
 Чтоб подымать
                                   и вести,
   и влечь,
 которые глазом ослабли.
 Чтоб вражки
                                   головы
   спиливать с плеч
 хвостатой
                                   сияющей саблей.
 Себя
                                   до последнего стука в груди,
 как на свиданье,
   простаивая,
 прислушиваюсь:
   любовь загудит —
 человеческая,
                                   простая.
 Ураган,
                                   огонь,
   вода
 подступают в ропоте.
 Кто
                                   сумеет
   совладать?
 Можете?
                                   Попробуйте...

ПИСЬМО ТАТЬЯНЕ ЯКОВЛЕВОЙ

В поцелуе рук ли,
                                   губ ли,
 в дрожи тела
                                   близких мне

красный
цвет
моих республик
тоже
должен
пламенеть.
Я не люблю
парижскую любовь:
любую самочку
шелками разукрасьте,
потягиваясь, задремлю,
сказав —
тубо —
собакам
озверевшей страсти.
Ты одна мне
ростом вровень,
стань же рядом
с бровью брови,
дай
про этот
важный вечер
рассказать
по-человечьи.
Пять часов,
и с этих пор
стих
людей
дремучий бор,
вымер
город заселенный,
слышу лишь
свисточный спор
поездов до Барселоны.
В черном небе
молний поступь,
гром
ругней
в небесной драме,—
не гроза,
а это
просто

ревность
                                двигает горами.
Глупых слов
                                не верь сырюю
не пугайся
                                этой тряски,—
я взнуздаю,
                                я смирю
чувства
                                отпрысков дворянских.
Страсти корь
                                сойдет коростой,
но радость
                                неиссыхаемая,
буду долго,
                                буду просто
разговаривать стихами я.
Ревность,
                                жены,
                                слезы...
  ну их! —
вспухнут веки,
                                впору Вию.
Я не сам,
                                а я
                                ревную
за Советскую Россию.
Видел
                                на плечах заплаты,
их
                                чахотка
                                лижет вздохом.
Что же,
                                мы не виноваты —
ста миллионам
                                было плохо,
Мы
                                теперь
                                к таким нежны —
спортом
                                выпрямишь не многих,—

вы и нам
                                 в Москве нужны,
 не хватает
                                 длинноногих.
 Не тебе,
                                 в снега
   и в тиф
 шедшей
                                 этими ногами,
 здесь
                                 на ласки
   выдать их
 в ужины
                                 с нефтяниками.
 Ты не думай,
                                 щурясь просто
 из-под выпрямленных дуг.
 Иди сюда,
                                 иди на перекресток
 моих больших
                                 и неуклюжих рук.
 Не хочешь?
                                 Оставайся и зимуй,
 и это
                                 оскорбление
   на общий счет нанижем,
 Я все равно
                                 тебя
   когда-нибудь возьму —
 одну
                                 или вдвоем с Парижем.

РАЗГОВОР С ТОВАРИЦЕМ ЛЕНИНЫМ

Грудой дел,
                                 суматохой явлений
 день отошел,
                                 постепенно стемнев.
 Двое в комнате.
                                 Я
   и Ленин —

фотографией
                                 на белой стене.
 Рот открыт
                                 в напряженной речи,
 усов
                                 щетинка
   вздернулась ввысь,
 в складках лба
   зажата
   человечья,
 в огромный лоб
   огромная мысль.
 Должно быть,
   под ним
   проходят тысячи...
 Лес флагов...
                                 рук трава...
 Я встал со стула,
                                 радостью высвечен,
 хочется —
                                 идти,
   приветствовать,
   рапортовать!
 «Товарищ Ленин,
                                 я вам докладываю
 не по службе,
                                 а по душе.
 Товарищ Ленин,
                                 работа адская
 будет
                                 сделана
   и делается уже.
 Освещаем,
                                 одеваем нищ и бголь,
 ширится
                                 добыча
   угля и руды...
 А рядом с этим,
                                 конечно,
   много,
 много
                                 разной
   дряни и ерунды.

Устаешь отбиваться и отгрызаться.
Многие без вас отбились от рук.
Очень много разных мерзавцев
ходят по нашей земле и вокруг.
Нету им ни числа, ни клички,
целая лента типов тянется.
Кулаки и волокитчики,
подхалимы, сектанты и пьяницы,—
ходят, гордо выпятив груди,
в ручках сплошь и в значках нагрудных...
Мы их всех, конечно, скрутим,
но всех скрутить ужасно трудно.
Товарищ Ленин, по фабрикам дымным,
по землям, покрытым и снегом
и жнивьем,

Вашим,
товарищ,
сердцем
и именем
думаем,
дышим,
боремся
и живем!...»
Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате.
Я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.

НА ЗАПАДЕ ВСЕ СПОКОЙНО

Как совесть голубя,
чист асфальт.
Как лысина банкира,
тротуара плиты
(после того,
как трупы
на грузовозы взвалят
и кровь отмоют
от плит поли́тых).
В бульварах
буржуеныши,
под нянин сказ,
медведям
игрушечным
глядят плюшки
(после того,
как баллоны
заполнил газ
и в полночь
прогрохали
к Польше
пушки).

Миротворцы
    сияют
    цилиндровым глянцем,
 мозолят язык,
    состязаясь с мечом
 (после того,
    как посланы
    винтовки афганцам,
 а бомбы —
    басмачам),
 Сидят
    по кафе
    гусары спешенные,
 Пехота
    развлекается
    в штатской лени.
 А под этой
    идиллией —
    взлихораденно-бешеные
 военные
    приготовления,
 Кровавых капель
    пунктирный путь
 ползет по земле, —
    недаром круга!
 Кто-нибудь
    кого-нибудь
 подстреливает
    из-за угла.
 Целят —
    в сердце.
    В самую точку,
 Одно
    стрельбы командирам
    надо —
 бунтовщиков
    смилив в одиночку,
 погнать
    на бойню
    баранье стадо.
 Сегодня
    кровешка
    мелких стычек,

а завтра
                   в толпы
                                   танки тыча,
 кровищи
                   вкус
                                   война поймет,—
 пойдет
                   хлестать
                                   с бронированных птичек
 железа
                   и газа
                                   крававый помет.
 Смотри,
                   выступает
                                   из близких лет,
 костями постукивает
                                   лошадь-краса.
 На ней
                   войны
                                   пожелтевший скелет,
 и сталью
                   синееет
                                   смерти коса.
 Мы,
                   излюбленное
                                   пушечное лакомство,
 мы,
                   оптовые потребители
                                   костылей
   и протез,
 мы
                   выйдем на улицу,
                                   мы
   1 августа
 аж к небу
                   гвоздями
                                   прибьем протест.
 Долой
                   политику
                                   пороховых бочек!
 Довольно
                   дóма
                                   пугливо щуплиться!

От первой республики
отбросим крестьян и рабочих
войны
Мы штыкастые щупальца.
требуем мира.
Но если
мы тронете,
в роты сожмемся,
Зачинщики бойни сжавши рот.
увидят
один на фронте
восставший
рабочий фронт.

ПАРИЖАНКА

Вы себе представляете
парижских женщин
с шеей разжемчуженной,
разбриллиантенной
рукой...
Бросьте представлять себе!
Жизнь —
у моей парижанки жестче —
вид другой.
Не знаю, право,
молода
или стара она,
до желтизны
отшлифованная
в лощеном хамье.
Служит
она
в уборной ресторана —

маленького ресторана — Гранд-Шомьер.
Выпившим бургундского может захотеться
для облегчения пойти пройтись.
Дело мадмуазель подавать полотенце,
она в этом деле просто артист.
Пока у трюмо разглядываешь прыщик,
она, разулыбив облупленный рот,
пудрой подпудрит, духами попрыщет,
подаст пипифакс и лужу подотрет.
Раба чревоугодий торчит без солнца,
в клозетной шахте по суткам
клопея,
за пятьдесят сантимов! (По курсу червонца
с мужчины около
четырёх копеек.)
Под умывальником ладони омывая,
дыша диковиной парфюмерных зелий,
над мадмуазелью недоумеая,
жочу сказать мадмуазели:

— Мадмуазель,
ваш вид,
извините,
жалок.

На уборную молодость
губить не жалко вам?

Или
мне
наврали про парижанок,
или
вы, мадмуазель,
не парижанка.

Выглядите вы
туберкулезно
и вяло.

Чулки шерстяные...
Почему не шелк?

Почему
не шлют вам
пармских фиалок
благородные мусью
от полного кошелька? —

Мадмуазель молчала,
грохот наваливал
на трактир,
на потолок,
на нас.

Это,
кружа
веселье карнавалово,
весь
в парижанках
гудел Монпарнас.

Простите, пожалуйста,
за стих раскрежещенный
и
за описанные
вонючие лужи,
но очень
трудно
в Париже
женщине,

если
    женщина
                    не продается,
                                    а служит.

СТИХИ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ

Я волком бы
                    выгрыз
                                    бюрократизм.
К мандатам
                    почтения нету.
К любым
                    чертям с матерями
                                    катись
любая бумажка.
                    Но эту..
По длинному фронту
                    купе
                                    и кают
чиновник
                    учтивый
                                    движется.
Сдают паспорта,
                    и я
                                    сдаю
мою
                    пурпурную книжицу.
К одним паспортам —
                                    улыбка у рта.
К другим —
                    отношение плевое.
С почтеньем
                    берут, например,
                                    паспорта
с двухспальным
                    английским левою.
Глазами
                    доброе дядю выев,
не переставая
                    кланяться,

берут,
 как будто берут чаевые,
 паспорт
 американца.
 На польский —
 глядят,
 как в афишу коза,
 На польский —
 выпяливают глаза
 в тугой
 полицейской слоновости —
 откуда, мол,
 и что это за
 географические новости?
 И не повернув
 головы кочан
 и чувств
 никаких
 не изведав,
 берут,
 не моргнув,
 паспорта датчан
 и разных
 прочих
 шведов.
 И вдруг,
 как будто
 ожогом,
 рот
 скривило
 господину.
 Это
 господин чиновник
 берет
 мою
 красную паспортину
 Берет —
 как бомбу,
 берет —
 как ежа.
 как бритву
 обоюдоострую,

берет,
как гремучую
змею
двухметроворостую,
Моргнул
многозначаще
глаз носильщика,
хоть вещи
снесет задаром вам.
Жандарм
вопросительно
смотрит на сыщика,
сыщик
на жандарма.
С каким наслаждением
жандармской кастой
я был бы
исхлестан и распят
за то,
что в руках у меня
молоткастый,
серпастый
советский паспорт.
Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любим
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...
Я
достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин

Советского Союза.

* * *

Во весь
медногорлый
всими
раскатами
тебе,
товарищ
сегодня
республика
Новь
пробивается
Строй старья —
Обещаем тебе,
работники серпа
— Мы счистим подлиз
мы труд
но твой
на всей
планете

гудочный клич,
тракторного храпа,
Владимир Ильич,
делает рапорт.
во все углы.
разболтан.
работники иглы,
и молота:
и вредителей слизь,
втрое,
человеческий
социализм
построим!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ПОД КАЗАНЬЮ

ПРИВЕТ

Гудит-ревет аэроплан.
Летят листки с аэроплана.
Читай, белогвардейский стан,
Посланье Бедного Демьяна!

Победный звон моих стихов
Пусть вниз спадет, как звон набата.
Об отпущении грехов
Буржуй, молись! Близка расплата!

Готовься отвечать и ты,
Правозсеровский Иуда,
За слезы темной бедноты,
За кровь обманутого люда!

Где меньшевик? Иди сюда,
Трус, онемевший от испуга,
Ты стоишь строгого суда,
Как все вы стоите друг друга.

Одни дела — один ответ:
Всем воздадим по равной чести!
Друзья-рабочие! Привет!
Я вас зову к жестокой мести!

Пусть мой, знакомый вам напев
Откроет всем глаза и уши.
Да будет свят ваш правый гнев!
Да закалит он ваши души!

Пусть в вас воскреснет прежний пыл
И доблесть рати пролетарской!
Сомкните строй! Ударьте в тыл
Остаткам гнусным банды царской.

Друзья, вперед! Стальным кольцом
Врагов трепещущих охватим.
Все завершим одним концом,
За все сторицею отплатим!

К стене проклятых подлецов!
Отмстите, новые титаны,
За смерть товарищей-бойцов,
За нашу кровь, за наши раны!

Мы раны нашего вождя
Слезами ярости омоем¹.
Клянись, рабочий, в бой идя,
Иль победить, или пасть героем!

Сметя врагов стальным дождем,
Докажем всем шипящим змеям,
Что с нашим раненым вождем
Мы победить весь мир сумеем.

Мир торгашей и богачей
Напором пламенным разрушим,

---

¹ Владимир Ильич Ленин предательски ранен правозсеровской наемницей англо-французского капитала на рабочем митинге в Москве 30 августа 1918 г. в те часы, когда солдаты рабочей и крестьянской Красной Армии доблестно проливали свою кровь за Советскую власть под стенами Казани, Симбирска и Самары.

Своих извечных палачей
В стальных объятиях задушим.

Мы, авангард передовой
Великой рати пролетарской,
С ней на арене мировой
Поднимем алый стяг бунтарский.

Горят зловещие огни,
Сплелись пророчески созвездья.
К оружию все! Привет вам, дни,
Дни пролетарского возмездья.

ПОВОРОТ

Лондон. Ллойд-Джорджу.

Радиотелеграмма.

Мистер, в моей душе целая драма,
Наша переписка в опасности.
Положение дошло до полной ясности,
Ленин на Восьмом съезде Советов,
Коснувшись в своей речи многих предметов,
Не упомянул вашего имени — ни разу!
Зато отпалил такую фразу:
«Наша политика — поменьше политики,
Мы не какие-нибудь паралитики,—
Ежели нас кто ударит, мы дадим сдачи,
Но для нас теперь главное — хозяйственные
задачи.»

Последнее теперь дело — прокламации,
Коммунизм ничто — без электрификации.
Мы пришли к тому, к чему стремились давно мы:
Первые места займут инженеры и агрономы!»
Короче сказать — мне или ноги на лавку,
Или приписываться к какому-либо главку,
Либо отказаться совсем от поэзии,
Либо писать — о торфе, угле, магnezии...
Иными словами:

На переписку с вами
Не дадут мне бумаги ни одного листочка.
Точка!
Мистер, мне не надо теперь нашей солидарности,
Раз вы теперь на роли политической бездарности.
Плывите,
Куда хотите
На вашем легком катере,
А мы плывем в хозяйственном фарватере.

ЛЮБИМОМУ

Живые, думаем с волнением о живом
И верим, хоть исход опасности неведом,
Что снова на посту ты станешь боевом,
Чтоб к новым нас вести победам.

В опасности тесней смыкая фронт стальной,
Завещанное нам тобой храня упорство,
Мы возбужденно ждем победы основной,
Которой кончишь ты, любимый наш, родной,
С недугом злым единоборство!

ВПЕРЕД И ВЫШЕ!

На ниве черной пахарь скромный,
Тяну я свой нехитрый гуж.
Претит мне стих языколомный,
Невразумительный к тому ж.

Держася формы четкой, строгой,
С народным говором в ладу,
Иду проторенной дорогой,
Речь всем доступную веду.

Прост мой язык, и мысли тоже:
В них нет заумной новизны,—
Как чистый ключ в кремнистом ложе,
Они прозрачны и ясны.

Зато, когда задорным смехом
Вспугну я всех гадюк и сов,
В ответ звучат мне гулким эхом
Миллионы бодрых голосов.

«Да-ешь?!» — «Да-ешь!» — В движенье массы.
«Свалил?» — «Гстово!» — Будь здоров!»
Как мне смешны тогда гримасы
Литературных маклеров!

Нужна ли Правде позолота?
Мой честный стих, лети стрелой —
Вперед и выше! — от болота
Литературщины гнилой.

ПАМЯТИ СЕЛЬКОРА ГРИГОРИЯ МАЛИНОВСКОГО

Сырость и мгла.
Ночь развернула два черных крыла.
Дымовка спит средь простора степного.
Только Андрей Малиновский не спит:
Сжавши рукою обрез, сторожит
Брата родного.

Тьма. В переулке не видно ни зги.
Плачет капелью весеннею крыша.
Страшно. Знакомые близко шаги,
«Гриша!

Гриша!

Я ли тебя не любил?»
Мысль замерла от угара хмельного.
Грохнул обрез. Малиновский убил
Брата родного.

В Дымовке шум и огни фонарей,
Только темна Малиновского хата.
Люди стучатся: «Вставай... Андрей!..»
«Брата убили!..»

«Брата!»

Тихо спуют по деревне огни.
Людям мерещится запах железа.
Нюхом берут направленье они,
Ищут обреза.

Сгинул обрез без следа.
Но приговор уже сказан у трупа:
    «Это его Попандопуло». — «Да!»
    «Это — проклятый Тюлюпа!»
Сбились люди вокруг.
Плачет Андрей, их проклятия слыша.
Стонет жена, убивается друг:
    «Гриша!»
    «Гриша!»

Солнце встает — раскаленный укор,
Гневно закрывши свой лик облаками,
В луже, прикрытый рогожей, селькор
Смотрит на небо слепыми зрачками.

Не оторваться ему от земли,
Жертве злодейства и братской измены.
Но уж гремит — и вблизи и вдали —
Голос могучей селькоровской смены:

«Злые убийцы себя не спасут,
Смело вперед, боевые селькоры!
Всех подлецов — на селькоровский суд!
Сыщем, разроем их темные норы!

Темная Дымовка сгинет, умрет.
Солнце осветит родные просторы.
Рыцари правды и света, вперед!
Мы — боевые селькоры!»

СНЕЖИНКИ

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают, и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалось: земля с пути свернула.
Казалось: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у Горок,
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

ДВА МИРА

Что можно нам сказать о лордах?
Они учились в ученейших Оксфордах.
Они «джентльмены» искони,
Они «культурны» так! Они
Воротят нос от трудового поту.

Меж тем нескладную их ноту
С советской нотой сравни:
Здесь — все так метко, точно, веско,
Ни слова, сказанного резко,
Стиль — всюду выдержан и строг,
Спокойно-мужественный слог.
Там — каждая строка нас ложью поносила,
Здесь — все покоится на честной простоте.

* * *

*Так говорит в себе уверенная сила
Бессилью дряхлому, беззубой клевете!*

НИКТО НЕ ЗНАЛ

(«22 АПРЕЛЯ 1870 ГОДА»)

Был день как день, простой, обычный,
Одетый в серенькую мглу.
Гремел сурово голос зычный
Городового на углу.
Гордяся блеском камилавки,
Служил в соборе протопоп.
И у дверей питейной лавки
Шумел с рассвета пьяный скоп.
На рынке лаялись торговки,
Жужжа, как мухи на меду.
Мещанки, зарясь на обновки,
Метались в ситцевом ряду.
На дверь присутственного места
Глядел мужик в немой тоске,—
Пред ним обрывок «манифеста»
Желтел на выцветшей доске.
На каланче кружил пожарный,
Как зверь, прикованный к кельцу,
И солдатня под мат угарный
Маршировала на плацу.
К реке вилась обозов лента.
Шли бурлаки в мучной пыли.
Куда-то рваного студента
Чины конвойные вели.
Какой-то выпивший фабричный
Кричал, кого-то разнося:
«Прощай, студентик горемычный»!

.....
Никто не знал, Россия вся
Не знала, крест неся привычный,
Что в этот день, такой обычный,
В России... Л е н и н р о д и л с я!

«РАЗОРУЖАЛИСЬ» ТРОЙСТВЕННО
и «СТОЛКОВАЛИСЬ», КАК ИМ
СВОЙСТВЕННО

(К ПРОВАЛУ ТРОЙСТВЕННОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО
«РАЗОРУЖЕНИЮ»)

«Друг» «другу» вежливо «процупавши» бока, —
Где — больно? Где — не больно?
Где можно «прямиком» нажать, а где —
«окольно»? —

Нашли, что будет с них пока.
Без драки разошлись — и этого довольно!
А все-таки про «мир» сюсюкают: «Сю-сю!»
«Сю-сю!» — «Сю-сю!»
Мироласбивое такое выраженье!
Ну, ясно, что теперь пойдет у них вовсю...
Раз-зс-ру-жень-е!
Вот будет зрелище! Всемирное кино!
Трагикомическая лента!
Соревнованье: кто кого скорей... на дно?
Разоружать начнут какого конкурента?
Мы будем наблюдать... не семечки грызя.
Как говорится: «Будь готов!» Зевать нельзя,
Чтоб «интересного» не прозевать момента!!

ТУАЛЕТЫ ПАЛАЧЕЙ

Сестра Ванцетти, хотевшая сесть на отправляющийся из Булони в Америку голландский пароход «Воллендам» с целью увидеться с братом перед казнью, не была допущена на борт под тем предлогом, что она слишком «бедно одета».

Из газет.

Голландский пароход, шикарный «Воллендам»,
Привык возить шикарных дам,
А у тебя, сестра, какие туалеты?

Сестра, крепись! Молчи! Мы выплачем твой плач!
Мы знаем: прокурор и Фуллер — он богат!¹—

И «электрический» палач —

Все будут хорошо одеты!

Но... кто предскажет, сколько лет

Им окровавленный прослужит туалет?

Костюмы палачей... Мы не дадим зарока,

— Пусть кто-нибудь дает другой!—

Что палачей на их одежды дорогой

Никто не вытряхнет до срока!

НАС ПОВИТЬ, ПОВИТЬ ХОТЕЛИ!

Нас побить, побить хотели,

Нас побить пытались.

А мы тоже не сидели,

Того дожидались!

У китайцев генералы

Всё вояки смелые:

На рабочие кварталы

Прут, как очумелые.

Под конец они, пройдохи,

Так распетушились:

На советские «подвохи»

Дать отпор решились:

«Большевистскую заразу

Уничтожить начисто!»

Но их дело стало сразу

Очень раскорячисто.

Нас побить, побить хотели,

Нас побить пытались.

Но мы тоже не сидели,

Того дожидались!

---

¹ Фуллер — губернатор, утвердивший смертный приговор над Сакко и Ванцетти.

Так махнули,
Так тряхнули,
Крепко так ответили,
Что все Чжаны
Сюэ-ляны
Живо дело сметили,

Застрочили быстро ноты,
Мирные и точные.
*Мастера своей работы
Мы, дальневосточные!*

Наш ответ Чжан Сюэ-лянам —
Схватка молодецкая,
А рабочим и крестьянам —
Дружба всесоветская!

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пытались,
Но мы даром не сидели,
Того дожидались!

ПРОВОДЫ

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:
«Ах куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да во солдаты!

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.

Мать, страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

Как дела теперь пошли:
Любо-мило!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утеснений прежних нет
И в помине.
Лучше б ты женился, свет,
На Арине.

С молодой бы жил женой,
Не ленился!»
Тут я матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
У порога:
«Не скулите вы по мне
Ради бога.

Будь такие все, как вы,
Ротозей,
Что б осталось от Москвы,
От Расей?

Все пошло б на старый лад,
На недолю.
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю.

Сел бы барин на земле
Злым Малютой.
Мы б завыли в кабале
Самой лютой.

А иду я не на пляс,
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать-старушку:.

С Красной Армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом.

Что с попом, что с кулаком—
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!

Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
Взятый с бою.

Не кровавый, пьяный рай
Мироедский, —
Русь родная, вольный край,
Край советский!»

ПРОСТЫ МОИ ПЕСНИ

Писал я, друзья, не для славы,
Не для легкой забавы,
Не для сердечной услады,
Не сладкие рулады.
Не соловьиные трели
Выводил я на нежной свирели:
Просты мои песни и грубы.
Писал я их, стиснувши зубы.
Не свирелью был стих мой — трубой,
Призывавшей вас всех на решительный бой
С мироедской разбойной оравой.
Не последним бойцом был я в схватке
кровавой,

Просты мои песни и грубы,
Зато беднякам они любы.
Не боялся я критики строгой:
Шел упорно своею дорогой.
С вами шел я, товарищи, с вами иду
И идти буду вместе... пока упаду!

НА ПОМОЩЬ КРАСНЫМ БОЙЦАМ

(К «исделе фронта»)

Горькая чаша, но славная чаша
Выпала всем нам на долю.
Кровью истекшая родина наша
Бьется за вольную волю.
Мощным порывом разбив свои ржавые
Тысячелетние пути,
Гневно выметнулись руки шершавые,
В вихре неслышанной смуты.
Люд измуренный, певольник раскованный,
Терпит безмерные муки.
Счастье народное — клад заколдованный —
Трудно дается нам в руки.
Но победит наше слово заветное
Грозные вражьи пёруны,
Близится, близится царство всесветное
Братской рабочей коммуны.
Ждут нас, быть может, еще поражения,
Новые жертвы и раны, —
Мы против вражьего злого вторжения
Новые двинем тараны.
Реют всполбки над дальними странами,
Рвутся бойцы нам на смену,
Скоро пробьем мы двойными таранами
Вражью проклятую стену.
Красные рати, не зная усталости,
Бьются с отвагою лавиной,
Черную силу сметают без жалости
Несудержимой лавиной.
К светлым просторам сквозь дебри дремучие
Нам расчищают дорогу,
Верят бойцы в свои силы могучие,
В братскую нашу подмогу.
Их беззаветной отваги последствия
Высшая наша отрада,
Наши восторги и наши приветствия
Красным героям награда.
Братья и сестры, чтоб новые бедствия
Нашим не стали уделом,

Красным бойцам посылайте приветствия,
Но — подкрепляйте их делом.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Былых господ прогнавши взáшей,
Мы знаем, есть страшнее враг, —
Мы по пути к победе нашей
Свершили только первый шаг.

Страшнее барской шайки дикой
Нас изнурившая нужда.
Вперед же, воины великой
Единой армии труда!

Отбив рукой вооруженной
Всю злую вражескую гнусь,
Спасем работой напряженной
Коммунистическую Русь.

Работать все станки заставим,
Исправим все и пустим в ход, —
И от смертельных мук избавим
Нуждой измаянный народ.

Мы деревушкам скажем черным:
«Довольно жутких, темных зим!
Себя трудом, трудом упорным,
Мы к светлой жизни воскресим!»

Есть на Руси один хозяин —
Народ свободный, трудовой.
С рабочим пахарь кровно спаян
Одною спайкой боевой:

В одном строю — герой с героем —
Шли в бой, опасности деля.
Вперед же, братья, бодрым строим!
Свои заводы мы откроем,
Свои запашем мы поля.

Свои богатства мы умножим

И возрастим *свои* плоды,
У общих фабрик горы сложим
Из торфа, угля и руды.

Жизнь забурлит живым потоком,
Не зная вражеских запруд, —
И мы, в спокойствии глубоком,
Окинув Русь хозяйским оком,
Благословим наш общий труд!

ЖЕСТКИЙ СРОК

Разжигатель неумный —
Я кочую по фронтам,
Мой вагон — дырявый, темный,
Нынче здесь, а завтра там.

Плут иль трус — моя добыча:
Опозорю, засмею.
Я, повсюду нос свой тыча,
Зря похвал не раздаю.

Рожи лодырей малюя,
Их леплю на все углы.
Но когда кого хвалю я,
Значит, стоит он хвалы.

Шляхта, подлая, тупая
Понапрасну нос дерет.
Отступая, наступая,
Мы идем вперед, вперед.

Путь известен: до Варшавы.
Видел место я вчера,
Где наводят переправы
Наши чудо-мастера.

Красным штабом самый точный
Обозначен им урок:
«Нужен мост на диво прочный
В срок — кратчайший. Жесткий срок».

Молотки стучат задорно,
Топоры звенят-поют.
Средь высоких свай проворно
Чудо-техники снуют.

Через Неман на Варшаву
«Шьют» стальную колею.
Всем путейцам нашим славу
Я охотно пропою.

Но напрасно путь здесь ляжет,
Красный фронт наш дал зарок:
Чванной шляхте он покажет,
Что такое «жесткий срок».

ПЕЧАЛЬ

Дрожит вагон. Стучат колеса.
Мелькают серые столбы.
Вагон, сожженный у откоса,
Один, другой... Следы борьбы.
Остановились. Полустанок.
Какой? Не все ли мне равно.
На двух оборванных цыганок
Гляжу сквозь мокрое окно.
Одна — вот эта, что моложе, —
Так хороша, в глазах — огонь,
Красноармеец — рваный тоже —
Пред нею вытянул ладонь.
Гадалки речь вперед знакома:
Письмо, известье, дальний путь...
А парень грустен. Где-то дома
Остался, верно, кто-нибудь.

Колеса снова застучали.
Куда-то дальше я качу.
Моей несказанной печали
Делить ни с кем я не хочу.
К чему? Я сросся с бодрой маской.
И прав, кто скажет мне в укор,

Что я сплошною красной краской
Пишу и небо и забор.
Души неясная тревога
И скорбных мыслей смутный рой...
В окраске их моя дорога
Мне жуткой кажется порой!
О, если б я в такую пору,
Отдавшись власти черных дум,
В стихи оправил без разбору
Все, что идет тогда на ум!
Какой восторг, какие ласки
Мне расточал бы вражий стан,
Все, кто исполнен злой опаски,
В чьем сердце — траурные краски,
Кому все светлое — обман!

Но избалован я судьбою.
Жизнь жестоко меня трясла.
Все ж не умножил я собою
Печальных нитиков числа.
Но — полустамок захолустный...
Гадалки эти... ложь и тьма...
Красноармеец этот грустный
Все у меня нейдет с ума!
Дождем осенним плачут окна
Дрожит расхлябанный вагон.
Свинцово-серых туч волокна
Застлали серый небосклон.
Сквозь тучи солнце светит скудно,
Уходит лес в глухую даль.
И так на этот раз мне трудно
Укрыть от всех мою печаль!

ЗА ЗЕМЛЮ, ЗА ВОЛЮ!

За землю, за волю, за счастье народа
Мы бьемся три года!
Мы бьемся три года!
Разбивши проклятые звенья оков,

Что резали наше согбенное тело
Десятки веков, —
Мы бьемся, мы бьемся упорно и смело
За наше народное общее дело,
За светлую жизнь бедняков!
Попы нам твердили о рае небесном,
Цари нас держали в лихой кабале.
Рабочий и пахарь, в содружестве тесном
Мы бьемся за рай — на земле!
Гнилые трущобы, сырые подвалы —
Мы их отдадим богачам.
Забыв свои пышные, светлые залы,
Пусть плачут банкиры, купцы, генералы
Где плакали мы по ночам!
Мы ль силы щадили? Мы ль были ленивы?
Чьей силой заводы пускалися в ход?
Чьим потом кровавым кропилися нивы?
Чьим хлебом кормилася шайка господ?
Очистив от трутней рабочий наш улей, —
Мы ль снова их пустим назад?
Разите ж, бойцы, вашей меткою пулей
Врага, что готовит нам ад!
Нам враг угрожает кровавой расправой,
Но чует он близкую гибель свою.
Скорей же покончим с господской оравой
В последнем жестоком бою!
Да минет нас новая горькая чапа,
Былая неволя — лихая напасть!
Да здравствует, братья, Советская наша
Рабоче-крестьянская власть!

* * *

За землю, за волю, за счастье народа
Мы бьемся три года!
Мы бьемся три года!
Разбивши проклятые звенья оков,
Что резали наше согбенное тело
Десятки веков, —
Мы бьемся, мы бьемся упорно и смело
За наше народное общее дело:
За светлую жизнь бедняков!

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

* * *

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на «ты».
Мы, воины, строго ударим
Рукой по суровым щитам:
Да будет народ государем
Всегда, навсегда, здесь и там!
Пусть девы спокуют у оконца,
Меж песен о древнем походе,
О верноподданном Солнце —
Самодержавном народе.

* * *

Весны пословицы и скороговорки
По книгам зимним проползли.
Глазами синими увидел зоркий
Записки стыдесной земли.

Сквозь полет золотистого мячика
Прямо в сеть тополевых тенет

В эти дни золотая мать-мачеха
Золотой черепашкой ползет.

СОЮЗУ МОЛОДЕЖИ

Русские мальчишки, львами
Три года охранявшие народный улей,
Знайте, я любовался вами,
Когда вы затыкали дыры труда
Или бросались туда,
Где львиная голая грудь —
Заслон от свистящей пули.
Всюду веселы и молоды,
Белокурые, засыпая на пушках,
Вы искали холода и голода,
Забыв про постели и о подушках.
Юные львы, вы ходили на моряка,
Среди ядер свирепо-свинцовых,
Что дыру на котле
Паров, улететь готовых,
Вместо чугунных втул
Локтем своего тела смело заткнул.
Шипит и дымится рука
И нам море пахнет жарким — каким?
Редкое жаркое, мясо человека.
Но пар телом заперт,
Пары не летят,
И судно послало свистящий снаряд.
Вам, юношам, не раз кричавшим
«Прочь» мировой сове,
Совет:
Смело вскочите на плечи старших поколений,
То, что они сделали, — только ступени.
Оттуда видней!
Много далеко
Увидит ваше око,
Высеченное плеткой меньшего числа дней.

ГОЛОД

Почему лоси и зайцы по лесу скачут,
Прочь удаляясь?
Люди съели кору осины,
Елей побегии зеленые...
Жены и дети бродят по лесу
И собирают березы листы
Для щей, для окрошки, борща,
Елей верхушки и серебряный мох, —
Пища лесная.
Дети, разведчики леса,
Бродят по рощам,
Жарят в костре белых червей,
Заячью капусту, гусениц жирных
Или больших пауков — они слаще орехов.
Ловят кротов, ящериц серых,
Гадов шипящих стреляют из лука,
Хлебцы пекут из лебеды.
За мотыльками от голода бегают:
Целый набрали мешок,
Будет сегодня из бабочек борщ —
Мамка сварит.
На зайца, что нежно прыжками скачет по лесу,
Дети, точно во сне,
Точно на светлого мира видение,
Восхищенные, смотрят большими глазами,
Святыми от голода,
Правде не верят,
Но он убегает проворным виденьем,
Кончиком уха чернея.
Вдогонку ему стрела полетела,
Но поздно — сытный обед ускакал,
А дети стоят очарованные...
«Бабочка, глянь-ка, там пролетела...»
Лови и беги! А там голубая!..
Хмуру в лесу. Волк прибежал издалека
На место, где в прошлом году
Он скушал ягненка.
Долго крутился юлой, все место обнюхал,
Но ничего не осталось —
Дела муравьев, — кроме сухого копытца,

Огорченный, комковатые ребра поджал
И утек за леса.
Там тетеревов алобровых и седых глухарей,
Заснувших под снегом, будет лапой
Тяжелой давить, брызгами снега осыпан...
Лисонька, огневка пушистая,
Комочком на пень взобралась
И размышляла о будущем...
Разве собакою стать?
Людам на службу пойти?
Сеток растянута много —
Ложись в любую...
Нет, дело опасное.
Съедят рыжую лиску,
Как съели собак!
Собаки в деревне не лают...
И стала лисица пуховыми лапками мыться,
Взвивши кверху огненный парус хвоста.
Белка сказала, ворча:
«Где же мои орехи и жёлуди? —
Скушали люди!»
Тихо, прозрачно, уж вечерело,
Лепетом тихим сосна целовалась
С осинкой.
Может, наавтра их срубят на завтрак.

НЕ ШАЛИТЬ!

Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!
Не за тем высока
Воля правды у нас,
В соболях-рысаках
Чтоб катались, глумясь.
Не за тем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки,

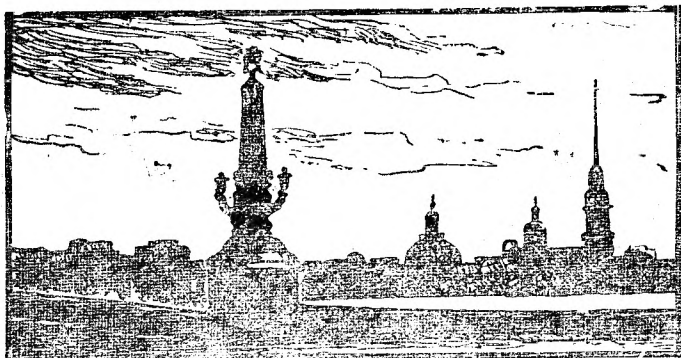
Не зубами скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть — буду петь
Доном-Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые устриги.
Кто со мною — в полет?
А со мной — мои други!

ОТКАЗ

Мне гораздо приятнее
Смотреть на звезды,
Чем подписывать смертный приговор.
Мне гораздо приятнее
Слушать голоса цветов,
Шепчущих «это он!»,
Когда я прохожу по саду,
Чем видеть ружья,
Убивающих тех, кто хочет
Меня убить.
Вот почему я никогда,
Никогда
Не буду правителем!

* * *

Еще раз, еще раз,
Я для вас
Звезда.
Горе моряку, взявшему
Неверный угол своей ладьи
И звезды:
Он разобьется о камни,
О подводные мели,
Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьетесь о камни
И камни будут надсмехаться
Над вами,
Как вы надсмехались
Надо мной.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

РАБОТА

Единое счастье — работа,
В полях, за станком, за столом, —
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета, —
Часы за упорным трудом!

Иди неуклонно за плугом,
Рассчитывай взмахи косы,
Клянись к лошадиным подругам,
Доколь не заблещут над лугом
Алмазы вечерней росы!

На фабрике, в шуме стозвонном
Машии, и колес, и ремней,
Заполни, с лицом непреклонным,
Свой день в череду миллионном
Рабочих, преемственных дней!

Иль — согнут над белой страницей, —
Что сердце диктует пиши;
Пусть небо зажжется денницей, —

Всю ночь выводи вереницей
Заветные мысли души!

Поселянный хлеб разойдется
По миру; с гудящих станков
Поток животворный польется;
Печатная мысль отзовется
Во глуби бесчисленных умов.

Работай! Незримо, чудесно
Работа, как сев, прорастет.
Что станет с плодами — неизвестно,
Но благоденно, влагой небесной,
Труд всякий падет на народ!

Великая радость — работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета, —
Все счастье земли — за трудом!

МИРОВОЙ КИНЕМАТОГРАФ

В годину бед, когда народной вере
Рок слишком много ставит испытаний, —
В безмерном зале мировых преданий
Проходят призраки былых империй,
Как ряд картин на световом экране.

По Нилу мчится барка Сына Солнца;
До неба всходят башни Вавилона;
Перс возвещает землям волю с трона, —
Но дерзко рушат рати Македонца
Престол Царя Царей и Фараона.

Выходят римляне, сурово-строги.
Под стук мечей куется их держава,
И кесарских орлов не меркнет слава.
Бегут в пустынях римские дороги,
Народы рабствуют в оковах права.

Пирует Рим, льет вина, множит яства...
Вдруг варвары, как буря, злы и дики
Спадают с гор, крушат все в яром крике,
И вновь пленен мечтой миродержавства,
Свой трон в руинах высит Карл Великий.

Потом самумом пролетают в мире
Арабы, славя свой Коран; монголы
Несметным сонмом топчут высь и доли...
Над царством царства вырастают шире...
Сверкает Бонапарта меч тяжелый...

Но, жив и волен, из глухих кружений
Выходит строй народов — грозно длинный:
Армяне, эллины, германцы, финны,
Славяне, персы, италийцы, — тени,
Восставшие, чтоб сжечь свой гимн старинный!

О, сколько царств, сжимавших мир! Природа
Глядит с улыбкой на державства эти:
Нет, не цари — ее родные дети!
Пусть гибнут троны, только б дух народа,
Как феникс, ожил на костре столетий!

ТОВАРИЩАМ ИНТЕЛЛИГЕНТАМ

ИНВЕКТИВА

Еще недавно всего охотней
Вы к новым сказкам клонили лица;
Уэллс, Джек Лондон, Леру и сотни
Других плели вам небылицы.

И вы дрожали, и вы внимали,
С испугом радостным, как дети,
Когда пред вами вскрывались дали
Земле назначенных столетий.

Вам были любы — трагизм и гибель
Иль ужас нового потопа,

И вы гадали: в огне ль, на дыбе ль
Погибнет старая Европа?

И вот свершилось. Рок принял грезы,
Вновь показал свою превратность:
Из круга жизни, из мира дэзэры
Мы вброшены в невероятность!

Нам слышны громы: то — вековые
Устои рушатся в провалы;
Над снежной ширью былой России
Рассвет сияет небывалый.

В обломках троны; над жалкой грудой
Народы видят надпись: «Бренность!»
И в новых ликах, живой причудой,
Пред нами реет современность.

То, что мелькало во сне далеком
Воплощено в дыму и в гуле...
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули?

Что ж не спешите в вихре событий —
Упитаться бурей, грозно-странной?
И что ж в былое с тоской глядите,
Как в некий край обетованный?

Иль вам, фантастам, иль вам, эстетам,
Мечта была мила как дальность?
И только в книгах да в лад с поэтом
Любили вы оригинальность?

ТОЛЬКО РУССКИЙ

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жутью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть, —
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть.

Мы пугаем. Да, мы — дики,
Тесан грубо наш народ:
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет, —

Выполним труд тяжелый,
Загнан, голоден и наг,
Он не знал дороги в школы,
Он был чужд вселенских благ;

Просвещения ключ целебный
Скрыв, бросали нам цари
Лишь хоругви, лишь молебны,
В пестрых красках алтари!

Но когда в толпе шумливой
Слышишь брань и буйный крик, —
Выклик думой терпеливой
В новый, пламенный язык.

Ты расслышашь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь — простор надежде,
В нем — свободный человек!

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж в толпе вседневной
Шум ее, и гул, и гам,
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

ТРУД

В мире слов разнообразных,
Что блестят, горят и жгут,—
Золотых, стальных, алмазных,—
Нет священной слова: «труд!»

Троглодит стал человеком
В тот заветный день, когда
Он сошник повел к просекам,
Начиная круг труда.

Все, что пьем мы полной чашей,
В прошлом создано трудом:
Все довольство жизни нашей,
Все, чем красен каждый дом.

Новой лампы свет победный,
Бег моторов, поездов,
Монопланов лет бесследный,
Все — наследие трудов!

Все искусства, знанья, книги —
Воплощенные труды!
В каждом шаге, в каждом миге
Явно видны их следы.

И на место в жизни право
Только тем, чьи дни — в трудах:
Только труженикам — слава,
Только им — венок в веках!

Но когда заря смеется,
Встретив позднюю звезду,—
Что за радость в душу льется
Всех, кто бодро встал к труду!

И окончив день, усталый,
Каждый щедро награжден,
Если труд, хоть скромный, малый,
Был с успехом завершен!

Я выросал в глухое время,
Когда весь мир был глух и тих,
И людям жить казалось в бремя,
А слуху был ненужен стих.

Но смутно слышалось мне в безднах:
Невнятный гул, далекий гром,
И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом.

И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом весенних бурь.

Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен.
И вот предстали в рдяном свете,
Горя, Цусима и Мукден.

Год пятый прошумел, далекой
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрем сменен Февраль.

Мне видеть не дано, быть может,
Конец, чуть блещущий вдали,
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли.

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА

Есть месяцы, отмеченные Роком
В календаре столетий. Кто сотрет
На мировых скрижалях *иды марта*,
Когда последний римский вольнолюбец
Тирану в грудь направил свой клинок?
Как позабыть, в холодно-мглистом полдне,
Строй дерзких, град картечи, все, что слито
С глухим *четырнадцатым декабрём*?

Как знамена, кровавым блеском реют
Над морем Революции Великой
Двадцатое июня, и десятый
День августа, и скорбный день — брюмер.
Та ж Франция явила два пыланья —
Февральской и июльской новизны.
Но выше всех над датами святыми,
Над *декабрем*, чем светел пятый год,
Над *февралем* семнадцатого года,
Сверкаешь ты, слепительный *Октябрь*,
Огня твоя хлебнула грудь, —
Всех впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.
Что ж нам пред этой страшной силой?
Где ты, кто может ведать страх?
Нам — лишь вершить, что ты вершила,
Нам — быть с тобой, нам — славословить
Твое величие в веках!

МИР ЭЛЕКТРОНА

Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков!

Еще, быть может, каждый атом —
Вселенная, где сто планет;
Там — все, что здесь, в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.

Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.

Их мудрецы, свой мир бескрайный
Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я;

А в миг, когда из разрушенья
Творятся токи новых сил,
Кричат, в мечтах самовнушенья,
Что бог свой светоч погасил!

БУДУЩЕЕ

Будущее —
Интереснейший из романов!
Книга, что мне не дано прочитать!
Край, прикрытый прослойкой туманов!
Храм, чья стройка едва начата!

ЛЕНИН

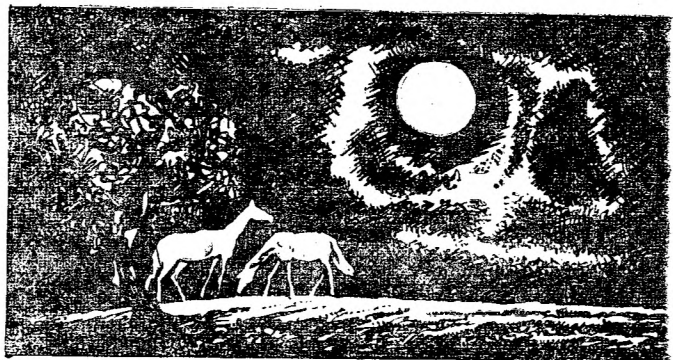
Кто был он? — Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

Октябрь лег в жизни новой эрой.
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Атилл.

Мир прежний сякнет, слаб и тленен;
Мир новый — общий океан,—
Растет из бурь октябрьских: Ленин
На рубеже, как великан.

Земля! зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его — мирам мы понесем!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

* * *

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в златой ряднине
Твой Алексей Кольцов.

В руках — краюха хлеба,
Уста — вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.

За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет, одетый светом,
Его средний брат.

От Вытегры до Шуи
Он избраздил весь край
И выбрал кличку — Ключев,
Смиренный Миколай.

Монашья мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

За мной незримым роем
Идет кольцо других;
И далеко по селам
Звонит их бойкий стих.

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.

Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь —

Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

* * *

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:

Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

* * *

Песни, песни, о чем вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.

Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

Хорошо в эту лунную осень
Бродить по траве одному
И собирать на дороге колосья
В обнищалую душу-суму.

Но равнинная синь не лечит.
Песни, песни, иль вас не страшнуть?..
Золотистой метелкой вечер
Расчищает мой ровный путь.

И так радостен мне над пущей
Замирающий в ветре крик:
«Будь же холоден ты, живущий,
Как осеннее золото лип».

КАНТАТА

Спите, любимые братья!
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

Новые в мире зачатя,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.

Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.

НЕБЕСНЫЙ БАРАБАНЩИК

Л. Н. Старку

1

Гей вы, рабы, рабы!
Брюхом к земле прилипли вы.
Нынче луну с воды
Лошади выпили.

Листьями звезды льются
В реки на наших полях.
Да здравствует революция
На земле и на небесах!

Души бросаем бомбами,
Сеем пурговый свист.
Что нам слюна иконная
В наши ворота в высь?

Нам ли страшны полководцы
Белого стада горилл?
Взвихренной конницей рвется
К новому берегу мир.

2

Если это солнце
В заговоре с ними,—
Мы его всей ратью
На штыках подыдем.

Если этот месяц
Друг их черной силы,—
Мы его с лазури
Камнями в затылок.

Разметем все тучи,
Все дороги взмесим.
Бубенцом мы землю
К радуге привесим.

Ты звени, звени нам,
Мать-земля сырая,
О полях и рощах
Голубого края.

3

Солдаты, солдаты, солдаты —
Сверкающий бич над смерчком.
Кто хочет свободы и братства,
Тому умирать нипочем.

Смыкайтесь же тесной стеною!
Кому ненавистен туман,
Тот солнце корявой рукою
Сорвет на золотой барабан.

Сорвет и пойдет по дорогам
Лить зов над озерами сил —
На тени церквей и острогов,
На белое стадо горилл.

В этом зове калмык и татарин
Почуют свой чаемый град,
И черное небо хвостами,
Хвостами коров воспалят.

Верьте, победа за нами!
 Новый берег недалек.
 Волны белыми когтями
 Золотой скребут песок.

Скоро, скоро вал последний
 Миллионом брызнет лун.
 Сердце — свечка за обедней
 Пасхе массы и коммун.

Ратью смуглой, ратью дружной
 Мы идем сплотить весь мир.
 Мы идем, и пылью вьюжной
 Тает облако горилл.

Мы идем, а там, за чашей,
 Сквозь белесость и туман
 Наш небесный барабанщик
 Лупит в солнце-барабан.

* * *

Я покинул родимый дом,
 Голубую оставил Русь.
 В три звезды березняк над прудом
 Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
 Распласталась на тихой воде.
 Словно яблонный цвет, седина
 У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
 Долго петь и звенеть пурге.
 Стержет голубую Русь
 Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
 Тем, кто листьев целует дождь,
 Оттого, что тот старый клен
 Головой на меня похож,

* * *

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет,

Полевое, степное «ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.

Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.

Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветер,
По-осеннему шепчут листья.

СОРОКОУСТ

Мариенгофу

1

Трубит, трубит погибельный рог!
Как же быть, как же быть теперь нам
На измызганных ляжках дорог?

Вы, любители песенных блох,
Не хотите ль . . . . .
Полно кротостью мордищ праздниться,
Любо ль, не любо ль — знай, бери.
Хорошо, когда сумерки дразнятся
Исыпают нам в толстые задницы
Окровавленный веник зари.

Скоро заморозь известью выбелит
Тот поселок и эти луга.
Никуда вам не скрыться от гибели,
Никуда не уйти от врага.
Вот он, вот он с железным брюхом
Тянет к глоткам равнин пятерню.

Водит старая мельница ухом,
Навострив мукомольный нюх.
И дворовый молчальник бык,
Что весь мозг свой на телок пролил,
Вытирая о прясло язык,
Почуял беду над полем.

2

Ах, не с того ли за селом
Так плачет жалостно гармоника:
Таля-ля-ля, тили-ли-гом
Висит над белым подоконником.
И желтый ветер осенницы
Не потому ль, синь рябью тронув,
Как будто бы с коней скребницей,
Очесывает листья с кленов.
Идет, идет он, страшный вестник,
Пятой громоздкой чащи ломит.
И все сильнее тоскуют песни
Под лягушиный писк в соломе.
О электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка,
Се изб древенчатый живот
Трясет стальная лихорадка!

3

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну, куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Неужель он не знает, что в полях бессиянных
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег?
По-иному судьба на торгах перекрасила
Наш разбуженный скрежежом плес,
И за тысячи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз.

4

Черт бы взял тебя, скверный гость!
Наша песня с тобой не сживется.
Жаль, что в детстве тебя не пришлось
Утопить, как ведро в колодце.
Хорошо им стоять и смотреть,
Красить рты в жестяных поцелуях, —
Только мне, как псаломщику, петь
Над родимой страной алилуйя.
Оттого-то в сентябрьскую склень
На сухой и холодный суглинок,
Головой разможжась о плетень,
Облилась кровью ягод рябина.
Оттого-то вросла тужиль
В переборы тальянки звонкой
И, соломой пропахший, мужик
Захлебнулся лихой самогонкой.

* * *

Мариенгофу

Я последний поэт деревни,
Скромнен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадающих листвой берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Неживые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

ХУЛИГАН

Дождик мокрыми метлами чистит
Ивняковый помет по лугам.
Плюйся, ветер, охалками листьев,—
Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи,
Как с тяжелой походкой волы,
Животами, листвой хрипящими,
По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?
Вижу, вижу, как сумерки лижут
Следы человеческих ног.

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост!

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови — степной конокрад.

Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченых черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Но не бойся, безумный ветер,
Плюй спокойно листвою по лугам.
Не сотрет меня кличка «поэт»
Я и в песнях, как ты, хулиган.

ИСПОВЕДЬ ХУЛИГАНА

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.

Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедуется хулиган.
Я нарочно иду нечесанным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах.
Ваших душ безлиственную осень

Мне нравится в потемках освещать.
Мне нравится, когда камень брани
Летят в меня, как град рыгающей грозы,
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь

Так хорошо тогда мне вспоминать
Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,
Которым дорог я, как поле и как плоть,
Как дождик, что весной взрывает зеленыя.
Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня.

Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,
Так же боитесь бога и болотных недр.
О, если б вы понимали,
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт!
Вы ль за жизнь его сердцем не индевели,
Когда босые ноги он в лужах осенних макал?
А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных башмаках.

Но живет в нем задор прежней вправки
Деревенского озорника.
Каждой корове с вывески мясной лавки
Он кланяется издалека.
И, встречаясь с извозчиками на площади,
Вспоминая запах навоза с родных полей,
Он готов нести хвост каждой лошади,
Как венчального платья шлейф.

Я люблю родину,
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.
Приятны мне свиней испачканные морды
И в тишине ночной звенящий голос жаб.
Я нежно болен вспоминаньем детства,
Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь,
Как будто бы на корточки погреться

Присел наш клен перед костром зари.
О, сколько я на нем яиц из гнезд вороньих,
Карабкаясь по сучьям, воровал!
Все тот же ль он теперь, с верхушкой зеленой?
По-прежнему ль крепка его кора?

А ты, любимый,

Верный пегий пес?!
От старости ты стал визглив и слеп
И бродишь по двору, влача обвисший хвост,
Забыв чутьем, где двери и где хлев.
О, как мне дороги все те проказы,
Когда, у матери стянув краюху хлеба,
Кусали мы с тобой ее по разу,
Ни капельки друг другом не погрэбав.

Я все такой же.
Сердцем я все такой же.
Как васильки во ржи, цветут в лице глаза.
Стеля стихов злаченные рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать.
Спокойной ночи!
Всем вам спокойной ночи!
Отзвенела по траве сумерок зари коса...

Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну . . . * * * * *

Синий свет, свет такой синий!
В эту синь даже умереть не жаль.
Ну так что ж, что кажусь я циником,
Прицепившим к заднице фонарь!
Старый, добрый, заезженный Пегас,
Мне ль нужна твоя мягкая рысь?

Я пришел, как суровый мастер,
Воспеть и прославить крыс.
Башка моя, словно август,
Льется бурливых волос вином.

Я хочу быть желтым парусом
В ту страну, куда мы плывем.

* * *

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветь и умереть.

* * *

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипяtkовая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая словесная гряда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и гордый
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохоcующий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

* * *

Я усталым таким еще не был.
В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну, —
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину?

Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервые!
Не с того ли глаза мне точит,
Словно синие листья червь?

Не больна мне ничья измена,
И не радуется легкость побед, —
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.

Превращается в пепел и воды,
Когда цедит осенняя муть.
Мне не жаль вас, прошедшие годы,—
Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить бесцельно,
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в легком теле
Тихий свет и покой мертвеца...

И теперь даже стало не тяжко
Ковылять из притона в притон, —
Как в смирительную рубашку,
Мы природу берем в бетон.

И во мне, вот по тем же законам,
Умеряется бешеный пыл.
Но и все ж отношусь я с поклоном
К тем полям, что когда-то любил.

В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве, —
Шлю привет воробьям и воронам,
И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил, —
Пусть хоть ветер теперь начинает
Под-микитки дубасить рожь».

* * *

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта — ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но, коль черти в душе гнездились,
Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, —

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать.
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

* * *

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь.
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь — как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз златокарий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан:
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонкой касаться руки
И волос твоих, цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

* * *

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет.
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог —
Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

* * *

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце наполнилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь.
Иными — кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

* * *

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых —
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости,

Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

ПИСЬМО МАТЕРИ

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж —
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся,
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось,—
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

* * *

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воду!

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь,
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле...
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Я посетил родимые места,
Ту сельщину,
Где жил мальчишкой,
Где каланчой с березовою вышкой
Взметнулась колокольня без креста.

Как много изменилось там,
В их бедном, неприглядном быте.
Какое множество открытий
За мною следовало по пятам.

Отцовский дом
Не мог я распознать:
Приметный клен уж под окном не машет,
И на крылечке не сидит уж мать,
Кормя цыплят крупичатую кашей.

Стара, должно быть, стала...
Да, стара.
Я с грустью озираюсь на окрестность:
Какая незнакомая мне местность!
Одна, как прежняя, белеется гора,
Да у горы
Высокий серый камень,
Здесь кладбище!
Подгнившие кресты,
Как будто в рукопашной мертвецы,
Застыли с распростертыми руками.

По тропке, опершись на подожок,
Идет старик, сметая пыль с бурьяна,
«Прохожий!
Укажи, дружок,
Где тут живет Есенина Татьяна?» —
«Татьяна... Гм...
Да вон за той избой.
А ты ей что?
Сродни?
Аль, может, сын пропащий?» —
«Да, сын.
Но что, старик, с тобой?
Скажи мне,
Отчего ты так глядишь скорбяще?»

«Добро, мой внук,
Добро, что не узнал ты деда!..» —
«Ах, дедушка, ужели это ты?»

И полилась печальная беседа
Слезам теплыми на пыльные цветы.
«Тебе, пожалуй, скоро будет тридцать...
А мне уж девяносто...
Скоро в гроб.
Давно пора бы было воротиться, —
Он говорит, а сам все морщит лоб. —
Да!.. Время!..
Ты не коммунист?»
«Нет!»
«А сестры стали комсомолки.
Такая гадость! Просто удавись!
Вчера иконы выбросили с полки,
На церкви комиссар снял крест.
Теперь и богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам...
Может, пригодится...
Пойдем домой —
Ты все увидишь сам».
И мы идем, топча межой кукольні.
Я улыбаюсь пашням и лесам,

А дед с тоской глядит на колокольню,

• • • • •
• • • • •

«Здорово, мать! Здорово!» —

И я опять тяну к глазам платок.

Тут разрыдаться может и корова,

Глядя на этот бедный уголок.

На стенке календарный Ленин.

Здесь жизнь сестер,

Сестер, а не моя, —

Но все ж готов упасть я на колени,

Увидев вас, любимые края.

Пришли соседи...

Женщина с ребенком.

Уже никто меня не узнает.

По-байроновски наша собачонка

Меня встречала с лаем у ворот.

Ах, милый край!

Не тот ты стал,

Не тот.

Да уж и я, конечно, стал не прежний.

Чем мать и дед грустней и безнадежней,

Тем веселей сестры смеется рот.

Конечно, мне и Ленин не икона,

Я знаю мир...

Люблю мою семью...

Но отчего-то все-таки с поклоном

Сажусь на деревянную скамью.

«Ну, говори, сестра!»

И вот сестра разводит,

Раскрыв, как библию, пузатый «Капитал»,

О Марксе,

Энгельсе...

Ни при какой погоде

Я этих книг, конечно, не читал.

И мне смешно,

Как шустрая девчонка

Меня во всем за шиворот берет.

• • • • •
• • • • •

По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.

ПУШКИНУ

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе —
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

РУСЬ СОВЕТСКАЯ

А. Сахарову

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело,
На перекличке дружбы многих нет.
Я вновь вернулся в край осиротелый,
В котором не был восемь лет.

Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?
Здесь даже мельница — бревенчатая птица
С крылом единственным — стоит, глаза смежив,

Я никому здесь не знаком,
А те, что помнили, давно забыли.
И там, где был когда-то отчий дом,
Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

А жизнь кипит.
Вокруг меня снуют
И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют.

И в голове моей проходят роem думы:
Что родина?
Ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог вестъ с какой далекой стороны.

И это я!
Я, гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита.

Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.

Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней —
Уж не село, а вся земля им мать».

Ах, родина! Какой я стал смешной.
На щеки впалые летит сухой румянец.
Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.

Вот вижу я :
Воскресные сельчане
У волости, как в церковь, собрались.
Корявыми, немытыми речами
Они всю обсуживают «жись».

Уж вечер. Жидкой позолотой
Закат обрызгал серые поля,
И ноги босые, как телки под ворота,
Уткнули по канавам тополя.

Хромой красноармеец с ликом сонным,
В воспоминаниях морщина лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Перекоп.

«Уж мы его — и этак и разэтак, —
Буржуя этого... которого... в Крыму...»
И клены морщатся ушами длинных веток,
И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Ну, что ж!
Прости, родной приют.
Чем сослужил тебе — и тем уж я доволен.
Пускай меня сегодня не поют, —
Я пел тогда, когда был край мой болен.

Приемлю все.
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки —
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверяла звуки,
И песни нежные лишь только пела мне.

Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирив.

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —

Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

* * *

Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.

Пускай о многом неумело
Шептал бумаге карандаш.
Душа спросонок хрипло пела,
Не понимая праздник наш.

Но ты видение поэта
Прочтешь не в буквах, а в другом,
Что в той стране, где власть Советов,
Не пишут старым языком.

И, разбирая опыт смелый,
Меня насмешке не предашь, —
Лишь потому так неумело
Шептал бумаге карандаш.

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

СУКИН СЫН

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен,
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком,
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом в сиңь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души,
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу тебя в дом,..
Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом.

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда, —
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь, да цветь,
Да раkitник, кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

СТАНСЫ

Посвящается П. Чагину

Я о своем таланте
Много знаю.
Стихи — не очень трудные дела.
Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла.

Стишок писнуть,
Пожалуй, всякий может —
О девушках, о звездах, о луне...
Но мне другое чувство
Сердце гложет,
Другие думы
Давят череп мне.

Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном —
В великах штатах СССР.

Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить
Не в сноровке —
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали
В тигулевке.

Благодарю за дружбу граждан сих,
Но очень жестко
Спать там на скамейке
И пьяным голосом
Читать какой-то стих
О клеточной судьбе
Несчастной канарейки.

Я вам не кенар!
Я поэт!
И не чета каким-то там Демьянам,
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивных свет.

Я вижу все.
И ясно понимаю,
Что эра новая —
Не фунт изюму вам,
Что имя Ленина
Шумит, как ветер, по краю,
Давая мыслям ход,
Как мельничным крылам.

Вертитесь, милые!
Для вас обещан прок.
Я вам племянник,
Вы же мне все дяди.
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Понюхаем премудрость
Скучных строк.

Дни, как ручьи, бегут
В туманную реку.
Мелькают города,
Как буквы по бумаге.
Недавно был в Москве,
А нынче вот в Баку.
В стихию промыслов
Нас посвящает Чагин.

«Смотри, — он говорит, —
Не лучше ли церквей
Вот эти вышки
Черных нефть-фонтанов?
Довольно с нас мистических туманов,
Воспой, поэт,
Что крепче и живей».

Нефть на воде —
Как одеяло перса,

И вечер по небу
Рассыпал звездный куль.
Но я готов поклясться
Чистым сердцем,
Что фонари
Прекрасней звезд в Баку.

Я полон дум об индустриальной мощи
Я слышу голос человеческих сил.
Довольно с нас
Небесных всех светил —
Нам на земле
Устроить это проще.
И, самого себя
По шее глядя,
Я говорю:
«Настал наш срок.
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Чтоб разгадать
Премудрость скучных строк».

РУСЬ УХОДЯЩАЯ

Мы многое еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По-старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать, оттого так хочется и мне,
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.

Я уходящих в грусти не виню —
Ну, где же старикам
За юношами гнаться?
Они несжатой рожью на корню
Остались догнывать и осыпаться.

И я, я сам,
Не молодой, не старый,
Для времени навозом обречен.
Не потому ль кабацкий звон гитары
Мне навевает сладкий сон?

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Советскую я власть виню,
И потому я на нее в обиде,
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел.

Что видел я?
Я видел только бой
Да вместо песен
Слышал канонаду.
Не потому ли с желтой головой
Я по планете бегал до упаду?

Но все ж я счастлив.
В сонме бурь
Неповторимые я вынес впечатленья.
Вихрь нарядил мою судьбу
В золототканное цветенье.

Я человек не новый!
Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою.

Но есть иные люди.
Те
Еще несчастней и забытей.
Они, как отрубы в решете,
Средь непонятных им событий.

Я знаю их
И подсмотрел:
Глаза печальнее коровьих,
Средь человеческих мирных дел,
Как пруд, заплесневела кровь их.

Кто бросит камень в этот пруд?
Не троньте!
Будет запах смрада.
Они в самих себе умрут,
Истлеют падью листопада.

А есть другие люди —
Те, что верят,
Что тянут в будущее робкий взгляд.
Почесывая зад и перед,
Они о новой жизни говорят.

Я слушаю. Я в памяти смотрю,
О чем крестьянская судачит оголь.
«С Советской властью жить нам по нутрю...
Теперь бы ситцу... Да гвоздей немного».

Как мало надо этим брадачам,
Чья жизнь в сплошном
Картофеле и хлебе.
Чего же я ругаюсь по ночам
На неудачный, горький жребий?

Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею.
А я, стубивший молодость свою,
Воспоминаний даже не имею.

Какой скандал!
Какой большой скандал!
Я очутился в узком промежутке,
Ведь я мог дать
Не то, что дал,
Что мне давалось ради шутки.

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Я знаю — грусть не утопить в вине,
Не вылечить души
Пустыней и отколом.
Знать, оттого так хочется и мне,
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.

ПИСЬМО К ЖЕНЩИНЕ

Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.

Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.
Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
Когда кипит морская гладь —
Корабль в плачевном состоянии.

Земля — корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.

Ну, кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я,
Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых —
Что я пред вами напоказ
Себя растрчивал в скандалах.

Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...

• * * * * *

Теперь года прошли.
Я в возрасте инсм.
И чувствую и мыслью по-иному.
И говорю за праздничным вином!
Хвала и слава рулевому!

Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был
И что со мною сталося!

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ла-Манша.

Прости меня...
Я знаю: вы не та —
Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш

Сергей Есенин.

ЦВЕТЫ

I

Цветы мне говорят прощай,
Головками кивая низко.
Ты больше не увидишь близко
Родное поле, отчий край.
Любимые! Ну, что ж, ну, что ж!
Я видел вас, и видел землю,
И эту гробовую дрожь,
Как ласку новую, приемлю.

II

Весенний вечер. Синий час.
Ну, как же не любить мне вас,
Как не любить мне вас, цветы?
Я с вами выпил бы на ты.
Шуми, левкой и резеда.
С моей душой стряслась беда.
С душой моей стряслась беда,
Шуми, левкой и резеда.

III

Ах, колокольчик! Твой ли пыл
Мне в душу песней позвонил
И рассказал, что васильки
Очей любимых далеки.
Не пой! не пой мне! Пощади.
И так огонь горит в груди.
Она пришла, как к рифме «вновь»
Неразлучимая любовь.

IV

Цветы мои! Не всякий мог
Узнать, что сердцем я продрог,

Не всякий этот холод в нем
Мог растопить своим огнем,
Не всякий, длани кто простер,
Поймать сумеет долю злую.
Как бабочка — я на костер
Лечу и огненность целую.

V

Я не люблю цветы с кустов,
Не называю их цветами,
Хоть прикасаюсь к ним устами,
Но не найду к ним нежных слов.
Я только тот люблю цветок,
Который врос корнями в землю,
Его люблю я и приемлю,
Как северный наш василек.

VI

И на рябине есть цветы,
Цветы — предшественники ягод,
Они на землю градом лягут,
Багрец свергая с высоты.
Они не те, что на земле.
Цветы рябин — другое дело.
Они как жизнь, как наше тело,
Делимое в предвечной мгле.

VII

Любовь моя! Прости, прости,
Ничто не обошел я мимо.
Но мне милее на пути,
Что для меня неповторимо.
Неповторимы ты и я.
Помрем — за нас придут другие.
Но это все же не такие —
Уж я не твой, ты не моя.

VIII

Цветы, скажите мне прощай,
Головками кивая низко,
Что не увидать больше близко
Ее лицо, любимый край.
Ну, что ж! Пускай не увидать!
Я поражен другим цветеньем
И потому словесным пенъем
Земную буду славить гладь.

IX

А люди разве не цветы?
О, милая, почувствуй ты,
Здесь не пустынные слова.

Как стебель, тулово качая,
А эта разве голова
Тебе не роза золотая?

Цветы людей и в солнь и стыть
Умеют ползать и ходить.

X

Я видел, как цветы ходили,
И сердцем стал с тех пор добрей,
Когда узнал, что в этом мире
То дело было в Октябре.
Цветы сражались друг с другом,
И красный цвет был всех бойчей.
Их больше падало под вьюгой,
Но все же мощностью упругой
Они сразили палачей.

XI

Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль

Те красные цветы, что пали,
Головку розы режет сталь,
Но все же не боюсь я стали,
Цветы ходячие земли!
Они и сталь сразят почище,
Из стали пустят корабли,
Из стали сделают жилища.

ХII

И потому, что я постиг,
Что мир мне не монашья схима,
Я ласково влагаю в стих,
Что все на свете повторимо.
И потому, что я пою,
Пою и вовсе не впустую,
Я милой голову мою
Отдам, как розу золотую.

ИЗ ЦИКЛА

«ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ»

* * *

Улеглась моя былая рана —
Пьяный бред не гложет сердце мне.
Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.

Сам чайханщик с круглыми плечами,
Чтобы славилась пред русским чайхана,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.

Угощай, хозяин, да не очень.
Много роз цветет в твоём саду.
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,
Поцелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и драк.

Ну, а этой за движение стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не очень,
Все равно калитка есть в саду...
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

* * *

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуй веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты — моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

* * *

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе, поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле.
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

* * *

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, бога ради,
Обучусь когда-нибудь.

Ты сказала, что в коране
Говорится — мечь врагу.
Ну, а я ведь из Рязани,
Знать тех строчек не могу.

Ты пропела: «За Евфратом
Розы лучше смертных дев»,
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне —
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.

* * *

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени — Россия —
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляню,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напои дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумаю о нем.
Все равно — глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

* * *

В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.
И зачем? Кому мне песни петь?
Если стала неревнивой Шага,

Коль дверей не смог я отпереть,
Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстанусь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья,
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Прот тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.

* * *

Голубая родина Фирдуси,
Ты не можешь, памятью престыв,
Позабыть о ласковом уресе
И глазах, задумчиво простых,
Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша ты, Персия, я знаю.

Я сегодня пью в последний раз
Ароматы, что хмельны, как брага.
И твой голос, дорогая Шага,
В этот трудный расставанья час
Слушаю в последний раз.

Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду
Буду говорить я о тебе —
И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой угрюмый
Оставляю песенку про Русь:
Запевая, обо мне подумай,
И тебе я в песне отзовусь...

* * *

Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

Быть поэтом — значит петь раздолье,
Чтобы было для тебя известней,
Соловей поет — ему не больно,
У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка.

Магомет перехитрил в коране,
Запрещая крепкие напитки,
Потому поэт не перестанет
Пить вино, когда идет на пытки.

И когда поэт идет к любимой,
А любимая с другим лежит на ложе,
Благою живительной хранимый,
Он ей в сердце не запустит ножик.

Но, горя ревнивою отвагой,
Будет вслух насвистывать до дома:
«Ну, и что ж, помру себе бродягой,
На земле и это нам знакомо».

* * *

Руки милой — пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою,
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить —
Догореть ли в ласках милой Шаги,
Иль под старость трепетно тужить
О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что — для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Ширази.

Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.

* * *

«Отчего луна так светит тускло
На сады и стены Хороссана?
Словно я хожу равниной русской
Под шуршащим пологом тумана», —

Так спросил я, дорогая Лала,
У молчащих ночью кипарисов,
Но их рать ни слова не сказала,
К небу гордо головы завывив.

«Отчего луна так светит грустно?» —
У цветов спросил я в тихой чаще,
И цветы сказали: «Ты почувствуй
По печали розы шелестящей».

Лепестками роза расплескалась,
Лепестками тайно мне сказала:
«Шаганэ твоя с другим ласкалась,
Шаганэ другого целовала.

Говорила: «Русский не заметит...
Сердцу — песнь, а песне — жизнь и тело»,
Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела.

Слишком много виделось измены,
Слез и мук, кто ждал их, кто не хочет.

. . . . .
Но и все ж вовек благословенны
На земле сиреневые ночи.

* * *

Глупое сердце, не бойся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участия...
Глупое сердце, не бойся!

Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь.
Лале склонясь на шальвары,
Я под чадрую укроюсь.
Глупое сердце, не бойся!

Все мы порою как дети,
Часто смеемся и плачем:
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
Глупое сердце, не бойся!
Счастье искал повсюду!

Многие видел я страны
Только удел желанный
Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бейся!

Жизнь не совсем обманула.
Новой напьемся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь, на коленях у милой.
Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бейся!

* * *

Голубая да веселая страна.
Честь моя за песню продана.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Слышишь, роза клонится и гнется —
Эта песня в сердце отзовется.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Ты ребенок — в этом спора нет,
Да и я ведь разве не поэт?
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Дорогая Гелия, прости.
Много роз бывает на пути,
Много роз склоняется и гнется,
Но одна лишь сердцем улыбнется.

Улыбнемся вместе — ты и я
За такие милые края.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Голубая да веселая страна.
Пусть вся жизнь моя за песню продана,
Но за Гелию в тенях ветвей
Обнимает розу соловей.

КАПИТАН ЗЕМЛИ

Еще никто
Не управлял планетой,
И никому
Не пелась песнь моя.
Лишь только он,
С рукой своей воздетой,
Сказал, что мир —
Единая семья.

Не обольщен я
Гимнами герою,
Не трепещу
Кровопроводом жил.
Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.

Не то что мы,
Которым все так
Близко, —
Впадают в диво
И слоны,
Как скромный мальчик
Из Симбирска
Стал рулевым
Своей страны.

Средь рева волн
В своей расчистке
Слегка суров
И нежно мил,

Он много мыслил
По-марксистски,
Совсем по-ленински
Творил.

Нет!
Это не разгулье Стеньки!
Не пугачевский
Бунт и трон!
Он никого не ставил
К стенке.
Все делал
Лишь людской закон.

Он в разуме,
Отваги полный,
Лишь только прилегал
К рулю,
Чтобы об мыс
Дробились волны,
Простор давая
Кораблю.

Он — рулевой
И капитан.
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия — его
Матросы.

Не трусь,
Кто к морю не привык:
Они за лучшие
Обеты
Зажгут,
Сойдя на материк,
Путеводительные светы.

Тогда поэт
Другой судьбы,
И уж не я,

А он меж вами
Споет вам песню
В честь борьбы
Другими,
Новыми словами.

Он скажет:
«Только тот пловец,
Кто, закалив
В бореньях душу,
Открыл для мира, наконец,
Никем не виданную
Сушу».

ВОСПОМИНАНИЕ

Теперь октябрь не тот,
Не тот октябрь теперь.
В стране, где свищет непогода,
Ревел и выл
Октябрь, как зверь,
Октябрь семнадцатого года.
Я помню жуткий
Снежный день.
Его я видел мутным взглядом.
Железная витала тень
Над омраченным Петроградом
Уже все чуяли грозу,
Уже все знали что-то,
Знали,
Что не напрасно, зная, везут
Солдаты черепах из стали.
Рассыпались...
Уселись в ряд...
У публики дрожат поджилки...
И кто-то вдруг сорвал плакат
Со стен трусливой учредилки.
И началось...
Метнулись взоры,
Войной гражданской горя,
И дымом пламенной «Авроры»

Взошла железная заря.
Свершилась участь роковая,
И над страной под вопли «матов»
Взметнулась надпись огневая:
«Совет Рабочих Депутатов»

МОЙ ПУТЬ

Жизнь входит в берега.
Села давнишний житель,
Я вспоминаю то,
Что видел я в краю.
Стихи мои,
Спокойно расскажите
Про жизнь мою.

Изба крестьянская.
Хомутный запах дегтя.
Божница старая,
Лампады кроткий свет.
Как хорошо,
Что я сберег те
Все ощущения детских лет,

Под окнами
Костер метели белой.
Мне девять лет.
Лежанка, бабка, кот...
И бабка что-то грустное,
Степное пела,
Норой зевая
И крестя свой рот.

Метель ревела.
Под оконцем
Как будто бы плясали мертвецы,
Тогда империя
Вела войну с японцем,
И всем далекие
Мерещились кресты,

Тогда не знал я
Черных дел России.
Не знал, зачем
И почему война.
Рязанские поля,
Где мужики косили,
Где сеяли свой хлеб,
Была моя страна.

Я помню только то,
Что мужики роптали,
Бранились в черта,
В бога и в царя.
Но им в ответ
Лишь улыбались дали
Да наша жидкая
Лимонная заря.

Тогда впервые
С рифмой я схлестнулся.
От сонма чувств
Вскружилась голова.
И я сказал:
Коль этот зуд проснулся,
Всю душу выплещу в слова.

Года далекие,
Теперь вы, как в тумане.
И помню, дед мне
С грустью говорил:
«Пустое дело...
Ну, а если тянет —
Пиши про рожь,
Но больше про кобыл».

Тогда в мозгу,
Влечением к музе сжато,
Текли мечтанья
В тайной тишине,
Что буду я
Известным и богатым
И будет памятник
Стоять в Рязани мне.

В пятнадцать лет
Влюбил я до печенок
И сладко думал,
Лишь уединюсь,
Что я на этой
Лучшей из девчонок,
Достигнув возраста, женюсь.

. . . . .

Года текли,
Года меняют лица.—
Другой на них
Ложится свет.
Мечтатель сельский —
Я в столице
Стал первокласснейший поэт.

И, заболев
Писательскою скукой,
Пошел скитаться я
Средь разных стран,
Не веря встречам,
Не томясь разлукой,
Считая мир весь за обман.

Тогда я понял,
Что такое Русь.
Я понял, что такое слава.
И потому мне
В душу грусть
Вошла, как горькая отрава.

На кой мне черт,
Что я поэт!..
И без меня в недостатке дряни.
Пуускай я сдохну.
Только...
Нет,
Не ставьте памятник в Рязани!

Россия... Царщина...
Тоска...
И снисходительность дворянства.

Ну, что ж!
Так принимай, Москва,
Отчаянное хулиганство.

Посмотрим —
Кто кого возьмет!
И вот в стихах моих
Забила
В салонный вылощенный
Сброд
Мочой рязанская кобыла.

Не нравится?
Да, вы правы —
Привычка к Лориган
И к розам...
Но этот хлеб,
Что жрете вы, —
Ведь мы его того-с...
Навозом...

Еще прошли года.
В годах такое было,
О чем в словах
Всего не рассказать:
На смену царщине
С величественной силой
Рабочая предстала рать.

Устав таскаться
По чужим пределам,
Вернулся я
В родимый дом.
Зеленокосая,
В юбочке белой
Стоит береза над прудом.

Уж и береза!
Чудная... А груди...
Таких грудей
У женщин не найдешь.
С полей, обрызганные солнцем
Люди

Везут навстречу мне
В телегах рожь.

Им не узнать меня,
Я им прохожий.
Но вот проходит
Баба, не взглянув.
Какой-то ток
Невыразимой дрожи
Я чувствую во всю спину.

Ужель она?
Ужели не узнала?
Ну и пускай,
Пускай себе пройдет...
И без меня ей
Горечи немало —
Недаром лег
Страдальчески так рот.

По вечерам,
Надвинув ниже кепи,
Чтобы не выдать
Холода очей, —
Хожу смотреть я
Скошенные степи
И слушать,
Как звенит ручей.

Ну что же?
Молодость прошла!
Пора приняться мне
За дело,
Чтоб озорливая душа
Уже по-зрелому запела.

И пусть иная жизнь села
Меня наполнит
Новой силой,
Как раньше
К славе привела
Родная русская кобыла.

СОБАКЕ КАЧАЛОВА

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись.
Пойми со мной хоть самое простое.
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такую милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, среди твоих гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку,
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват.

* * *

Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя, поле безбрежное,
Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляню.
Слоено тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Все спокойно впивает грудь.
Стой, душа, мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели.
Что случилось, что случилось в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было,
Только жаль на тридцатом году —
Слишком мало я в юности требовал,
Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорви-голова!

ПИСЬМО К СЕСТРЕ

О Дельвиге писал наш Александр,
О черепе выласкивал он
Строки.
Такой прекрасный и такой далекий,
Но все же близкий,
Как цветущий сад!

Привет, сестра!
Привет, привет!
Крестьянин я иль не крестьянин?
Ну, как теперь ухаживает дед
За вишнями у нас, в Рязани?

Ах, эти вишни!
Ты их не забыла?
И сколько было у отца хлопот,
Чтоб наша тощая
И рыжая кобыла
Выдерживала плугом корнеплод.

Отцу картофель нужен.
Нам был нужен сад.
И сад губили.
Да, губили, душка!
Об этом знает мокрая подушка
Немножко... Семь
Иль восемь лет назад.

Я помню праздник,
Звонкий праздник мая.
Цвела черемуха,
Цвела сирень.
И, каждую березку обнимая,
Я был пьяней,
Чем синий день.

Березки!
Девушки-березки!
Их не любить лишь может тот,
Кто даже в ласковом подростке
Предугадать не может плод.

Сестра! Сестра!
Друзей так в жизни мало!
Как и на всех,
На мне лежит печать...
Коль сердце нежное твое
Устало,
Заставь его забыть и замолчать...

Ты Сашу знаешь,
Саша был хороший.
И Лермонтов
Был Саше по плечу.
Но болен я..
Сиреновой порошей
Теперь лишь только
Душу излечу.

Мне жаль тебя.
Останешься одна,
А я готов дойти
Хоть до дуэли.
«Блажен, кто не допил до дна»¹
И не дослушал глас свирели.
Но сад наш!..
Сад...
Ведь и по нем весной
Пройдут твои
Заласканные дети,
О!
Пусть они
Помянут невпопад,
Что жили...

Чудаки на свете.

* * *

Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.

В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие шторы
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.

---

¹ Слова *Пушкина* (Прим. автора).

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге...
В этот вечер вся жизнь мне мила,
Как приятная память о друге.

Сад польшет, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова «милый».

Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не смогу пожелать,
Все, как есть, без конца принимая.

Принимаю — приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и отрада...
Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.

* * *

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин, —
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

* * *

Каждый труд благослови, удача!
Рыбаку — чтоб с рыбой невода,
Пахарю — чтоб плуг его и кляча
Доставали хлеба на года.

Воду пьют из кружек и стаканов,
Из кувшинок также можно пить —
Там, где омут розовых туманов
Не устанет берег золотить.

Хорошо лежать в траве зеленой
И, впиваясь в прозрачную гладь,
Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный,
На себе, уставшем, вспоминать.

Коростели свищут... коростели...
Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опростели
Под веселой ношею труда.

Только я забыл, что я — крестьянин,
И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный, я ль не странен
Дорогим мне пашням и лесам,

Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над болотом,
В душу плачут чибис и кулик.

* * *

Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебежась,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать,
И земля милей мне с каждым днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.

Коль гореть — так уж гореть сгорая,
И недаром в липовую цветь
Вынул я кольцо у попугая —
Знак того, что вместе нам сгореть.

То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,
И теперь, когда грустит шарманка,
Не могу не думать, не робеть.

В голове болотный бродит омут,
И на сердце изморозь и мгла:
Может быть, кому-нибудь другому
Ты его со смехом отдала?

Может быть, целуясь до рассвета,
Он тебя расспрашивает сам,
Как смешного, глупого поэта
Привела ты к чувственным стихам.

Ну, и что ж! Пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.

Я иду долиной. На затылке кепи.
В лайковой перчатке смуглая рука.
Далеко сияют розовые степи,
Широко синее тихая река.

Я — беспечный парень. Ничего не надо.
Только б слушать песни—сердцем подпевать,
Только бы струилась легкая прохлада,
Только б не сгибалась молодая стать.

Выйду за дорогу, выйду под откосы, —
Сколько там нарядных мужиков и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то свищут косы.
«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль не слаб?»

На земле милее. Полно плавать в небо.
Как ты любишь долы, так бы труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был?
Размахнись косою, покажи свой пыл».

Ах, перо не грабли, ах, коса не ручка—
Но косою выводят строчки хоть куда.
Под весенним солнцем, под весенней тучкой
Их читают люди всякие года.

К черту я снимаю свой костюм английский.
Что же, дайте косу, я вам покажу —
Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу?

Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.
Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные строчки,
Чтобы их читали лошадь и баран.

В этих строчках—песня, в этих строчках —слово,
Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая корова,
Отдавая плату теплым молоком.

* * *

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

* * *

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос,
Нерадостно и нелегко мне
Покинуть тебя привелось.

Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.

Я помню, ты мне говорила :
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».

Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.

И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть,
С другой вспоминает тебя.

* * *

Море голосов воробьиных.
Ночь, а как будто ясно,
Так ведь всегда прекрасно.
Ночь, а как будто ясно,
И на устах невинных
Море голосов воробьиных.

Ах, у луны такое
Светит — хоть кинься в воду.
Я не хочу покоя
В синюю эту погоду.
Ах, у луны такое
Светит — хоть кинься в воду.

Милая, ты ли? та ли?
Эти уста не устали.
Эти уста, как в струях,
Жизнь утолят в поцелуях.
Милая, ты ли? та ли?
Розы ль мне то нашептали?

Сам я не знаю, что будет.
Близко, а, может, гдей-то
Плачет веселая флейта.
В тихом вечернем гуде

Чту я за лилии груди.
Плачет веселая флейта,
Сам я не знаю, что будет.

* * *

Гори, звезда моя, не падай,
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.

Ты светишь августом и рожью
И наполняешь тишь полей
Такой рыдалистою дрожью
Неотлетевших журавлей.

И, голову вздымая выше,
Не то за рощей — за холмом
Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом.

И золотеющая осень.
В березах убавляя сок,
За всех, кого любил и бросил,
Листовою плачет на песок.

Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.

Погаснет ласковое пламя,
И сердце превратится в прах.
Друзья поставят серый камень
С веселой надписью в стихах.

Но, погребальной грусти внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак.

* * *

Жизнь — обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.

Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потревожь,
Жизнь — обман, но и она порою
Украшает радостями ложь.

Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе»,

Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь — стезя.
Пусть обманут легкие подруги,
Пусть изменят легкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным словом,
Пусть острее бритвы злой язык, —
Я живу давно на все готовым,
Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклись,
Кем я жил — забыли про меня.

Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за все благодарю.

* * *

Листья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и глух.

Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой друг?

С отягченными веками
Я смотрю и смотрю на луну.
Вот опять петухи кукарекнули
В обосененную тишину.

Предрассветное. Синее. Раннее.
И летающих звезд благодать.
Загадать бы какое желание,
Да не знаю, чего пожелать.

Что желать под житейскою ношею,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.

Чтоб с глазами она васильковыми
Только мне —
Не кому-нибудь —
И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь.

Чтоб под эту белую лунностью,
Принимая счастливый удел,
Я над песней не таял, не млея
И с чужою веселою юностью
О своей никогда не жалел.

* * *

Над окошком месяц. Под окошком ветер,
Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий —
И такой родимый, и такой далекий.

Плачет и смеется песня лиховая.
Где ты, моя липа, липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.

А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу.

* * *

Сестре Шуре

Я красивых таких не видел,
Только, знаешь, в душе затаю
Не в плохой, а хорошей обиде —
Повторяешь ты юность мою.

Ты — мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.
Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную теребя?

Запоешь ты, а мне любимо,
Исцеляй меня детским сном.
Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?

Что поет теперь мать за куделью?
Я навеки покинул село.
Только знаю — багряной метелью
Нам листвы на крыльцо намело.

Знаю, то, что о нас с тобой вместе
Вместо ласки и вместо слез
У ворот, как о сгибшей невесте,
Тихо воеет покинутый пес.

Но и все ж возвращаться не надо,
Потому и достался не в срок,
Как любовь, как печаль и отрада,
Твой красивый рязанский платок.

* * *

Сестре Шуре

В этом мире я только прохожий,
Ты махни мне веселой рукой.
У осеннего месяца тоже
Свет ласкающий, тихий такой.

В первый раз я от месяца греюсь,
В первый раз от прохлады согрет,
И опять и живу и надеюсь
На любовь, которой уж нет.

Это сделала наша равнинность,
Посоленная белью пеока,
И измятая чья-то невинность,
И кому-то родная тоска.

Потому и навеки не скрою,
Что любить не отдельно, не врозь —
Нам одну любовью с тобою
Эту родину привелось.

* * *

Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся,
Хорошо с любимой в поле затеряться.

Ветерок веселый робок и застенчив,
По равнине голой катится бубенчик.

Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланый!
Где-то на поляне клен танцует пьяный.

Мы к нему подъедем, спросим — что такое?
И станцуем вместе под тальянку трое.

* * *

Снежная замять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.

Мчится на тройке чужая младость.
Где мое счастье? Где моя радость?

Все укатилось под вихрем бойким
Вот на такой же бешеной тройке.

* * *

Вечером синим, вечером лунным,
Был я когда-то красивым и юным.

Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече... мимо...

Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!

* * *

Не криви улыбку, руки беребя,
Я люблю другую, только не тебя.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо —
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу все равно —
Просто захотелось заглянуть в окно.

* * *

Плачет метель, как цыганская скрипка,
Милая девушка, злая улыбка,
Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не надо.

Так мы далеки и так не схожи,—
Ты молодая, а я все прожил.
Юношам счастье, а мне лишь память
Снежную ночью в лихую замять.

Я не заласкан — буря мне скрипка.
Сердце метелит твоя улыбка.

* * *

Ах, метель такая, просто черт возьми.
Забивает крышу белыми гвоздями.
Только мне не страшно, и в моей судьбе
Непутевым сердцем я прибит к тебе.

* * *

Снежная равнина, белая луна.
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?

* * *

Свищет ветер, серебряный ветер,
В шелковом шелесте снежного шума,
В первый раз я в себе заметил —
Так я еще никогда не думал.

Пусть на окошках гнилая сырость,
Я не жалею, и я не печален.
Мне все равно эта жизнь полюбилась,
Так полюбилась, как будто вначале.

Взглянет ли женщина с тихой улыбкой —
Я уж взволнован. Какие плечи!
Тройка ль проскачет дорогой зыбкой —
Я уже в ней и скачу далече.

О мое счастье и все удачи,
Счастье людское землей любимо.
Тот, кто хоть раз на земле заплачет,
Значит, удача промчалась мимо.

Жить нужно легче, жить нужно проще,
Все принимая, что есть на свете.
Вот почему, обалдев, над рощей
Свищет ветер, серебряный ветер.

* * *

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.

Эх, вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец — крестьянин,
Ну, а я — крестьянский сын.

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынъ и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.

Эх, гармошка, смерть-отрава,
Знать, с того под этот вой
Не одна лихая слава
Пропадала трын-травой.

* * *

Цветы мне говорят — прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.

Любимая, ну что ж! Ну, что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь,
Как ласку новую, приемлю.

И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо,—
Я говорю на каждый миг,
Что все на свете повторимо.

Не все ль равно — придет другой,
Печаль ушедшего не сгложет,
Оставленной, но дорогой
Пришедший лучше песню сложит.

И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне,
Как о цветке неповторимом.

* * *

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всю зеленным.

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

* * *

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти млеешь,
Мне на плечи руки опустив.

Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я — они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полужакрыты очи
И ты думаешь о ком-нибудь другом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспыльчивая связь, —
Как случайно встретился с тобою,
Улыбнись, спокойно разойдясь.

Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только не горевших не мани.

И, когда с другим по переулку
Ты пройдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогулку,
И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер!»
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь,—
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

* * *

Может, поздно, может, слишком рано,
И о чем не думал много лет,
Походить я стал на Дон-Жуана,
Как заправский ветреный поэт.

Что случилось? Что со мною случилось?
Каждый день я у других колен.
Каждый день к себе теряю жалость,
Не смиряясь с горечью измен.

Я всегда хотел, чтоб сердце меньше
Билось в чувствах нежных и простых,
Что ж ищу в очах я этих женщин —
Легкодумных, лживых и пустых?

Удержи меня, мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой.
На душе — холодное кипенье
И сирени шелест голубой.

На душе лимонный свет заката,
И все то же слышно сквозь туман,—
За свободу в чувствах есть расплата,
Принимай же вызов, Дон-Жуан!

И, спокойно вызов принимая,
Вижу я, что мне одно и то ж—
Чтить метель за синий цветень мая,
Звать любовью чувственную дрожь.

Так случилось, так со мною стало,
И с того у многих я колен,
Чтобы вечно счастье улыбалось,
Не смиряясь с горечью измен.

* * *

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле,
Эту жизнь прожил я словно кстати,
Заодно с другими на земле.

И с тобой целуюсь по привычке,
Потому что многих целовал,
И, как будто зажигая спички,
Говорю любовные слова.

«Дорогая», «милая», «навек»,
А в душе всегда одно и то ж,
Если тронуть страсти в человеке,
То, конечно, правды не найдешь,

Оттого душе моей не жестко
Не желать, не требовать огня,
Ты, моя ходячая березка,
Создана для многих и меня.

Но, всегда ища себе родную
И томясь в неласковом плену,
Я тебя нисколько не ревную,
Я тебя нисколько не кляню.

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле,
И тебя любил я только кстати,
Заодно с другими на земле.

* * *

До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди.

Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки и слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

ПАВЕЛ АРСКИЙ

ВОССТАНИЕ

Мы воздвигали пирамиды,
Мы создавали города...
Вы наши слезы и обиды
Не замечали никогда.

Вы роскошь всю купили кровью
Рабов, измученных трудом,
Служивших высшему сословию,
Века стонавших под ярмом...

Вы радость пили полной чашей,
Вы были счастливы всегда.
Вино, цветы — все это нашей
Добыто каторгой труда.

Мы бриллианты вам гранили
Мы лили бронзу и металл,
В земные недра уходили
Туда, где мрак нас ожидал.

Вы жгли себя в угаре пьяном.
Но вихрь могучий налетел,
И гибель он принес тиранам,
Настал безумию предел.

Мы, как стихия, грозно встали
Из царства хаоса и тьмы...
Недаром мы века страдали
Под гнетом пыток и тюрьмы.

Довольно слез и унижений.
Нет больше рабства и цепей.
Свободны будут поколения
От тирании палачей...

О нет! Мы долго не забудем
Века бесправья и тоски...
Мы вас к покорности принудим,
Возьмем в железные тиски.

Еще в борьбе промчатся годы,
Но мы сильны. Мы победим.
От царства солнечной свободы
Ключ золотой не отдадим!

ВСТРЕЧА ЛЕНИНА

Что это? Бури
Громовой раскат?
Рушится небо?
Гремит водопад?

Нет! Это радости
Шумный прибой —
Ленин приехал,
Любимый, родной.

Он на чужбине
В изгнании жил,
Пламенным сердцем
Россию любил!

Верил в могучий
И славный народ.
Ленин на площадь
С улыбкой идет!

Видит он старых
И верных друзей,
Слышит он крики
Ста тысяч людей.

Вот он, всем близкий,
Веселый, простой!
Вот он, как молнии
Свет грозовой.

Чей броневик
У вокзала стоит?
Кто это громкую
Речь говорит?

Ленин любимый,
Владимир Ильич.
Гвардии красной
Бросает он клич:

Встать на защиту
Рабочей судьбы,
Встать на дорогу
Великой борьбы.

Слушайте, люди,
Милльоны сердец.
Ленина слово —
Горячий свинец!

Ленина слово —
Звонящая медь, —
Этому слову
В столетьях греметь!

Ленина слово —
Набат вечевой.
Слушай, Россия,
Народ трудовой.

Слушай, великая
Родина-мать,
Цепи стальные
Пора расковать!

Встаньте, заводы,
В огне баррикад,
Ленин приехал
В родной Петроград.

Ленину верности
Клятву даем —
К солнцу свободы
Мы смело пойдем.

Красное знамя
Свободы, труда
В грозных боях
Не сдадим никогда!

РАССВЕТ

Россия восстала,
Свободы рассвет!
Империя пала,
Империи нет.

Орлы золотые —
Эмблемы царей,
Солдаты родные,
Сжигайте скорей!

Не будет неволи,
Не будет раба,
Орлиную волю
Несет нам борьба.

Солдат и рабочий —
Мы братья, друзья!
В безмолвные ночи
Уйти нам нельзя!

Пусть солнце бессонно
И ночью и днем
На наших знаменах
Пылает огнем.

Нам встретятся беды,
Нелегок наш путь,
Мы к солнцу победы
Пойдем!
Не забудь!

Люби, друг, свободу!
Ей славу поем —
На долгие годы
Мы счастье куем!

Россия восстала,
Свободы рассвет!
Империя пала,
Империи нет.

СЛАВА ГЕРОЯМ

Армия Красная!
Поступь свободная,
Лица веселые,
Радостный взгляд,
Вера глубокая
В счастье народное,
Песни, как светлые
Гимны, звенят.

Сила могучая,
Гордая, властная,
Кто перед нею
В бою устоит?
Сила народная,
Армия Красная,
Разве врагов она
Не сокрушит?

Армия Красная!
Море шумливое,
Смелых восторгов
Живой океан,
Юное племя
Стихийно-бурливое,
Огненной лавы
Кипучий вулкан.

Синие дали,
Просторы безбрежные
К солнцу победы
Героев зовут,
Их батальоны,
Как волны мятежные,
Вражьему стану
Погибель несут!

С радостным сердцем,
С душой просветленною,
Словно на праздник,
Стремятся в поход.
Их не забудет
Страна обновленная,
Слава бессмертная,
Слава их ждет!

ПЕРЕКОП

Перекоп в тумане,
Перекоп в огне.
Кто на поле брани
Скачет на коне?

Фрунзе? Ворошилов?
Путь войны не прост!
Мы обрушим силы
На Чонгарский мост,

Грозные колонны
За Турецкий вал
Потекут, как волны,
Знак Буденный дал!

Не спасутся орды
Под стальным огнем,
В Севастополь гордо,
С песней мы войдем.

Ой ты, оборона,
Белый Перекоп,
Врангеля барона
Мы уложим в гроб!

Он слуга Антанты,
Он лихой палач:
Мы рассеем банды
Что несутся вскачь!

Перекоп в тумане,
Перекоп в огне.
Над веками грянет
Гром победных дней.

БУДЕНОВКА

Наган и сабля на стене —
Товарищи в боях, —
А рядом дремлет в полусне
Буденовка моя.

Ей снятся звонкие года
Сражений и побед.
Усатый снится командарм,
Гармонь и лунный свет.

Под звуки маршей, с песней шла
Не раз она в поход.
Немало рек переплыла
И перешла болот.

Она прошла тифы, сыпняк,
Знаком ей смех и плач,
Ее расстреливал беляк,
Деникинский палач.

Ее ласкал не раз туман
И запах ковыля.
Бесстрашно шла на вражий стан,
Буденовка моя.

Ее пронизывал и газ
И дым пороховой.
На штурмы шла она не раз,
На приступ боевой.

Не раз на перевалах гор
Она, как мак, цвела,
Не раз в ночи несла дозор,
Не раз в плену была.

Не раз видала и тюрьму.
Для всех врагов страшна,
А кто сдружился с ней, тому
Она была верна.

И если враг пойдет на нас
И взвихрит пыль в полях,
Мне вновь послужит в грозный час
Буденовка моя!

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

РАБОЧИЙ

Мускулы тяжести просят,
Я от труда не устал,
Руки не раз еще бросят
Молот на красный металл!

Сила огнем Коллектива
В теле моем зажжена,
Плещутся в сердце бурливо
Радости струи вина.

С детства под песню машины
Бурю в душе я растил:
Мстительный клекот орлиный
Творческий вихрь разбудил.

Вешние песни приносят
Бури стремительный вал...
Руки не раз еще бросят
Молот на красный металл!

* * *

Пролетарским поэтам

Радуюсь взлетам ваших исканий,
Гимнам любви знойных сердец!
Каждый прошел пытку страданий,
Каждый — борец.

С вами я радость полным бокалом
Пью и горю вашей мечтой,
Жажда борьбы в сердце усталом
Гасит покой.

Ваша семья меня приютила,
Песни труда — душу зажгли...
Снова в груди вспенилась сила,
Сны расцвели.

Молодость ценна. Песней сердечной
Встречу я вашу дружбу ко мне, —
Пусть наши души плаваются вечно
В ярком огне.

* * *

Стальное имя мир зажгло
И просквозило мрак и тени;
Гроза на красное крыло
То имя вывесила: Л Е Н И Н.

Громом орудий
Просторы вспенены,
Спаяны груди
Именем Ленина.
Время настало ныне
Рушить твердыни
Лжи мировой, —
В бой!
Гроза растет везде, везде.
Нет в мире мертвого покоя,
Где люди высохли в труде,
Там блещет имя огневое,
Громом орудий

Просторы вспенены,
Спаяны груди
Именем Ленина.
Время настало ныне
Рушить твердыни
Лжи мировой, —
В бой!

Уже текут со всех сторон
Народы на призывы грома,..
Потомки не забудут звон
Стального имени наркома.

Громом орудий
Просторы вспенены,
Спаяны груди
Именем Ленина.
Время настало ныне
Рушить твердыни
Лжи мировой, —
В бой!

МЫ

На смуглые ладони площадей
Мы каждый день расплескиваем души;
Мы каждый день выходим солнце слушать
На смуглые ладони площадей...

Что горячее: солнце или кровь?
Оно и мы стоим на вечной страже,
Но срок придет, и мы друг другу скажем,
Что горячее — солнце или кровь...

Мы пьем вино из доменных печей,
У горнов страсти наши закаляем,
Мы, умирая, снова воскресаем,
Чтоб пить вино из доменных печей...

У наших девушек бездонные глаза,
В голубизну их сотни солнц вместятся,
Они ни тьмы, ни блеска не боятся, —
У наших девушек бездонные глаза...

На смуглые ладони площадей
Мы каждый день расплескиваем души;
Мы каждый день выходим солнце слушать
На смуглые ладони площадей...

НА РАБФАКЕ

Голова переполнена кладью,
Перегрузишь — сорвется назад.
А у Тони поблескивают радугой
Большие, лесные глаза.

Нет, сегодня работать не сможется —
Голова нагружалась с утра;
И кивает ей ласковой рожницей
Со стены ее маленький брат.

В серой комнате пятеро, пятеро...
Тяжело так работать и жить, —
Ведь хочется вспомнить о матери,
О пьяном запахе ржи...

Не уйдет, подождет «финансовый»...
Разве памятью убежишь
От далекой, затерянной станции,
От плетней и соломенных крыш?

И частенько, разбитая, дряблая,
Не успеет за книгу засесть —
Осыпается белая яблоня
Под соловьиную песнь.

Но уже отвыкает от слабости, —
Город стер тишину деревень,
И клокочущим счастьем и радостью
Тоня новый встречает день.

Потому под тяжелою кладью
(Когда больше вместить нельзя)
У Тони поблескивают радугой
Большие, лесные глаза.

МИХАИЛ ГЕРАСИМОВ

* * *

Мы всё возьмем, мы все познаем,
Пронизаем глубину до дна.
Как золотым, цветущим маем
Душа весенняя пьяна!

Нет меры гордому дерзанью:
Мы— Вагнер, Винчи, Тициан.
Мы новому музею-зданию
Воздвигнем купол, как Монблан.

В кристаллах мрамора Анжело
И всё, чем дивен был Парнас,
Не то ли творческое пело,
Что током пробегает в нас?

Воспитывали орхидеи,
Качали колыбели роз;
Не мы ли были в Иудее,
Когда любви учил Христос?

Мы клали камни Парфенона
И исполинских пирамид,
Всех сфинксов, храмов, пантеонов
Звенящий высекли гранит.

Не нам ли на горе Синая,
В неопалимой купине,
Как солнце, Красный стяг, сияя,
Явился в буре и огне?

Мы всё возьмем, мы все познаем,
Пронижем неба бирюзу.
Как сладко пить цветущим маем
Животворящую грозу!

* * *

Мы победим, клокочет сила
В нас — пролетариях всех стран,
Веками скрыто, что бурлило,
Воспламенилось, как вулкан.

Мы, огнемечущая Этна,
Сорвали пыльный шлак оков.
Душа рабочая, бессмертна,
Воскресла из гробниц веков.

Зарей крылатою одеты,
Мы в небо дерзостно взлетим,
Громокипящею кометой
Прорежем млечные пути.

Космические миллионы,
Вонзимся в старый мир Стожар,
В созвездьях белых Ориона
Взвихрим восстания пожар.

Мы проведем на кратер лунный
Стальные стрелы красных рельс,
В лучисто-млечные лагуны
Вонзится наш победный рейс.

Мы рук мозолистых спаяньем
Меридианы облегли,
Солнц электрических сияньем
Полярность неба обожгли.

Взрастили под Полярным кругом
Цветущих тропиков леса,
И стали благодатным югом
Растопленные полюса.

Воздвигнем на каналах Марса
Дворец Свободы Мировой,
Там будет башня Карла Маркса
Сиять, как гейзер огневой.

Мы победим ударом взрыва
Рабочей армии всех стран.
Мы — вихрь невиданного взрыва —
Воспламенились, как вулкан!

НИКОЛАЙ ПОЛЕТАЕВ

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Знамен кровавых колыханье
На бледно-синих небесах,
Их слов серебряных блистанье
В холодных и косых лучах,

Рядов сплоченных шаг размерный
И строгость бледно-серых лиц,
И в высоте неимоверной
Гудение железных птиц.

Не торжество, не ликование,
Не смехом брызжущий восторг,
Во всем холодное сознание,
Железный, непреложный долг.

* * *

Разлохматились, взвились метели
На родимой моей стороне,
Заревели, завыли, запели,
Заметались в синем огне.

И слетелись в костер необъятный,
Пламенеющий снегом костер,
Он горящие синие пятна
В беспредельный бросает простор.

Вихри, вихри, носитесь, крутитесь!
Ледените, палите меня,
Синим пламенем мир охватите,
В беспредельности снегом звеня.

Сквозь огонь синезвонных метелей
Вижу: крест мой зареет с горы.
Звонче, звонче звените, метели,—
Вдалеке загорелись миры.

В СОКОЛЬНИКАХ

Посвящаю А.

Я помню беленькое платье,
Подснежник в темных волосах
И нежных, крепких рук пожатье,
И круг туманится в глазах.

Я помню: это было в мае,
Когда кружила карусель;
Зеленой тенью обнимая,
С гулянья увела нас ель.

И ты внезапно побледнела,
Зазеленела ель в глазах;
А шаловливый зайчик белый
Запрыгал в темных волосах.

И вот опять я вижу ели
И глаз колодезную муть.
И нет весеннего веселья,
Нельзя прошедшего вернуть.

Жива ли ты теперь, не знаю,
И не найду в лесу ту ель,
Лишь помню: это было в мае,
Когда звенела карусель,

* * *

Эй, солнышко, здорово будь!
К тебе на помощь вышел,
И мне ведь хочется блеснуть
Лопатой с крыши.

Увязли в каше сапоги,
К тебе сушиться лезу.
Ой-ой, да ты тут пироги,
Знать, жарить по железу.

А сколько малых поварят
Варят для птичек кашу
На мостовой. Да так горят,
Помойных склянок краше.

Эй, солнышко, на фронт труда,
По голубому своду — выше!
Пусть пляшет пьяная вода,
Сбегая опрометью с крыши.

* * *

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,

Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль нерасторжимы.
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать непостижимый,
Века пронизывающий взгляд?

СЕРГЕЙ ОБРАДОВИЧ

ЗАВОД

1

Зловещим скованный покосом,
Покинутый в тревожный год,
Грозя потухшею трубою,
Сталелитейный стих завод.

В тумане дней осенних брошен,
Застыл, подслушивая, как
Ноябрь, промокший и продрогший,
Бродяжничал на площадях;

Как настороженной походкой
Подкрадывался враг во мгле...
Манометр цепенел над топкой
На холодеющем нуле.

Лишь тишь машин, заводской глушью
Прожаживаясь не спеша,
Будили стуком колотушек
Полуночные сторожа.

Зимою вьюга, снежным комом
В забытые ходы стуча,
Рвала приказы военкома
С морщинистого кирпича.

Стоял суровый, многотумный,
Судьбе покорный, нем и глух...
Все чаще над станком бесшумным
Стальные сети вил паук...

2

И вот однажды, в день весенний.
Запоры сбросила рука,
И вновь в стремительном движенье
Могучий вал маховика.

Войною, голодом и мором
Был обесилен, мертв завод, —
По всем цехам гудят моторы,
Дым из трубы под небосвод.

Завыла вьюга в пылкой пасти;
На полный ход прокатный стан,
Над ним ликует старый мастер —
Красногвардеец-партизан.

Железные дрожат стропила,
Был с каждым взмахом крепче взмах,
Неугасимой властной силы
Пылал огонь у нас в сердцах.

Смерть презирая, в стужу, в голод
Мы отстояли край родной
В боях под знаменем, где молот
И серп — наш символ трудовой.

Раскованный рукою жаркой,
Завод, сжигая немощь лет,
Встал, торжествующий и яркий,
Весенним солнцем на земле...

АПРЕЛЬ

Сердце в шумном хороводе,
В сердце — песен пышный хмель,
Улицею дымной бродит
В нашем городе Апрель.

Лишь весенним переливом
Прозвучит зарей гудок —
Торопливо, прихотливо
К маю рядит городок.

У крыльца цветы раскинул,
Птицей в вышине звеня;
Взвил шутя художу тыну
Молодые зеленыя...

Лишь зарею тихоструйной
Улыбнется поутру —
Все на помощь: ветер буйный
Чешет косы дымных труб,

Целый день с метлой лучистой
Солнце — сторож у ворот —
Над струею серебристой
За работою поет.

По карнизу нижет бусы
Голосистая Капель...
Синеглазый, кудрерусый,
Бродит городом Апрель.

ЛЮБОВЬ

Встретились. Шуршала травами
Ткань в станке сквозь гул и мглу.
Незабудками лукавыми
Цвел электромотор в углу.

К рычагу склоненная, усталая,
Вздрогнула запыленная бровь.

Видели: в чаду затрепетала
Светлой горлинкой любовь.

Только —
Каждый встречный взгляд насмешкою,
Каждый шепот — плетью вслед:
— Глупый! Над мгновеньями не мешкай,
На земле любви и счастья нет!..

Но взревели гневом камни города,
Горечью позора и обид,
И под песнь солдатскую похода
Стих завод, покинут и забыт.

Были дни:
От холода и голода
Трепетные прятали слова.
Был за каждым уходящим годом
След дымящийся кровав.

Ржавчиной сочилась по окраинам
Скорбь заводская, и тлела новь.
В схватках счет теряли дням и ранам,
Берегли винтовку и любовь.

И когда родился сын и кротко
Миру посмотрел в глаза,
Знали мы:
Тяжелою походкою
И над ним прошла гроза.

В ПОЛНОЧЬ ОСЕНЬЮ...

В полночь осенью мать родила.
Пьян отец был — и пел и плакал.
Повитуха едва добрела
Пустырем средь кромешного мрака.

Заворочался сонный дом:
Был мой крик торжествующе звонок.
Говорят — смеялись жильцы с отцом,
Как срывал я тряпье пеленок.

Не качали ручки полей
Не от солнца я, не от бора;
Как запыленный воробей,
Билась жизнь моя под забором.

И на жизнь мою, — одинок,
Недоверчив, всегда наготове, —
Под помойкою чертополох
Хмурил злые, лохматые брови.

Надо мною темнел небосклон
И склонялись бродяги-тучи...
Я в осеннюю полночь рожден
Петь о солнце весны цветущей...

УЗЛОВАЯ

Деятнадцатый год. Степь. Снега.
Небо и землю смешала пурга.

Над оголтелой степной пургой
Огромным гробом элеватор глож.
В снегах на станции Узловой
Рельсы сцепились узлом дорог.

Волчьим воем выли гудки, —
Забиты составами тупики.

Все щели обшарив, пурга под уклон
В бездорожье поземкой — прочь.
Лязгал завьюженный эшелон,
Поблескивая топкой в ночь.

А в черный оскал вагонов — порой
Вспышки зарниц за Узловой,

Все яростней взлеты ракет во мрак,
Гул орудийный вдали умолк,—
К сердцу Республики рвался враг,
Шел в контратаку Шахтерский полк...

Беженцы. Вповалку мешки, узлы...
Лохмотья. В лохмотьях, из полумглы

Тифозный бред: — Помоги... браток!..
Кто-то молил: — Хлеба кусок!
Кто-то крича, понукал коня,
Задыхаясь, полз из глухого огня...

Комендантская. Комендант. За окном
Вьюга металась взбешенным псом.

Вьюга — прочь, в бездорожье взвесь...
Стол: телеграммы, письма, приказ,
И над письмом жены из Москвы —
Лютая боль воспаленных глаз.

Любую бы перенес маету,
Но это... это невмоготу.

Желтая оплывала свеча,
Меркнул над бледной строкою свет,
«Сыну на саван — рубаху с плеча...
Последний ломоть лебеды на обед...»

Степь. Ночь. Снега. Мрак.
К сердцу Республики рвался враг...

Над оголтелой степной пургой
Огромным гробом элеватор глох.
В снегах на станции Узловой
Рельсы сцепились узлом дорог.

За Узловой, беженцам вслед,—
Вспышки тревожных близких ракет...

Комендант на посту: хрипом депеш
Изнемогал аппарат,
Был на гул депеш — лишь метели мятеж.

Паровозов ржавый парад...
Полк отступал,— штык, взор
И последний патрон — в упор.

Только не знали поля, звеня,
Что есть поколение крепче кремня:
В погибель его не втоптать беде,
Голоду, мору, вражьей орде,—

Лишь взор острее насторожен,
И новый в дороге в бой эшелон...

И, вьюжную муть поутру расхлестав
Песней районов, заводов, застав,—
Лава за лавой, взвивая клинки,
Пошли ворошиловские полки.

1924

Россия... Как в тысячелетье былом,
Завьюженный мир обычен,
Над полем пустынным
На бойню, на слом
Шли тучи упрямо, по-бычьим...

Но день побледнел, потемнел и стих,
И мгла подступила слепая;
Неистовый вихрь
На дороге настиг,
В сугробах за гробом рыдая.

За гробом шагали,
Плечо к плечу,
Как на труднейший приступ;
На знамени траур не скрыть кумачу,
Слезу не скрыть коммунисту...

Над Красною площадью тишина,—
Такого не знали безмолвья.
Тогда, затаив дыханье,

Страна
Поникла у изголовья.

И пять ночей и дней трепетал
Прощания марш лебединый,
Он под ноги падал, взлетал и стихал
У гроба, где скульптор изнемогал
Над обессиленной глиной.

Пришли делегаты издалека.
Колонны кругом темнели.
Он был неподвижен,
Как будто слегка
Прилег утомленный Ленин.

Как будто бы вслушивается в бой,
Решительный и последний,
И в мощный железобетонный прибой,
Индустрии шаг победный,

Где реки и дебри бредут на порог,
В потемках лучина светит...

Он встал над миром,
На грани эпох,
На грани тысячелетий...

Не смерть, а бессмертье,
И не тишина,
А клятва народа в безмолвье.
Тогда, затаив дыханье, страна
Стояла у изголовья.

Склонялось над гробом знамя, дымясь
Походом еще небывалым,
И орден сиял на груди,
И я
Под знаменем шел от заставы.

И руку текстильщицы сжал металлист,
Сказал рудокоп сурово:
— Свершим заветы твои, Ильич,
В том родине нашей слово!..

ЯБЛОКО

Антоновка зреет,
И грузно навис
Над листопадом осенний анис.

Сентябрь наливается синью крутой;
Тревожный, он рыщет и свищет синицей,
И яблоко девичьей рдеет щекой,
Такой же тревогой томится...

Скатилось солнце за косогор.
Сбор кончен.
Шумит у совхоза костер.

На плечи яблонь — косынкою дым...
Но бродит и бродит девчонка по саду,
Нахмурая над сердцем своим молодым:
Нет с трепетным, с пламенным сладу...

Всему есть срок,
И над всем есть власть,
И яблоку в срок предназначено пасть.

От мира не скроешь, не затаишь
Бессонные ночи, припухшие губы.
И вот он приходит, ломая тишь,
Желанный, и ласково-грубый.

Про «яблочко» у совхоза поют.
И рушится
Девичий тихий уют.

Он жаркие плечи ее раскрыл,
Замолк, одинок, у костра запевала.
Лишь слышал месяц, седой сторожил,
Как яблоко с яблони пало.

ВАСИЛИЙ КАЗИН

РАБОЧИЙ МАЙ

Стучу, стучу я молотком,
Верчу, верчу трубу на ломе,—
И отговаривается гром
И в воздухе, и в каждом доме.

Кусаю ножницами я
Железа жесткую краюшку,
И ловит подо мной струя
За стружкой другую стружку.

А на дворе-то после стуж
Такая же кипит починка.
Ой, сколько, сколько майских луж —
Обрезков голубого цинка!

Как громко по трубе капель
Постукивает молоточком,
Какая звончатая трель
Гремит по ведрам и по бочкам!

РУБАНОК

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.

Ой, вейтесь, осыпайтесь на пол
Вы, кудри русые, с доски!
Ах, вас не мед ли где закапал:
Как вы душисты, как сладки!

О, помнишь ли, рубанок, с нами
Она прощалася спеша,
Потряхивая кудрями
И пышно стружками шурша?

Я в то мгновенье острой мукой
Глубоко сердце занозил
И после тихою разлукой
Тебя глубоко запыллил.

И вот сегодня шум свиданья —
И ты, кудрявясь второпях,
Взвиваешь теплые воспоминанья
О тех возлюбленных кудрях.

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком,

КАМЕНЩИК

В. Александровскому

Бреду я домой на Пресню,
Сочится усталость в плечах,
А фартук красную песню
Потемкам поет о кирпичах.

Поет он, как выше, выше
Я с ношей красной лез,
Казалось — до самой крыши
До синей крыши небес.

Глаза каруселью кружило,
Туманился ветра клич.
Утро — тоже взносило,
Вносило красный кирпич.

Бреду я домой на Пресню,
Сочится усталость в плечах,
А фартук красную песню
Потемкам поет о кирпичах.

ДЯДЯ ИЛИ СОЛНЦЕ?

Цветут глаза, и слух и дух цветет, впивая
От каждой твари сочный, пестрый звон,
Но кто родней — мой дядя ли Семен
Сергеевич иль это солнце мая?

Он очень мил, мой дядюшка, портняжка
Сердечный, вечный самогонки друг,
Зимой и летом пышущий так тяжело,
Что позавидует утюг.

Он шумный пьяница, но великолепен
Теплыню искренней его нелепый шум:
То вкусной руганью ослепит,
То взбрызнет шуточки изюм.

И как чудесны дядюшкины руки,
Когда, жалея мой влюбленный пыл,
Он мне так ревностно разглаживает брюки,
Чтоб я глазам любимой угодил.

И этих рук сердечное движенье
Ложится родинкой в моей груди,
Вдруг — солнце! Солнышко... Звени, гуди,
Малиновое сердцебиенье!

Сочится солнце с картуза,
Стучится искрами в глаза,
И веселится солнце мая,
Красней бубнового туза,
Страстней гармоники играя.
Струится, брызжется весной,
И по губам и по карманам
Струится праздником румяным,
И я глотаю сочный зной...
Ах, дядюшка, скажи, родной,—
Не то ли солнце стало мной,
Не то ли сам я — солнцем пьяным?
Как много жизни бьет в груди!
Ах, дядюшка, хоть отцеди
На следующее поколение!
Звени, звени, гуди, гуди,
Малиновое сердцебиенье!

Цветут глаза, и слух и дух цветет, впивая
От каждой твари сочный, пестрый звон.
Но кто родней — мой дядя ли Семен
Сергеевич иль это солнце мая?

ГАРМОНИСТ

Было тихо. Было видно дворнику,
Как улегся ветер под забор
И позевывал... И вдруг с гармоникой
Гармонист вошел во двор.

Вскинул на плечо ремень гармоники
И, рассыпав сердце по ладам,
Грянул — и на подоконниках
Все цветы поплыли по лугам.

Закачались здания кирпичные,
Далью, далью опьянясь,
Ягодами земляничными
Стала сладко бредить грязь.

Высыпал народ на подоконники —
И помчался каждый, бодр и бос,
Под трезвонами гармоники
По студеному раздолью рос.

Почтальон пришел и, зачарованный,
Пробежав глазами адреса,
Увидал, что письма адресованы
Только нивам да лесам.

ПЕСЕНКА

Ветер начал. Я ему попутно
Подтянул случайным голоском,
Солнышко втянулось,— и уютно
Мы запели песенку втроем.

Ветер заливался голосом быстрым,
Я его старался слить со мной,
Солнышко рассыпало звончатые искры,
Увлекало песенку весной.

Шли и пели, пели по дороге,
Пели трое о сердечном, о своем,
И у каждого таяли, таяли тревоги,—
Потому что песенку пели втроем.

* * *

Не потому ль к любви вселенской
Ревниво льну стихом своим,
Что не любим любовью женской,
Любовью женской не любим?

Не жду под вечер шума платья,
А зашумит издалека —
Я жду не женского объятья,
А встречной ласки ветерка.

И, тронут этой лаской встречной,
Я рад, что веет ветерок,
Что и без ласки человеческой
Не одинок, не одинок.

И легче мне без ласки женской,
Когда почую с ветерком,
Что всею вечностью вселенской
Я к жизни вызван и влеком.

И, полон силы вдохновенной,
Я чую сквозь ночную муть,
Что грудь вселенной, грудь вселенной
Ко мне склоняется на грудь.

И чую вышнее объятье,
И вышний трепет чувств моих,
И это вышнее зачатие
Тебя, тебя, мой милый стих.

Не потому ль к любви вселенской
Ревниво льну стихом своим,
Что не любим любовью женской,
Любовью женской не любим?

ЦЫГАНСКАЯ ВЕНГЕРКА

Висли руки с кислой скуки...
Вдруг — и дзинь! — гитары звук,—
И пошел под выстуки, под стуки
Словно пьянствовать каблук.

Вот пустился шибко-шибко,
Вот и вздрогнула рука,
Вот и вспрыгнула улыбка
На ладони с каблука.

Шибче и шибче — и в трепете весеннем
Выстуки, и вычки, и вытопы горят.
Миг — и посыпался, забился по коленям
Хлестких ладоней звончатый град.

Больше, больше звончатого града!
Эх, раз, еще раз!
Вихри лихих, оглушительных радуг
Начал вычеканивать пьяный пляс.

Начал вычеканивать и, оторопью встрепан,
Начал вбрасывать и в жар и в озноб,
Вот и — в задоре стремительного топа —

Ладонями, ладонями и в рот и в лоб.
Еще бы подзадорить, и все пошло б
Всполохом безумья... И вдруг — стоп!..
Мертвое мгновенье — и потоп
Огромным восторгом взъяренного хлопа.

* * *

Привычка к спичке — искорка привычки
К светилам истинным. Но спичка мне любя
Не менее — и потому любя,
Что чую я обличий переключки,
Что чую: в маленьком обличье спички
Таится мира пестрая судьба.

Чирк! — и зарумянится
Скрытница огня,
Солнышка племянница,
Солнышка родня.
Деревянным запахом
Полыхнет лесам,
Улыбнется фабрикам,
Дальним корпусам.

Случается: бреду в ночном тумане,
Бреду в тумане дико одинок.
И, как ребенок, вспомнивший о маме,
Я просияю и взлучусь лесами,
Лесами, корпусами, небесами,
А небеса и сами
Взлучатся дальними мирами —
Когда нечаянно в кармане
Чуть гроыхнет неполный коробок.

БАЙДАРСКИЕ ВОРОТА

Автомобиль рванул — и за спиной
С полусемейной флотской стариной,
Отбитый пылью, скрылся Севастополь...
И взор — нетерпеливою струной:
Скорей бы море вскинуло волной,
Чтоб осрамить пред пышною страной
Всей оглушительною вышиной
И кипарис и тополь!
Летим — и словно Крым зачах,
Летим — и, словно в обручах,
Мы в кряжах кружим ожиданье:
Да скоро ль прянет воли качанье?
Летим — и прямо на плечах
Громады скал... Коснись — и трах!
Летим, поддразнивая страх,
То под горами, то на горах,—
И хоть бы моря дальнее мерцанье!
Уже готово Крыму порицанье...
Летим, летим... Резвится пыльный прах...
Летим, летим — и впопыхах
В пролет ворот и — ой! и — ах!
Ах! — и в распахнутых глазах
Пространств блистательный размах,
Пространств морское восклицанье!

ГРИГОРИЙ САННИКОВ

ВЕСЕННЕЕ

Весна. Струится ветер тонкий,
Над городом кричат грачи,
О, как под вечер в шуме звонком
Устали в мастерской ткачи!

И я устал за тканьем тканей,
Уж мне домой пора, пора.
С тоскою непонятно тайной
Станок оставил до утра.

Иду, а по дороге талой
Поет о вечере ручей,
И вспоминается устало
Мне песнь весенняя ткачей.

И тянется мой взор за грани,
И синь небес он жадно пьет,
А вечер розовые ткани
Так радостно в лазури ткет,

СЕЛЬСКАЯ КУЗНИЦА

Кукует в кузнице кукушка,
Выстукивая по станку
Такую бойкую частушку:
«Ку-ку, ку-ку».

Лучится утро чистой сталью,
Звенит и вторит молотку,
И над проселочною далью
Ликует гулкое «ку-ку».

Кудрявится вдали опушка
Кустами кучными в шелку,
Кукует в кузнице кукушка:
«Ку-ку, ку-ку».

* * *

Опустели сады и виноградники,
Сняты с фруктовых деревьев плоды,
Собран тугой виноград,
Собран и выжат,
И люди, устало хмелея,
Пьют молодое вино.

Кончились пляски, замолкли песни,
Девушки реже собираются в круг,
Глуше веселье,
Томительней встречи,
И в опустелом саду
Жалобно стонет зурна.

* * *

В том краю, где зреют мандарины,
Где так сладок запах миндаля,
Наклоня тонкие вершины,
Обо мне тоскуют тополя.

В том краю, где много винограда,
Где весна, как лето, горяча,
Соловьи и розы в гуще сада
Обо мне вздыхают по ночам.

Лишь она не подает ответа
И в латунной лунности ночей
Не грустит, должно быть, в это лето
О любви восторженной моей.

Иль с другим она, моя Марина,
Забывает, мучаясь, меня.
А в долине зреют мандарины,
И так сладок запах миндаля.

* * *

В невеселом городе Тавризе
Где сады, сады, сады,
Полюбил я лирику Хафиза
И простую мудрость Саади.

По базарам шумным я толкался,
На коврах курил ли в чайхане,
Саади седой со мной встречался,
За кальяном улыбался мне.

И о чем-то издавна понятном
Говорил мне добрый Саади:
— Не горюй, мой друг, о невозвратном,
Радуйся тому, что впереди!

И пьянился чистый дым кальяна,
Слышно было, как века текли.
Осыпались розы Гюлистана
И еще роскошнее цвели.

А когда кругом синели крыши,
Затихал базарами Тавриз,
Мнилось мне, листву садов колыша,
Звал свою любимую Хафиз.

И всю ночь в сплошном самозабвенье
Преданные розам соловьи
Бульканьем, и щелканьем, и пеньем
Сыпали признания свои.

В невеселом городе Тавризе,
Где сады, сады, сады,
Полюбил я лирику Хафиза
И простую мудрость Саади.

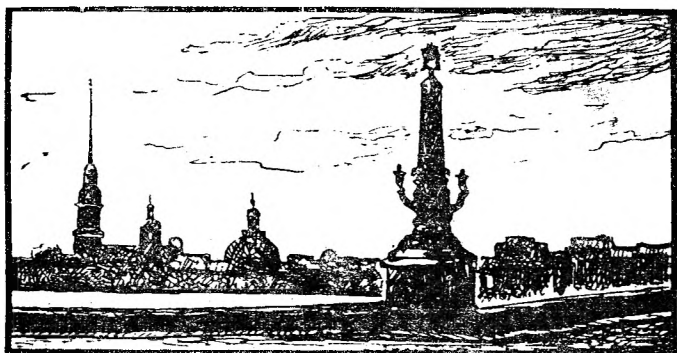
СЛУШАЙ, ПЕРСИЯ!

Слушай, Персия, Персия, Персия,
Незнакомая, чужая сторона.
Для тебя спою новые песни я
Горячее и крепче вина.

Я тебе расскажу, красавица,
Только ты не хитри, не клянись
Красота твоя очень славится,
Но ни к черту негодна жизнь.

Ты поешь о садах и гуриях,
Как и тысячу лет назад.
А народ твой в неволе хмурится,
Никаким твоим песням не рад...

Слушай, Персия, Персия, Персия,
Ты на северный свет оглянись.
И по-нашему крепкая, дружная
Начинай перекраивать жизнь.

ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВ

МЫ

Мы несметные, грозные легионы Труда.
Мы победители пространства морей, океанов и суши,
Светом искусственных солнц мы зажгли города,
Пожаром восстаний горят наши гордые души.

Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты»,
Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Мы сбросили тяжесть наследья гнетущего,
Обескровленной мудрости мы отвергли химеры;
Девушки в светлом царстве Грядущего
Будут прекрасней Милосской Венеры...

Слезы иссякли в очах наших, нежность убита,
Позабыли мы запахи трав и весенних цветов.
Полюбили мы силу паров и мощь динамита,
Пень сирен и движение колес и валов...

Подобно утесам, вы встали, титаны,
На страже коммуны, на страже свобод
У врат лучезарных, где вязью багряной
Сверкает бессмертный Семнадцатый год.

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песня поэта, вам слава веков!

* * *

Флаг кумачовый на скудном шесте
Грубая надпись: «Вся власть Советам!»,
Но каждое сердце в палящей мечте,
И знамя горит мировым рассветом.

Топот тяжелый натруженных ног,
Серые блузы, кепи да блузы,
Но крепче железа рабочие узы,—
Каждый изведаль из сотни дорог
Только одну: суму да острог.

Взоры упорны, упрямы лица,
Прямо с заводов, прямо с работы —
В сытую роскошь праздной столицы.
В пышный проспект мишуры, позолоты.

Встревоженный Невский привстал на дыбы,
Знамя маячит знаком судьбы...

Прыгнули нервно стекляшки лорнетов:
Что там? «Светы... долой кадетов»...
В струйках фиалок — звериная злость:
На фонари бы черную кость...

Шляпы, пенсне, золотые погоны,
Шепот струится: «Вот они, вот,
Большевики, дезертиры, шпионы...
Что же по ним не строчит пулемет?»

В жирных мозгах шевелится, должно быть,
Греза: на белом коне генерал.
Только бесплодна и греза и злоба —
Вот надвигается огненный шквал.

Флаг кумачовый на скудном шесте,
Поступь упруга, не гнутся колени.
Каждое сердце в пальцеей мечте
Лелеет весеннее слово «Ленин».

НА РОДИНЕ

Тихий мир дремучих преданий,
Золстое приволье полей,
Колокольчик в вечернем тумане
И колдующий шепот ночей.
Выйдешь в поле, и взор цепенеет...
У зеленой, заглохшей межи
Материнскою ласкою веет
От душистых разливов ржи.
Грезы ль детства с игрою, покосами
Или юности сон золотой:
Вдруг пахнёт ароматными росами,
И звенит и поет за рекой.
Окликает знакомым голосом
Тишина перелесков глухих,
А в душе, как в высоком колосе,
Наливается солнечный стих.

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

ПОКУРИМ, ЧТО ЛИ?

Эй, дни-денечки —
Тарелка с ягодами.
Ядри вашу паренечки,
На полянах девки,
Жаворонки-певки,
Женатый с женой,
Хлебушко ржаной.
Ешь!
Пей!
Гуляй!
Взвесели поля!
Кончили работу — раз.
Отдохнуть желаем — два.
В полное удовольствие — три.
Раз.
Два.
Три.
Плюнь да разотри.
Гармонист, думай.
Приглашаю!
На берегу — свечерочки.

С подружками лужайки.
Звенят дни-денечки,
Песни-проводжайки.
Приглашаю.
Ожидаю вашей воли.
Гармонь! Махорочка! Пенечки!
Девки, паренечки!
Эх! Покурим, что ли?

ВЕЧЕР НА КАМЕ

*А. П. Радомской-Спиридоновой.
Мои стихи в ваших устах — пою-
щие птицы.*

Кто-то грустинный, когда всколыхнет
Туманно — руками —
Это крыльями вечер дохнет,
Вечер на Каме.
И странной покажется близость прибрежная,
Синяя дымь за кустами,
И станет вдруг Кама светло безмятежная,
Устанет устами.
Перекликнутся чайки, и утки протянут,
Кóростель чуть заскрипит,
Где-то цветенья дневные завянут,
И тайна свой смысл укрепит.
Притихнет — приляжет — пригреется ласка
На берегу у костра рыбака,
Вечерняя просто расскажется сказка
Какого-нибудь чудака.
А позже, едва промелькнет голубение
От глаз пролетевшей совы,
Почудится ясным найти сновидение
В гостях у травы.
И будет раздольное сердце в сиянии
Слитно с веками —
С вечерним течением в звездном сиянии —
Вечер на Каме.

СЛОВА И СЛОВА

Зимний вечер синеюще-белый,
Будто как у любимой боа.
А я парень застенчивый, кроткий, несмелый,
Ей пою — и слова — и слова.

Весь талант мой — моя гибкостройность
Из напевных и творческих слов
И моя небовая покорность
Перед Чудом чарующих снов.

Мой талант — мое детское сердце —
Солнцевейное сердце стихов.
Мое счастье и крест страстотерпца,
Посох мой — у друзей-пастухов.

Зимний вечер синеюще-белый,
Будто как у любимой боа.
А я парень застенчивый, кроткий, несмелый,
Ей пою — и слова — и слова.

Весь талант мой — из слов симфонический
Перезвонный к сердцам карнавал.
Кубок мой навсегда фантастический
Я навеки в словах пировал.

Зимний вечер пушистый и хрусткий,
И скользит и блестит санный путь;
Полумесяц, лимонный и узкий,
Собирается в звездную муть.

Мой талант футуриста-Поэта —
Удивлять вознесением слов,
Жизнь пройдет — пронесется комета,
И останется тайна основ.

И останется тайна томлений,
Песнянных легенд волшебства,
Да останется рыцарский гений
Для любви, для мечты — божества.

Зимний вечер синеюще-белый,
Будто как у любимой боа.
А я парень застенчивый, кроткий, несмелый,
Ей пою опьяненно слова.

НАСЛЕДСТВО РЖАВОЕ

На утроутесе устья Камы
Серебропарчевой —
Чья раздолится отчаянная голова?
А стой и слушай:
Это я в рубахе кумачовой
Распеваю песни, засучив рукава.
На четыре вольностороны,
Чаятся чайки.
Воронятся вороны.
Солнится солнце.
Заятся зайки.
По воде на солнцепути
Веселится душа
И разгульнодень
Деннится невтерпеж.
Смотри и смей,
За поясом кистень
Из Жигулей.
За голенищем нож —
Ржавое наследство
Стеньки Разина.

ПОЮ

*Эленьке Григорьевой — приезжай
на Каменку летовать.*

По тропинке по утрянке,
По росистым зеленым,
Босиком бежит зарянка
В красном, белом к деревням.

Я ведь тоже парень мудрый,
Двухсердешный. И стою
На тропинке, солнцекудрый,
И ору, кричу, пою:
Коли чуют сердцем песни —
Отзовись, невестница, —
Для тебя цветет чудесник —
Будь моей, чудесница!
Вот и всё.
И лестница.

КОСАРСКАЯ

*Пете. Мы еще с тобой покосим на
Каменке.*

Утровые травы косятся
Косарями по росе,
Песни алые разносятся
О девической красе.

Ветки, сквозью излученные,
Манят в сетчатую сень,
Встретить души разлученные,
Расцветить звучально день,

Пусть огромный мир покажется
Детским в запахе травы —
Всё неясное расскажется
У журчальной бор-горы.

И эх ты, жизнь наша косарская —
Из веселья в грусть!
Доля — воля красноярская,
Луговая Русь.

ГРУСТИННИЦА

*А. Коонен — Вашей пластической
солнцеейности.*

О, не грусти, грустинница,
У грустного окна, —
В небе льет вестинница,
Весенится луна.
Цветут дороги бросные,
Качаются для гроз —
Твои ресницы росные
Венчаются для слез.
А росы в мае майные
В ветвинностях близки,
Желанья неутайные
Девинности тоски.
Пойми покой томительный
В мерцании огней —
Вино свирели длительно
Перед лампадой дней.
В твою ли девью келию
Мне, грешному, войти —
Ведь все равно к веселию
Мне не найти пути.
О, не грусти, грустинница, —
Я тоже одинок.
Томись и спи, невинница:
Жених твой грустноок.

КАТОРЖНАЯ

Лесная падь зовет:
Ой, зачем покинул!
Сибирские лишайники и мхи
Тоскуют:
Ой, зачем покинул!
Синей дымью задержулась тайга:
Ой, зачем покинул!

Вывороченные пни
Во рвах колоды
Почернели:
Ой, зачем покинул!
Таежные дороги
След твой ищут:
Ой, зачем покинул!
И девушка, дочь кузнеца,
Из рудников грустит:
Ой, зачем покинул!
Байкал нахмурился —
На берегу большого нет костра:
Ой, зачем покинул!
Березки вдруг собрались —
Из слез скопили озеро:
Ой, зачем покинул!
С болью пою за покинутых
Эту песню тебе:
Ой, зачем покинул!
Знаю, ты вернешься к Земле,
Сам заплачешь:
Ой, зачем покинул!
Когда, осиротелый, пойдешь
Искать потерянную душу,
Зайди за мной,—
В горах, в лесу сосновом
Домик мой.
(Старый филин на
Сушине по ночам
Ворчит:
Ой, зачем покинул!)

ЧУДО-РЕСПУБЛИКА — РОССИЯ

Настало заветное:
На улицах публика,
Флаги как маки горят.
И я рвусь.

Да строится новая Русь,
Человеческая Чудо-Республика.

Я, весенний, кую
И весенне пою:
Звени, весенняя Россия,
Цвети, венчальная страна,
Цвети, встречальная свобода,
Звени, звучальная струна.

Как ярко-радостные дети,
Мы все ликуем и зовем,
И торжествуем марсельезно,
И революцию куюм.

Мы стали вдруг навек друзьями,
И каждый волен и здоров,
И каждый творчески настроен,
Семья одна — единый кров.

Какое счастье быть Поэтом,
И сердцем чуют солнцевсход,
И слышать, как цветет расцветом
Освобожденный наш Народ.

Какое счастье быть Поэтом
И гражданином в эти дни,
Когда на улицах приветом
Горят рубинами огни.

Живи, Народ. И песни пой,
И грудь открой заставой.
Краснознаменную Судьбу
Покрой на счастье славой.

Ведь настало заветное:
На улицах публика,
Флаги как маки горят,
И я рвусь.
Да строится новая Русь —
Человеческая Чудо-Республика.

ВСТРЕЧАЙТЕ УТРО РЕВОЛЮЦИИ

Встречайте приветно друг друга улыбками,
Сердцем венчайте цветы,
Расцветно мечтайте над детскими зыбками,
Где на розовых лентах сияют кресты.
Будьте поэтами дней неустальными
И утренними в крови,
Бросайте от сердца словами хрустальными
В сердце любви.
Летайте привольными звонкими птицами,
Вейте гнезда на розах зарéни,
Весенними, ясными, юными лицами
Улыбайтесь в сирени.
Пойте, как солнце, стихами лучистыми,
Колокольте днями веселий,
Звоните, играйте ребятами чистыми,
Живите для новоселий.
Какое раздолье сердцу нечаянно
Чудесные встретить напоры,
Революцию славьте раскатно, отчаянно —
Пускай удивляются горы.

ПЕСНЯ РАБОЧИХ

Мускулы у нас — железные,
Сок — жизнедатной лóзы.
Работнички полезные,
Мы строим паровозы.

И видим результат труда —
Стального интереса,—
Как превращается руда
В двигатель прогресса.

Мы очарованы борьбой:
Социализм воочию,
Завоевали всей гурьбой
Затеюшку рабочую.

На, возьми! Борцы ядреные
Не боялись злой угрозы,—
А теперь навек мудреные
Строим паровозы.

Солнцем души серебра,
Наши силы льются:
Паровозы Октября
Гоним Революции.
Дашь работу! По «НОТу»!

ИЛЬЯ САДОФЬЕВ

ЮНОШАМ

*«... Здравствуй, племя
младое...»*

А. Пушкин

Из подполья, из неволи
К жизни новой, к свету, к воле,
Вдаль, вперед,
Смело, дружно молодая,
Боевая
Рать идет.

Как поток горячей лавы,
Как заря рабочей славы —
Величавы,
Деловиты,
Как властители событий,
Безупречные борцы
И творцы —
Жизни новой, человеческой,
Яркой, радостной навечно.
Им проложен путь лучистый,

Верный,
Ленинский,
Просторный.
А печальный и тернистый
Путь рабов
Взорван мужеством борцов,
Их отцов.

И разрушен строй позорный,
Строй насилья,
Строй оков,
Строй глумленья,
Угнетенья
Ненавистный строй,—
Чтоб шагало в ногу время
По дороге трудовой!

И под знаменем свободы
Всех земных пространств народы
Молодое встретят племя,
Как победы светлый праздник,
Воплощенную мечту,
Жизнь без мук и без боязни —
Коммунизма красоту.

СОМКНЕМ РЯДЫ ТЕСНЕЕ

Товарищ верный был вместе с нами...
И вот... внезапно... Не верю! Нет!
Но капли крови горят огнями,
И обнаружен убийцы след...

Но слез бессилья мы не пророним,
Нет, не пророним мы никогда!
В суровой битве голов не склоним,
Сомкнем теснее ряды труда.

Презренный, черный наемник вражий
Мечтал ослабить рабочий класс,—
Но мы бессмертны. Сраженный каждый
В движенье к цели — бессмертен в нас.

В ответ на выстрел — сигнал тревоги,
И битвы ярость, и блеск огней,—
Пойдем сплоченней по всем дорогам
К сиянью мирных грядущих дней...

Порукой жизни свободной, новой
И наша клятва и наш обет:
Быть беспощадней в борьбе суровой,
Назад к былому — возврата нет!

И выше, выше знамена наши
Борьбы великой, правдивых дел!

Вперед, к победе! Ведь каждый павший
Незримо с нами — и юн и смел.

МУЖЕСТВО

Кольцом войны окружена
Моя советская страна...

Горизонт кровав и черен,
Озверелый враг упорен.

В бурях классовой войны
Мускулы моей страны
Мужеством напряжены...

Но теперь в борьбе жестокой
Мы уже не одиноки:
За кордонами, морями —
Стачек гул, восстаний пламя,
Гневный, смелый в битву топот...
Пролетарии Европы —
С нами!

Кому к победе путь короче?
Творцам республики рабочей!
Кому к погибели короче?
Белогвардейской своре волчьей.

Злобе вражеской ответом
Голос Армии Труда —
Создана Страна Советов
Навсегда!

Ты народам угнетенным —
Знамя жизни и свободы,
За тебя в боях колонны
От полей и от заводов.

Вражья рать тревожно воеет,
Завтра гибельно затрубит...
Это наше трудовое,
Наше племя боевое
Вековое рабство рубит!

ПИСЬМО С ФРОНТА

О, не жди внезапной встречи,
Сердце радостью обманет...
Кто уйдет от грозной сечи —
Радость рабством искалечит,
Счастье в бездну камнем канет.

Враг, лютуя, рвет и мечет,
Словно чувствуя заране,
Что ему хвалиться нечем,
Что его в кровавой сечи
Гибель черная настанет.

Я ушел в тревожный вечер,
Сердце грустью не изранив.
Так не жди внезапной встречи,
Я приду от грозной сечи —
В день победы, утром ранним.

ГОЛОС ЧЕЛОВЕЧИЙ

Ох, как тяжело было людям
Без веселой песни жить!
А душа кричала: будем
Радость-песню возносить.

В каждом сердце, в каждом теле
Много крови и огня;
Не с того ль мы захотели
Все осмыслить, все понять?

Не страшась, не отступая, —
Звонче голос! Тверже шаг! —
Чтобы чуткая, простая
Расцветала бы душа.

Кто свое почувал слово,
Слово новое в груди,
В строй встает правофланговым,
Шаг чеканит вперед!

Так пришло время выйти
Красоте правдивых слов,
Чтоб всегда была в зените
Перекличка голосов...

Дышат доменные печи,
Чтоб дышала легче грудь,
Чтобы голос человеческий
Выводил на светлый путь.

Не отрадно ли сегодня
Льются жизни голоса,
Чтобы поздний внук запомнил
Радость в дедовских глазах.

И, быть может, он почувет,
И, быть может, будет знать,
Как мы заросли корчем
И какую гатим гать...

Потому и жизнь чудесна,
Нам ли песен не любить,
Если нынче с нашей песней
Веселее людям жить!

В КУЗНИЦЕ

Наковальни, горны, пламя,
Гул молотовой,
Брызжут искры, словно ливень
Звездный золотой.
Крепко, радостно и дружно
По болванкам бьем...
Из снарядной переплавки
Плуг и серп куюм.

НАШИ ДНИ

Говорят, что когда-то неплохо
Прогремели «Динамо-стихи»,
Что промчалась геройства эпоха,
Кони времени стали тихи.

Говорят, что романтики годы
Навсегда без следа пронеслись,
На приколе у будней заводы,
Не стремится поэзия ввысь...

Не спешите злорадствовать рьяно!
Ваша злоба глупа и пошла, —
Не страны ли залечивать раны
Богатырская доблесть пошла!

Увлекательней, радостней, ярче
Клокотанье в мартенах огня.
Фронт работы! Какая ж иначе
Лучше этой романтика дня.

Разве ярость эпохи остыла?
Или плохо геройствует жизнь?!
Чем витийствовать нудно, постыло,
Шли бы лучше народу служить.

Не пытайтесь лирической грустью
На беспутье завлечь молодежь.
К черту вас, горюнов захоlustья!
Прекратите ненужный скулеж!

Конь поэзии, нрава крутого,
Ты вставал на дыбы, горячась,—
Не пора ли стальные подковы
К черноземным путям приучать.

Мы немало носились по свету
И пытались солнце поймать,—
Не пора ль по-хозяйски поэтам
Человечьей дорогой шагать!

Не пора ли за фалды с трибуны
Обмелевших «народ», и «вперед»,
И «кометы», «планеты», «буруны»,
И заумье — метлой от ворот.

А пошлятину — крупной картечью
На кривой, на обходной тропе!
И простой человеческой речью
Рассказать о великой борьбе.

Слушать пафоса голос высокий
И романтику будней в труде.
И в живом человеческом потоке
Человечье лицо разглядеть!

Чтоб шумели зеленые рощи,
Чтобы зрели посевы полей,—
Не пора ль вдохновенней и проще
Поклониться любимой земле.

Там, где скука риторикой голой,
Где стрекозами рифмы звенят,—

Соловьиною трелью глаголы
Величают героику дня!

Напрягай же упругие мышцы
И смелее по глыбам шагай!
И желанную радость отыщем,
Собирая земли урожай.

Нелегка обновленья работа,
И стратегия будней сложна,
Не случайно такие высоты
Занимает Советов Страна.

Так теперь ли уж хныкать и охать!
Ныне ль кони геройства тихи?!
И романтика нашей эпохи
Утверждающе входит в стихи.

ВЕСЕЛЫЙ МАЙ

1

Почки соком наливаются,
Потому ль вскипает кровь?
А любимый улыбается:
«К ночи окна приоткрой».

Разве можно просьбе ласковой
В вешний вечер отказать,
Не зардеться жаркой краскою,
Не глядеть в его глаза?

Ах, зачем, зачем, обманывать,
Сердцу девичьему верь:
Ставни старые не взламывай,
Я сама открою дверь...

2

Лучше б мачехе не слушать
У калитки разговор.

Ох, тревожен сон старуший:
«Не обманчив ли запор?»

И не спится, не ложится:
«Эх, унять бы девью прыть!
Долго ли беде случиться,
Если двери не закрыть?»

Кабы ей да резвы ноги,
Отучила б молодца
Топать ночью по дороге,
Ждать девчонку у крыльца.

3

Ах, как гложет одиночество
Девье сердце по весне!
Приневолишь вешней ночью спать —
Снится ласковый во сне...

Душно ночью в темной горнице,
Распахнуть бы дверь пора.
Сон — не сон и не бессонница
До рассвета, до утра...

До рассвета девка мается:
«Ах, скорей бы, поскорей!
Может, милый дожидается,
Может, здесь он, у дверей...»

4

В щели ставен солнце брызнуло,
И старуха крестит рот:
«Успокоилась, капризная...»
Девка — к окнам. Ставня взвизгнула:
«Май веселый у ворот...

Ненаглядный, дожидается...»
Сердце птахою в груди.
Злая мачеха ругается:

«Видно, хахаль там шатается?!
Эй, охальник, проходи!»

Девья кровь кипит, волнуется:
«Ах, улыбчивый какой!»
Дверь — настезь, и на улицу,
Звонким голосом красуется,
Покоряет красотой...

5

На селе поет и пляшет
В праздник молодежь:
Жизни радостней и краше
В мире не найдешь!

Ты шуми, шуми, дубрава,
Шапку наклоняй;
По селу идет кудрявый,
Наш веселый май!

Разве знала радость эту
Дедовская Русь,
Если жили с ней на свете
Оторопь да грусть.

НЕНАВИСТЬ И ЖАЛОСТЬ

«Если вспомнишь — не сердись», —
Утешала, уезжая.
Зло подумал: «Кошка, рысь,
Вкрадчивая и чужая».

Попросила рядом сесть
И обнять. И сердце сжалось...
Да, коль ненависть в нем есть,
Значит, есть любовь и жалость.

ОБИДА

Когда фиалки расцветают
И воскресает древний идол, —
Пришел веселым горностаем,
И разве я к нему не выйду!

Но почему же снег не тает
И взвыл собакой древний идол?
Одно лишь сердце только знает
Ночную женскую обиду...

ПО СЕКРЕТУ

Позову — не отзовется,
Будто кланяюсь не ей,
Загрущу — она смеется
Над любовью над моей.

А подружке у колодца
По секрету говорит:
«Для него лишь сердце бьется
От зари и до зари».

Я ЕЕ НЕ ВСТРЕТИЛ

На мою ли участь непопутный ветер,
Только и сегодня я ее не встретил...

Мокрые деревья протянули руки,
Ничего нет горше и больней разлуки.

Пронесется радость, как ее догонишь?
На чужое счастье сердца не уронишь.

Если ж человечье счастье не в почете,
То к чему ж расспросы: хорошо ль живете?

Вот и бьется сердце пуце и больнее!
Нет ее любимей, нет ее милее...

Любящему сердцу расставанье горько.
Где ж ты, моя радость, где ж ты, моя зорька?

Любишь ли кого-то, за какой-то дверью?
Ничего не знаю, ничему не верю.

Знаю только то, что я тебя не встретил,
Знаю, если б встретил, был бы сердцем
светел.

НАША МОЛОДОСТЬ

Я знаю все, не говори,
Как ярко молодость горит.

Солдатом классовой войны
Я шел и делал мир иным.

Сноровкою горяч и крут
И прост, как песня на ветру,

Сквозь грохоты военных гроз,
Как знамя, молодость пронес.

И твой характер изучал
Не на ходу, не сгоряча —

В расцвете молодых годов
На стройках новых городов.

И потому я узнаю
Судьбу счастливую твою.

И понимаю лучше всех
Твой откровенный, звонкий смех.

Года гремят, и ты цветешь,
И запах времени хорош.

И любо миру показать
Твои веселые глаза.

Растет и крепнет молодежь,
И воздух родины хорош.

И жизнь и кровь кипят ключом,
В грядущий день — плечо в плечо!

И лишь делами говори,
Как наша молодость горит.

СЛАВЛЮ МОЛОДОСТЬ

Так подойти, и петь глазами,
И сердце радостно раскрыть —
То вечной молодости знамя,
То жизни щедрые дары.

Я старость смертью заклинаю
И славлю молодость! И вновь —
Твой светлый путь благословляю,
Миродержавная любовь!

СЛАВЛЮ ТРУД

Осмыслен труд, и мужество, и верность,
Осмыслено и жизни торжество.
И созидательное мастерство
Для каждого — как воздуха потребность.

И яркость творчества проста
Правдиво видящему глазу,
Когда в основе мастерства —
И взлет фантазии и разум.

И радостно и хорошо
Сердец задорнее волнение,
И ты оправданно пришел
Свое исполнить назначенье.

Профессии равняют плечи,
И песня властно входит в быт,
Когда в работе человеческой
Он и проветрен и промыт.

О жизнь! Приветствую тебя и славлю
За точную осмысленность труда.
И прочен и прозрачен мир, когда
Уже осознан он и переплавлен,

ПЕТР ОРЕШИН

НА ПАШНЕ

Эй, пошла карюха-мать,
Дуй всю по чернозему.
С нами ль в поле совладать
Ворогу лихому!

Воля! Радуйся, душа.
Что, грачи? И вам вольготно?
Ветры вольные шуршат
Над рубахой потной.

В зорях радостного дня
Вытянулись травы.
Знаем: наши зелены
Вырастут на славу!

Полны будут закрома.
Будет, братцы, тоже?
Будут наши терема
На дворцы похожи!

Наши крылья — красный стяг.
— Стронись, богач-размыка!
Что-о? Не сдвинешь ни на шаг?
Сдвинешь, погоди-ка!

В поле песни и набат,
В поле радость золотая,
Радость, радость, радость, брат,
Лапотного края!

ПРАЗДНИК

Праздник свободной Руси
Голубем сел на ветлу.
Новую дождь моросит
Весть голубому селу.

Прошлого сердцу не жаль.
Весел гармоникаи зван.
Песню весенняя даль
Ловит в зеленый полон.

Будто родился я тут,
Вырос над хатой ветлой.
Вечер в задумчивый пруд
Глянул веселой звездой.

Новой гармоникаи лад
Ладит заливчато новь,
Месяц за вишневый сад
Выгнул выскокую бровь.

АЛЫЙ ЦВЕТ

Мы — жнецы разгульных нив,
Мы — жильцы российских хижин,
Кто из нас доселе жив,
Тот судьбою не обижен.

Толстый кнут царевых слуг,
Произвол царевой власти...
Деспот хижин и лачуг
Наше сердце рвал на части.

Ах, не батюшка ли царь
Дал казенку для разгула?
Не твоя ли, брат косарь,
Удаль в водке потонула?

Не на твой ли ветхий двор
Шли толпой осенним сроком
Поп, купчина-шкуродер,
Царь за данью и оброком?

Не тебе ль плакун-трава
Шила смертные рубахи?
Не твоя ли голова
Отживала дни на плахе?

Но довольно страшных снов,
Годы рабства миновали.
Русь свободных мужиков
Нам иные вскрыла дали.

Мы — жнецы свободных нив,
Мы — жильцы свободных хижин.
Кто из нас доселе жив,
Тот судьбою не обижен!

ПЕСНЬ СТАРОГО КОММУНАРА

Взвивайтесь, стяги, над Москвой,
Из мертвых мы воскресли.
И снова в бой, в последний бой
Выходим с красной песней!

Наш путь кровав, наш путь суров,
Но наша грудь из стали!
Из недр глубоких рудников
Мы солнце увидали.

Все к солнцу! К солнцу! Все к нему!
К одной великой цели!
С киркою, с молотом, в дыму
Мы песнь ему запели!

Но путь наш красный прегражден,
Опять хотят нас в землю!
Жестокий сон, проклятый сон:
Враги! Враги не дремлют.

Сквозь вражью тучу мы идем,
Без страха — бьем и колем!
За солнце кровь свою прольем,
Нам нечего ждать боле!

Чье солнце: наше или нет?
Оно над нашим краем!
Делить его горячий свет
С врагом — мы не желаем!

Мечтою, огненной, как стяг,
Мы землю опояшем.
Пусть враг силен, пусть мощен враг —
Но солнце будет нашим!

СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА

О. М. Орешин

Нас ли расставленный бредень
Ловит... не страшно нам!
За счастье минут последних
Полжизни тебе отдам.

Знаю: в полете не раз я
С коня невзначай сорвусь.
Где много любви и счастья.
Там, верно, таится грусть.

Можно быть очень счастливым,
Как те две больших звезды
Над сонным речным заливом,
Глядящие в синь воды.

Можно быть очень несчастным,
Но мы же счастливее той
Звезды, что совсем напрасно
Летит за своей мечтой!

ОТРАЖЕНИЕ

О. М. Орешинной

Не потому стихи напевно
Журчат в душе, не потому,
Что я из огненного плена
Бежал к подножью твоему.

Твои глаза везде и всюду:
Березка, озеро, звезда.
К устам твоим я, точно к пруду,
Приник, голодный, навсегда.

И может быть, никто не видит
Моих к тебе воздетых рук,
Когда луна из желтой меди
Вдали вычерчивает круг.

Глаза твои из складок ночи
Мне шепчут смыслы этих строф,
Навеки, может быть, упрочишь
Ты музыку моих стихов.

Пусть ветку звездную наклонит
Над нами вьюжный небосклон.
Мечта моя, в твоей ладони,
Как в зеркале, я отражен!

СОЛОВЕЙ

Меня напел весенний соловей
Из светлых, утренних, мечтательных кустов,
Чтоб стих звенел раздольней и светлей
Тех золотых прибрежных тростников.

Струится весело безоблачная песнь
Моя тенистая и светлая, как сон.
Влюбленный, я, покинув Землю днесь,
Весь выплеснусь в неуловимый звон.

Пусть одуванчиков с меня слетает звук
В безветрие родных тоскующих долин;
Какая радость мне — в разгуле красных выюг
Петь песнь мою из звездных сердцевин!

Сегодня я — светлейший ваш поэт,
Взвивайтесь радостней, качели новых дней.
Песнь — это я. В закате юных лет
Меня напел весенний соловей.

ЛЮБОВЬ

О. М. Орешинной

Ковшом серебряным из речки
Я вычерпал любовь до дна.
С березок розовых на плечи
Легла лесная тишина.

Прозрачны и хрустальны тени
Березок тонких на песке.
Люблю задумчивое пенье
В полузавядшем тростнике.

Опять целую смуглый локоть,
Блаженно пью сердечный хмель.
Не перестало сердце токать,
Не перестала петь свирель.

В твоих объятиях и ласках
Пусть серебрится голос мой,
И ткутся вымыслы и сказки
Вот в этой комнатке простой.

Струятся лунным светом речи,
Твой вздох синее, чем волна.
Ложь, ложь, что будто бы из речки
Любовь я вычерпал до дна!

В ЛЕСУ

Снегом радостным осыпан,
Я иду за те леса,
Где зари высокой глыбы
Над дорогами висят.

За плечом моим винтовка,
За спиной — котомка слов.
Знаю, знаю все сноровки
Этих мертвенных лесов.

Дует ветром и поземкой
Неразбитых белых сил.
Где-то избы песней звонкой
Синий месяц осветил.

Лес нахмурился, посыпан
Сверху ломкою хвоей.
За сосновым тяжким скрипом
Слышу голос боевой.

Сыплет иней. Бродит лихо
Тайный шорох белых сил.
— Ворог? Что ж! — винтовку тихо
Снял и быстро зарядил.

Застелю, прикрою очи,
Кину ворога я в снег,
Чтоб родился этой ночью
В мире Новый Человек!

* * *

Вы меня не таким загадали
И напрасно связали с избой.
Ураганы железа и стали
Пронеслись над моей головой.

Будет врать о любви и о боге,
И о многом и многом другом.
Не вернут нас ни кони, ни дроги
В старорусский родительский дом!

НОВАЯ СТЕПЬ

Страна родная, как ты непохожа
На свой портрет — на дедов и отцов.
Там — темный лик, полумедвежья рожа,
Тут — чистое советское лицо.

В лесах легли шоссейные дороги,
Ряды мостов бросаются в глаза.
Чудесное в душе, как брага, бродит,
И нелегко об этом рассказать!

Пойди заставь теперь степную бабу
Из поскони наткать себе рубах,
Когда все избы, исполкомы, штабы
Форсят в тугих московских кумачах.

Пойди теперь поговори о боге,
О чудотворцах сказку заведи,
Когда в любой соломенной берлоге
Свой сочинитель, свой поэт сидит.

Теперь изба не пахнет самогоном,
Сняла иконы, сбросила кресты...
В степных просторах, на полях зеленых
Деревня ищет новой красоты!

Изба томится в солнечной истоме,
Костыль дорожный, бабий сарафан.
В телеге парень едет на соломе,
А там, вверху, летит аэроплан.

Цвети, страна моя, расти и смейся.
Ты молода, прекрасна и сильна.
Не зря в лицо бойца-красноармейца
Цветы бросает каждая весна.

Земля цветет овсами, льном и рожью,
Леса оглохли от кукушек, сов...
Но, ширь степная, как ты не похожа
На свой портрет — на дедов и отцов!

ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

В. И. Ленину

Сытый город вспыхивал в тумане
Золотым прожекторным крылом.
А в Кремле, железном и стеклянном,
Заседал, как прежде, Совнарком.

Время всем зарубцевало раны,
Вечный мир и труд из года в год.
Вдруг — тревога. Снова телеграммы
Мир Москве беспроволочно шлет.

Где-то там, под Тихим океаном,
Сто китайцев под обвал легли.
И прошла тяжелым барабаном
Эта весть над головой земли.

Принял Кремль на каменные плечи
Тот неожиданный и тяжелый гром.
И над миром огненные речи,
Как и встарь, бросает Совнарком.

Совнарком сегодня не в ударе,
Каждый голос — промах и разлад.
На земном, на беспокойном шаре
В красных стягах музыки гремят.

«Где же путь? Куда уйти от брани?
Киньте лозунг или братский клич!»
И поднялся в голубом тумане
С пьедестала мраморный Ильич.

Шевельнул и бровью он и грудью,
Засиял своим огромным лбом.
И смотрели с удивленьем люди,
Как открыл он двери в Совнарком.

Сел за стол, на часики сердито
Посмотрел: уже просрочен час!
Объявил собрание открытым
И слегка прищурил правый глаз...

А наутро мир был снова строен,
Занят делом каждый человек.
И, кружась над Мраморным Героем,
Тихо падал желтый лист и снег.

ОБНОВКА

Хорошо шутить детине.
Люб молодке молодец.
И вертится на аршине
Сатинетовый конец.

— Эти шали для кого же? —
Захватило бабам дух.
— Эти тем, кто помоложе,
А вот эти — для старух!

Ситец кубовый с горохом,
И полоской, и цветком.
Чья-то нищенка со вздохом
Озирается кругом.

Горько ей, видать, и тяжко,
А за ней — малыш малой,
Перепачкал всю мордашку
Черно-красной пастилой.

День прошел. Пора делиться.
В избах гомон, хоть беги.
Затрещал советский ситец,
Заскрипели сапоги!

И до полночи по селам
Толковали о пунцах.
Ветер по полю веселый
Заплясал на бубенцах.

Снег не часто и не редко.
— Вот спасибо, милый мой! —
То сосед свою соседку
На санях подвез домой.

* * *

Мне кажется, что снова
Я молод и цветист.
Судьба моя и слово
Навеки обнялись.

Ко мне весенним звоном
Стремится зелень рощ,
И радужным поклоном
Меня встречает дождь!

* * *

Русь веселая моя,
Ягода лесная.
Только степи да поля,
Ни конца, ни края.

И леса и города
Крюются туманом.

И идут мои стада
По лесным полянам.

И шумят мои хлеба
Колосом и цветом.
Загадала мне судьба
Быть твоим поэтом.

Хороша ли ты, плоха ль,
Я не позлословлю,
Буйну голову не жаль
За родную кровлю.

Не забыть тебя вовек,
Ты всего чудесней,
Заливайся, человек,
Как слезами, песней.

По полям и по лесам
Голубеют села
И размахивают нам
Колосом тяжелым.

Милая земля моя,
Ягода лесная.
Ничего не вижу я,
Ни конца ни края!

РОДНИК

Во мне забился новый,
Совсем живой родник.
Я человечье слово
По-новому постиг.

Оно звенит и плачет
И чувствует, как грудь,
И горю и удаче
Предсказывает путь.

Оно полно томленья,
Отравы и услад,
Когда живут коренья
И листья говорят.

Оно полно тревоги,
Когда в бессонный час
Заговорят не боги,
А лишь один из нас.

Оно светло, как реки,
Как сонмы вешних рек,
Когда о человеке
Затужит человек.

И нет доверья слову,
И слово — пустоцвет,
Коль человечьим зовом
Не зазвучит поэт.

Что мне луна, и травка,
И сад прекрасных роз,
И лиственная давка
Черемух и берез!

Постиг иное слово
Я в буре наших дней:
Природа — очень ново,
Но человек новей!

СЕРЕБРЯНЫЙ БОР

Люблю в веселые морозы
Проехать по лесу верхом,
Когда обмазаны березы
Как будто мерзлым молоком.

Хорош ты в зиму на закате,
Серебряный московский бор,
Когда тебя насквозь прохватит
Морозов северных задор!

По нерушимому обету
Любви не изменю грехом.
Но кто бы не хотел по свету
Взмыть на метелице верхом!

Молчит березовое море,
Заиндевел любой вихор.
И крикнуть хочется в задоре:
Хорош ты, подмосковный бор!

Но ты редеешь с каждым годом.
Не видно множества берез.
И густо льется горьким медом
Заря вечерняя в мороз.

И жалко мне, а сердцу ясно —
Да и чего скрывать беду? —
Вас всех порубят занапрасно
Вот в этом или в том году.

А я приду опять сюда же,
Под голубую тишину,
Замечу новую пропажу —
И пожалею, и вздохну.

Лихой поземкой заструится
Над головой вечерний свет.
И иней от последней птицы
Запорошит последний след.

ЭЛЕГИЯ

Изв. Касаткину

Скоро, скоро в дальнюю дорогу
Я отправляюсь, радостями жив,
От работы поустав немного,
Ничего с собой не захватив.

Но пока я не покинул края,
Где я прожил тридцать девять лет,
Стойко буду, сторона родная,
О житейский обжигаться бред.

Полюбуюсь на твои равнины,
На разливы полноводных рек.
Все мы в жизни рубимся, как льдины,
И не долог наш рабочий век.

Оттого и хочется до боли
Наворочать кучу всяких дел,
Распахать тоскующее поле,
Чтобы колос веселей звенел.

Сколько дум навеяно холмами
И рядами неприветных изб!
Золотыми в поле журавлями
Мы не даром дружно поднялись.

Жизнь моя поблекнула в опале,
В жгучем ветре вечных голодух.
На крутом житейском перевале
Я устал и медленно потух.

Но до самой до последней пяди
И сейчас уверенно пойду,
Новой жизни, новой песни ради,
На любую тяжкую беду.

Мне не страшно засесть годами,
Я люблю веселой жизни звук.
И земли мечтающее знамя
До конца не выроню из рук!

КОМСОМОЛЬЦЫ

Они живут,
они блестят глазами,
Понятна мне
их молодости дрожь.

Мне хочется
                  цимбальными стихами
Тебя воспеть,
                  стальная молодежь!
Тобой звенят
                  и школьные скамейки,
И общежитий
                  тесные углы,
И заседанье
                  заводской ячейки,
И сельщина
                  в узорах полумглы.
Ты хороша
                  и в солнечном футболе,
И в армии
                  под проливным штыком,
За трактором
                  в советском нашем поле,
И в рудниках,
                  и за стальным станком.
Ты хороша
                  в любой олимпиаде,
Твой голос свеж,
                  как по заре роса.
Вот почему
                  на трудовом параде
Люблю я крепко
                  ваши голоса!
Отмеченные
                  комсомольским знаком,
Что украшает
                  молодости грудь,
Ведь только вы
                  с любовью и со вкусом
Способны жизнь,
                  как надо, повернуть!
У вас в руках —
                  и молодость, и свежесть,
И пыл души,
                  и лучшая весна...
А в старой гвардии —
                  ряды все реже, реже,

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

РОССИЯ

Как я любил тебя, родная,
Моя Россия, мать свобод,
Когда, под плетью изнывая,
Молчал великий твой народ.

В какой слепой и дикой вере
Ждал воскресенья твоего!
И вот всех тюрем пали двери,
Твое я вижу торжество.

Ты в праздник так же величава,
Как в рабской нищете,
Когда и честь твоя и слава
Распяты были на кресте.

О вечном мире всей вселенной,
О воле, братстве и любви
Запела ты самозабвенно
Народам, гибнущим в крови.

Как солнце всходит от востока,
Так от тебя несется весть,
Что есть конец войне жестокой,
Живая правда в людях есть.

И близок день, прекрасней рая,
Когда враги, когда друзья,
Как цепи, фронты разрывая,
Воскликнут: истина твоя!

Как я люблю тебя, Россия,
Когда над миром твой народ
Скрижали поднял огневые,
Скрижали вечные свобод.

НОЧЬ

О как больно вспомнить мне
В этой звездной тишине
Все, что было, что прошло,
Все, что сам я сделал зло.

Ничего не изменить.
Только тоненькая нить
Не дает мне ввысь уйти
С запоздалого пути.

В темноте один иду.
В чьем-то радостном саду,
За высокою стеной,
Меж деревьев шум ночной.

И доносятся едва
Незабвенные слова,
Что забыли жизнь мою:
Милый... Милая... Люблю...

ДВА ПИСЬМА

1

А. А. Г.

Прости меня, когда я грешен,
Когда преступен пред тобой,
Утешь, когда я безутешен,
Согрей улыбкой молодой.

О счастье пой, когда служу я
Твоей волшебной красоте.
В раю кружись со мной, ликуя,
И бедствуй вместе в нищете.

Делись со мной огнем, и кровью,
Мечтой, и горем, и трудом,
Одной мы скованы любовью
И под одним крестом идем.

Одна звезда над нами светит,
И наши сплетены пути,
Одной тебе на целом свете
Могу я вымолвить: «Прости!»

2

О тебе, о тебе, о тебе
Я тоскую, мое ликованье,
Самой страшной отдамся судьбе,
Только б ты позабыла страданье.

Плачет небо слезами тоски,
Звон дождя по садам пролетает,
С яблонь снегом текут лепестки,
Скорбь моя, как огонь, вырастает.

Вот она охватила сады
И зарю у озер погасила,
Оборвала лучи у звезды,
У вечерней звезды белокрылой.

Ало-черным огнем озарен,
Страшен свод. Но, смеясь и сияя,
В высоте, как спасительный сон,
Ты стоишь надо мной, дорогая.

Я к тебе из томленья, из тьмы
Простираю безумные руки.
О когда же увидимся мы
И сольемся, как в пении звуки?

* * *

Качает буря дуб кряжистый,
Ломает ветки, рвет листву;
А он стоит, старик безлистый,
С упорной думою: «Живу».

И только крепче влагу тянет,
Вбирая соль из сонных недр,
Весна хоть раз еще настанет,
Овеет раны теплый ветер.

ГОРОД НА ЗАРЕ

Молчат огромные дома
О том, что этот мир — тюрьма.

И вывески кричат о том,
Что этот мир — публичный дом,

Где продается каждый сон,
А кто не продан, тот смешон.

Железных фабрик силуэт
Кричит о том, что воли нет.

Что эти кубы из камней
Сдавили бешенство огней.

Заре запели петухи.
Порозовели стен верхи.

Не отрываясь от земли,
Качнулись в море корабли.

Вспорхнул и замер легкий шквал.
Седой газетчик пробежал,

Вонзая в сонный мозг людей
Пустые вести площадей.

Валы согбенные сплотив,
Грохочет утренний прилив.

В ущелья улиц, под дома
Бежит испуганная тьма.

И, как бушующий народ,
Из алых волн встает восход.

Милльоны огненных знамен
Вздывает в зыбь ночную он.

И, как трибун перед толпой,
С последней речью боевой,

С могучим лозунгом: «Живи!»
Выходит солнце, все в крови.

МЕТАЛЛЫ

В грозном твоём ударе,
Пролетарий,
Вспыхнул алый хоровод
Всех свобод.
Из Октябрьского мгновенья
Всем векам
Светит серп освобожденья,
Как прожектор морякам.

Голубые океаны,
Обезлюдевшие страны,
Городов бетонных гнезда —
Все к свободе валом мощным,
Валом грозным
Ввысь
С Петербургом полунощным
Поднялись.

И согбенная природа
Под машиной капитала
В темных недрах застонала
И восстала
С тем же знаменем: свобода!

Золото, золото!
Гибкое, ковкое!
На животах ты висело веревкою,
В галстук мещанский ты было заколото.
Жирные пальцы и шея индюшья,
Пудреной груди бездушье
Ты с отвращеньем ласкало.
Гордое, яркое, в недрах нагретое,
Было ты подлой монетою.
Именем чистым твоим
Купля-продажа владела всем шаром
земным.

Вот ты свободно!
Гений рабочего скажет, на что ты пригоден!

Медь!
Стулок земной сокровеннейшей крови!
Алого пламени сплав!
Ты с монастырских раздувшихся кровель,
Веча погибель давно отрываю,
Долго должна была людям звенеть,
По миру смерть разнося.
Вся
Ты исходила рыданьем надгробным,
К хищным и злобным
Попам двуутробным
Сгоняя людей

Пугалом желтых мощей.
Войн неимоверные жерла,
Пушек смертельные горла —
Вот куда шел твой металл благородный!
Вот ты свободна!
Гений рабочего скажет, на что ты
пригодна.

Железо!
Лапы кровавые крезов
Тебя у труда воровали,
В цепи сплавляли,
Тленом насилья тебя оплели,
Лучшего друга земли!
Ты тосковало на фабриках пленных,
Плакало воем огромных колес,
С грохотом горя по рельсам неслоь;
В рабстве у самых презренных
Силой волшебной твоей
Долго давили людей.
Вот ты свободно!
Гений рабочего скажет, на что ты
пригодно.

Алой молнией ударил
Пролетарий
В города,
И земля раскрыла щедро
Все сокровища, все недра
Для свободного труда.

УБИЙСТВО СЕЛЬКОРА

Это там, в заозерных трясинах,
Это там, в соловьиных лесах,
Это в наших, родимых и синих
От простора и снов, полосах.
Это там, в хороводе избушек,
Под соломенной крышей веков,
Где с песчаной дороги-горбуши

Разручинилась Русь широко.

Это там

наползала

шершавая

ночь.

По кустам,

по лозам

прошуршала —

и прочь.

И рассвет,

как удар

топора

вдоль виска,

Алый свет,

как пожар,

распластал

в облаках.

Там, на дороге, дождями омытый,

Руки раскинув, простерся убитый.

В горе застыла жена молодая.

Плачет ребенок, отца пробуждая.

Нет. Он не встанет. Он лег навсегда.

Грузно легла на деревню беда,

Тем, кто боролся за правду и свет,

Древняя дурь отдала свой ответ,

В землю уходит из тела тепло.

Вот каким севом земле повезло!

Эх ты, деревня, кого ты убила?

Юный селькор — твоя лучшая сила!

Будет бессмертною память

Павших в безлюдье глухом,

Выше газетное знамя!

Правда сверкает на нем!

ДМИТРИЮ ФУРМАНОВУ

В какой-то щели Госиздата,

Средь вороха бумажных дел,

Я повстречал такого брата,

Каких по крови не имел.

Он обласкал огромным взглядом,
Обмолвись: «Только не кури!»
И вдруг в беседе, близко, рядом,
Я увидел крыло зари —

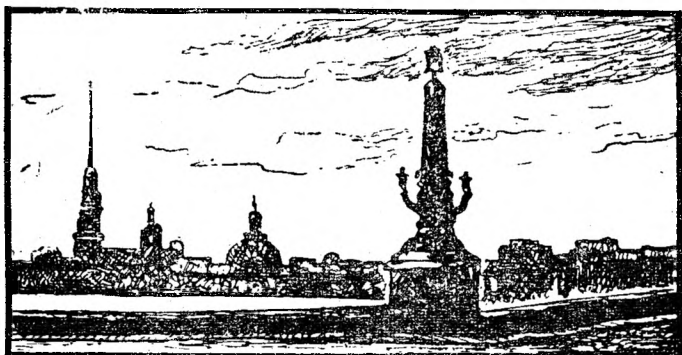
Той, что бесстрашием вскипая,
Гнала в пустыню Иргаша,
Той, для которой пал Чапаев,
Той, что до солнца хороша.

И часто после, неутомно
По лестницам стихи влача,
Я в маске труженика скромной
Лицо героя различал.

И сплелся я лучом незримым
С улыбкою его зари,
Когда о книгах, о любимых,
Со мной он грустно говорил:

Что вот нельзя. Что много дела.
А то бы сколько написал...
И вдруг — могила мхом одела
Бессмертной бури голоса.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

РОДИНЕ

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия —
Безумствуй, сжигая меня!

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины, —
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.

Не плачьте: склоните колени
Туда — в ураганы огней.
В грома серафических пений,
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез —
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе — и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро,—
Кипи фосфорически бурно,
Земли огневсе ядро!

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

К РОССИИ

Россия — Ты?.. Смеюсь и умираю,
И ясный взор ловлю...
Невероятная, Тебя — (я узнаю) —
В невероятности люблю.

Опять в твои неизвестные муки
Слетает разум мой:
Пролейся свет в мои немые руки,
Глаголющие тьмой.

Как веющие, тающие маки,
Мелькающие мне,—
Как бабочки, сияющие знаки
Летят на грудь ко мне.

Судьбой—(Собой)—ты чашу дней наполни
И чашу дней испей.
Волною молний душу преисполни,
Мечами глаз добей.

Я — знаю все... Я — ничего не знаю.
Люблю, люблю, люблю.
Со мною — Ты... Смеюсь и умираю.
И ясный взор ловлю.

ТЫ — ТЕНЬ ТЕНЕЙ

Ты — тень теней...
Тебя не назову.
Твое лицо —
Холодное и злое...

Плыву туда — за дымку дней — зову,
За дымкой дней, — нет, не Тебя: **былое**, —
Которое я рву
(в который раз).
Которое — в который
Раз восходит, —

Которое — в который раз алмаз —
Алмаз звезды, звезды любви, **низводит**.

Так в листья лип,
Провиснувшие, — Свет
Дрожит, дробясь,
Как брызнувший стеклярус;

Так, — в звуколивные проливы лет
Бежит серебряным воспоминаньем; парус..

Так в молодой,
Весенний ветерок
Надуется белеющий
Барашек;

Так над водой пустилась в ветерок
Летенница растерянных букашек...

Душа, Ты — свет.
Другие — (нет и нет!) —
В стихиях лет:
Поминовенья света...
Другие — нет... Потерянный поэт,
Найди ее, потерянную где-то.

За призраками лет —
Непризрачна межа;

На ней — душа,
Потерянная где-то...

Тебя, себя я обниму, дрожа,
В дрожаниях растерянного света.

ЖДИ МЕНЯ

Далекая, родная,—
Жди меня...

Далекая, родная:
Буду — я...

Твои глаза мне станут
Две звезды.

Тебе в тумане глянут —
Две звезды.

Мы в дали отстояний —
Поглядим;

И дали отстояний —
Станут: дым.

Меж нами, вспыхнувшими,—
Лепет лет...

Меж нами, вспыхнувшими,
Светит свет.

МАРШ

Упала завеса: и — снова
Сурово разъяты закаты —

В горбатые,
Старые
Скаты —
— И в синие
Линии
Леса.

Упорным размеренным шагом
Проходим над черным обрывом...

Блеснуло —
Бесплодным
Зигзагом: —

— Рвануло
Холодным
Порывом.

Потухли, — как в пепле, — дороги;
Засохли шершавые травы...

Распухли
Склоненные
Ноги.

Горят
Воспаленные
Веки...
Оглохли,
Ослепли —
— Навеки!

Москва

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

НЕБО РЕВОЛЮЦИИ

Еще на закате мерцали...
Но вот — почернело до ужаса,
и все в небесном Версале
горит, трепещет и кружится.

Как будто бы вечер дугою
свободу к зениту взвез:
с неба — одна за другою
слазают тысячи звезд!

И как над горящею Францией
глухое лицо Марата,—
среди лихорадящих в трансе
луна — онемевший оратор.

И мир, окунувшись в мятеж,
свежеет щекой умытенькой;
потухшие звезды — и те
послов прислали на митинги.

Услышьте сплетенный в шар шум
шагов без числа и сметы:
то идут походным маршем
к земле — на помощь — планеты.

Еще молчит тишина,
но ввысь — мечты и желания,
и вот провозглашена
Великая Океания.

А где-то, как жар валюты,
на самой глухой из орбит,
солнце кровавым Малютой
отрекшееся скорбит!

ПЕРВОМАЙСКИЙ ГИМН

Была пора глухая,
была пора немая,
но цвел, благоухая,
рабочий праздник мая.

Осыпаны снегами,
окутаны ночами,
встречались мы с врагами
грозящими очами.

Но встал свободы вестник,
подобный вешним водам,
винтами мрачных лестниц
взлетевший по заводам.

От слов его синели
и плавилась металлы,
и ало пламенели
рабочие кварталы.

Его напевы проще,
чем капли снеготая,
но он запел — и площадь
замолкла, как пустая.

Рабочие России,
мы жизнь свою сломаем,
но будет мир красивой
цветущий Первым маем!

Не серый мрамор крýлец,
не желтый жир паркета —
для нас теперь раскрылись
все пять объятий света.

Разрушим смерть и казни,
сорвем клыки рогаток, —
мы правим правды праздник
над праздностью богатых.

Не загремит «ура» у них,
когда идет свобода.
Он вырван, черный браунинг,
из рук врагов народа.

И выбит в небе дней шаг,
и нас сдержать не могут:
езде сердца беднейших
ударил тревогу.

Над гулом трудных будней
железное терпенье
полней и многотрудней
машин шипящих пенья.

Греми ж, земля глухая,
заводов дым вздымая,
цвети, благоухая,
рабочий праздник мая!

СТИХИ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

1

Выстрелом дважды и трижды
воздух разорван на клочья...

Пули ответной не выждав,
скрылся стрелявший за ночью.

И, опираясь об угол,
раны темнея обновкой,
жалко смеясь от испуга,
падал убитый неловко.

Он опускался, опускался,
и небо хлынуло в зрачки.
Чего он, глупый, испугался?
Вон звезд веселые значки,

А вот земля совсем сырая...
Чуть-чуть покалывает бок.
Но землю с небом, умирая,
он все никак связать не мог!

2

Ах, еще, и еще, и еще нам
надо видеть, как камни красны,
чтобы взором, тоской не крещенным,
переснились бы страшные сны,

Чтобы губы, не знавшие крика,
превратились бы в гулкую медь,
чтоб от мала бы всем до велика
ни о чем не осталось жалеть.

Этот клич — не упрек, не обида!
Это — волк завывает во тьме,
под кошмою кошмара завидя
по снегам зашагавшую смерть.

Он, всю жизнь по безлюдью кочуя,
изучал издали врагов
и опять из-под ветра почуял
приближенье беззвучных шагов.

Смерть несет через локоть двустволку,
немы сосны, и звезды молчат.
Как же мне, одинокому волку,
не окликнуть далеких волчат!

3

Тебя расстреляли — меня расстреляли,
и выстрелов трели ударились в дали,
даль растерялась — расстрелилась даль,
но даже и дали живому не жаль.

Тебя расстреляли — меня расстреляли,
мы вместе любили, мы вместе дышали,
в одном наши щеки горели бреду,
Уходишь? И я за тобою иду!

На пасмурном небе затихнувший вечер,
как мертвое тело, висит, изувечен,
и голубь, летящий изломом, как речет,
и зверь, изрыгающий скверные речи.

Тебя расстреляли — меня расстреляли,
мы сердце о сердце, как время, сверяли,
и как же я встану с тобою, расстрелян,
пред будущим звонким и свежим апрелем?!

4

Если мир еще нами не занят
(нас судьба не случайно свела) —
ведь у самых сердец партизанят
наши песни и наши дела!

Если кровь напоенной рубахи
заскорузла в заржавленный лед —
верь, восставший! Размерены взмахи,
продолжается ярый полет!

Пусть таежные тропы кривые
накаляются нашим огнем...

Верь! Бычачью вселенскую выю
на колене своем перегнем!

Верь! Поэтово слово не сгинет.
Он с тобой — тот же загнанный зверь.
Той же служит единой богине
бесконечных побед и потерь!

КУМАЧ

Красные зори,
красный восход,
красные рёчи
у Красных ворот,
и красный,
на площади Красной,
народ.

У нас пирогами
изба красна,
у нас над лугами
горит весна.

И красный кумач
на клиньях рубах,
и сходим с ума
о красных губах.

И в красном лесу
бродит красный зверь...
И в эту красу
прошумела смерть.

Нас толпами сбили,
согнали в ряды,
мы красные в небо
врубили следы.

За дулами дула,
за рядом ряд,
и полымем сдуло
царей и царят.

Не прежнюю спесью
наш разум строг,
но новые песни
все с красных строк.

Гляди ж, дозируя,
веков Калита:
вся площадь до края
огнем налита!

Краснейте же, зори,
закат и восход,
краснейте же, души,
у Красных ворот!

Красуйся над миром,
мой красный народ!

МАРШ БУДЕННОГО

С неба полуденного
жара не подступи,
конная Буденного
раскинулась в степи.

Не сынки у маменек
в помещичьем дому,
выросли мы в пламени,
в пороховом дыму.

И не древней славою
наш выводок богат —
сами литься лавою
учились на врага.

Пусть паны не хвастают
посадкой на скаку.—
смелем рысью частою
их эскадрон в муку.

бросаясь
        за вертлявым пикадором
на блеск ножа.
Все ждут, все ждут:
        когда ж начнет он падать,
скользя в грязи,
и первая
        Испании эспада
его сразит.
Она блеснет
        язвительным укусом
сквозь трепет лет,
и ноги,
        ослабев,
        уволокутся
в тугой петле!

2

Откуда ты?
        Зачем тебя мне надо,
разбитый хряц?
Иди сюда,
        багряная Гренада,
взвивай
        свой плащ!
Вот так и мне
        блеснут,
        зрачки заполнив,
и песнь
        и страсть,
вот так и мне —
        в рукоплесканьях молний,
вдохнув —
        упасть.
Ведь жить
        и значит:
        петь, любить и злиться
и рвать в клочки,
пока
        глядят оливковые лица,
горят зрачки!

Амфитеатру —
вечная услада
твоя беда...
Иди ко мне,
багровая Гренада,
иди сюда!
Ведь так и жил,
и шел,
и падал Пушкин,
и пел,
пока —
взвивались горящие хлопушки,
язва бока.

3

Все ждут, все ждут:
когда ж начнешь ты падать,
еще горящ,
и первая
Испании эспада
проколет хрящ.
Ведь радостнее
всех людских профессий,—
сменясь в лице,
судьбу чужую
взвесив на эфесе,
ударить в цель!

А. А. АХМАТОВОЙ

Не враг я тебе, не враг!
Мне даже подумать страх,
Что, к ветру речей строга,
Ты видишь во мне врага.
За этот высокий рост,
За этот суровый рот,
За то, что душа пряма
Твоя, как и ты сама,
За то, что верна рука,
Что речь глуха и легка,
Что там, где и надо б жёлчь,—
Стихов твоих сот тяжел.

За страшную жизнь твою,
За жизнь в ледяном краю,
Где смешаны блеск и мрак,
Не враг я тебе, не враг,

РЕКВИЕМ

Если день смерк,
если звук смолк,
все же бегут вверх
соки сосновых смол.

С горем наперевес,
горло бедой сжав,
фабрик и деревень
заговори, шаг:

«Тяжек и глух гроб,
скован и смыт смех,
низко пригнуть смогло
горе к земле всех!

Если умолк один,
даже и самый живой,
тысячами родін,
жизнь, отмсти за него!»

С горем наперевес,
зубы бедой сжав,
фабрик и деревень
ширься, гуди шаг:

«Стой, спекулянт-смерть,
хриплый твой вой лжив,
нашего дня не сметь
трогать: он весь жив!

Ближе плечом к плечу,—
нищей ли широте,

цветет,
от снега осиротев.
Вот так бы и нам,
весенним людишкам,
под гром и грохот
летучих лучей
скатиться
по легким
сквозным ледышкам
в весенний
пенный,
льютный ручей.
Ударил в сердце
горячий гром бы,
и радостью
новых,
свежих времен,
вертушкой
горячей солнечной бомбы
конец зимы
чтоб был заклеимен!

СИНИЕ ГУСАРЫ

1

Раненым медведем
мороз дерет.
Санки по Фонтанке
летят вперед.
Полоз остер —
полосатит снег.
Чьи это там
голоса и смех?
«Руку
на сердце свое
положа,
я тебе скажу:
ты не тронь палаша!
Силе такой
становясь поперек,

Вот — опять та площадь
и ряды камней,

И простая кепка,
что весь мир вела,
и тугая,
крепко
сжатая скула.

И в порыве локоть,
как кирка — на слом,
и тревожный клекот
всюду слышных слов.

И — еще бы малость —
Этих губ раствор
закрепил, казалось,
всех людей родство.

Но, его не слыша,
этим зимним днем,
песня, тише, тише
говори о нем.

Будь простою, песня,
или — с ним замлей:
вы ведь жили вместе
на одной земле,

Проще, песня, проще,
и скромней, скромней.
Вот — опять та площадь
и ряды камней.

Город тот же самый,
тот же самый вид,
только — черной ямой
он насквозь пробит.

Он пробит навывлет
черным ломом лет,
и от снежной пыли
леденеет свет.

Леденеют губы,
леденят язык.
Этой песни убыль —
только — лед слезы.

Но у дальних наций
в непробудном сне
неотступно снятся
наши лед и снег.

И, быть может, нашей
немотой над ним
всяких песен краше
мы весь мир сродним.

Будь же проще, песня,
или — с ним замлей:
вы ведь жили вместе
на одной земле.

Не могилу вырой,
замирая, стих, —
смокнул голос мира,
ветер мира стих.

* * *

Не за силу, не за качество
золотых твоих волос
сердце враз однажды начисто
от других оторвалось.

Я тебя запомнил докрепка,
ту, что много лет назад
без упрека и без окрика
загляделась мне в глаза.

Я люблю тебя, ту самую, —
все нежней и все тесней, —
что, назвавшись мне Оксаною,
шла ветрами по весне.

Нет для товара
 более вредных,
 более
 отягчающих рук,
 чем коротышки,
 какими посредник
 переплавляет
 на рынок продукт.
 В литературе
 им полный почет,
 их не проймет ни насмешка,
 ни жалоба,
 ихним стараньем
 на рынок течет
 уйма товара
 позалежалого.
 Если ж продукт
 не совсем заплеснел,
 если не вовсе
 он узок и куц,—
 цедит посредник:
 «Такие песни
 не потребляет
 рабочий вкус».
 Откуда знает
 чернильная тля,
 вымазавшая
 о поэзию лапки,
 что пролетарию
 потреблять,
 а что навсегда
 оставлять на прилавке?!
 Очень волнуют
 отзывы эти,
 верю —
 лишь твоей целине.
 Может, будешь добр
 и ответишь:
 этот стих —
 выкрутас или нет?
 Может, и вправду,
 на старое падок,

Сумерки
                   кровли домов одели...
 В память,
                   как в двор ломовик, тарахтя,
 грузом навьючив
                   дни и недели,
 вкатывается
                   Десятый Октябрь.
 Тысячи строк,
                   совершая обряд,
 будут его возносить,
                   славословя.

Я же
                   тропу моего Октября
 вспомню,
                   себя изловив на слове
 «искренность»...

                  Трепет летучих искр,
 искренность —
                   блеск непогасшей планеты.

Искренность —
                   это великий риск,
 но без нее
                   понимания нету.

Искренность!
                   Помоги моему
 сердцу
                   жар загорнуть и выскресть,
 чтоб в моем
                   неуклюжем уму
 песня вздышала, томясь и искрясь.

Искренность!
                   Помоги мне пропеть,
 вспомнивши,
                   радостно рассмеяться,
 как человеку
                   на дикой тропе
 встретилось сердце
                   стучащее
   массы.

Был я
                   безликий интеллигент,

молча горящийся
    мелочью званья,
 ждущий —
    от общих забот вдалеке —
 общей заботы
    победное знамя.
 Не уменьшаясь
    в темноте норы,
 много таких
    живут по мансардам,
 думая:
    ветром иной поры
 лик вдохновенный их
    творчески задран.
 Меряя землю
    на свой аршин,
 кудри и мысли
    взбивая все выше,
 так и живут
    до первых морщин,
 первых припадков,
    первых одышек.
 Глянут —
    а дум
    облыселую гладь
 негде приткнуть
    одинокому с детства.
 Финиш!..
    А метили
    мир удивлять
 либо геройством,
    либо злодейством...
 Так жил и я...
    Ожидал, пламенел,
 падал, метался,
    да так бы и прожил,
 если бы
    не забродили во мне
 свежего времени
    новые дрожжи.
 Я не знал,
    что крепче и ценней:

ЧУЖАЯ

1

Глаза насмешливые
сужая,
сидишь и смотришь,
совсем чужая,
совсем чужая,
совсем другая,
мне не родная,
не дорогая;
с иною жизнью,
с другой,
иною
судьбой
и песней
за спиною;
чужие фразы,
чужие взоры,
чужие дни
и разговоры;
чужие губы,
чужие плечи
сроднить и сблизить
нельзя и нечем;
чужие вспышки
внезапной спеси,
чужие в сердце
обрывки песен.
Сиди ж и слушай,
глаза сужая,
совсем далекая,
совсем чужая,
совсем иная,
совсем другая,
мне не родная,
не дорогая.

Летят недели кувыркою,
         и дни порожняком.
 Встречаемся по сумеркам
         украдкой да тайком.
 Встречаемся — не ссоримся,
         расстанемся — не ждем
 по дальним нашим горницам,
         под сереньким дождем.
 Не видимся по месяцам:
         ни дружбы, ни родни.
 Столетия поместятся
         в пустые эти дни.
 А встретимся — все сызнова:
         с чего опять начать?
 Скорее, дождик, сбрызгивай
         пустых ночей печаль.
 Все тихонько да простенько:
         влеченье двух полов
 да разговоры родственников,
         высмеивающих зло.
 Как звери когти стачивают
         о сучьев пустаки, —
 последних сил остаею
         скребу тебе стихии.
 В пустой денек холодненький,
         заежившись свежо,
 ты, может, скажешь: «Родненький», —
         оставшись мне чужой.
 И это странно весело
         и страшно хорошо —
 касаться только песнею
         твоих плечей и щек.
 И ты мне сердце выстели
         одним словцом простым,
 чтоб билось только издали
         на складках злых простынь;
 чтоб день, как в винограднике,
         был полон и тяжел;
 чтоб ты была мне навеки
         далекой и чужой!

И когда
я ломлю твои руки
и клоню
твоей воли стан,
ты кричишь,
как кричат во вьюге
лебедя,
от стан отстав...

4

У меня
хорошая жена,
у тебя
отличные ребята.
Что ж велит мне
мерить саженья
по пустыне
сонного Арбата?
Никаких
сомнений и надежд,
никакой
романтики слезливой.
Сердце!
Не вздувайся и не тешь
свежестью
весеннего разлива.
Никаких
мечтаний и иллюзий,—
что ни делай,
как ни затанцуй,
как бильярдный шар
к зеленой лузе,
ты летишь
к провалу и концу!
Нет,
не за тебя одну мне страшно,—
путь-дорога
у тебя своя;
с черной ночью
в схватке рукопашной
я не за тебя одну
стоял.

И не от тебя одной,
я знаю,
сечь
уже сжимает мне виски;
но в тебе
вся боль моя сквозная
отразилась
грубо,
по-мужски.
Боль
за всю за нашу
несвободу,
за нелегкость жизни,
ветхость стен,
что былого поколенья
одурь
жизнь заставит
простоять в хвосте.
О любви
теперь уже не пишут,
просто стыдно стало
повторять.
Но — смотри:
как страшно близко дышит
над Кремлем
московская заря.

5

День сегодня
такой простой,
каких не сыщешь
и — в сто.
Синь сегодня
так далека,
будто бы
встал великан.
Это ты, охлажденье мое,
молча встаешь,
не поешь,
высветляя
свое лезвиё,

Дней,
в которые в шумном ветру
шли
влюбленность и труд?!

6

Оставьте,
баптисты,
скучную
проповедь, —
вам
этих дней
все равно
не отпробовать.
Тот —
не уныл,
кто горечью
хвалится
Радость
с луны
все равно
не свалится.
Молотом,
скальпелем,
клапаном,
книгою —
сердце
по каплям
волнение
двигает.
Сердце мое,
волнуйся
и стучай!
Жизнь —
не очень
понятная
штука.
Сердце мое,
тревожься
и рвись

вниз,
    в глубину,
и — вверх,
        ввысь!
Свет твой
        вечный —
с открытой
        душой —
первой
        встречной,
далекой,
        чужой.
Шире
        и выше
взлета
        задор,
пока
        от всплешек
не сгинет
        мотор,
пока
        не стаснет
горенья
        руда,
пока
        от сказки
не станет следа!

7

Не будет стона сирого,
ни вопля, ни слезы;
идите, дни, боксировать
на рифм моих призы.

Бегите, физкультурники,
купать в ветрах лицо;
крутитесь, дни, на турнике
летучим колесом.

А ты, любовь, не высыпья,
не грянься комом вниз,

на вытянутых бицепсах
бодрее подтянись,—

Чтоб, зубом заскрежещенный,
унынья скрылся лик;
чтоб все на свете женщины,
как звезды, зацвели;

Чтоб каждый взял на выдержку
безмолвья сон дурной;
чтоб каждый пел навывтяжку
натянутой струной;

Чтоб шла навстреч весна ему
тревожно и свежо;
чтоб не было незнаемой
и не было чужой.

СЕМЕН КИРСАНОВ

* * *

Скоро в снег побегут струйки,
скоро будут поля в хлебе.
Не хочу я синицу в руки,
а хочу журавля в небе.

* * *

Быстроходная яхта продрала бока,
растянула последние жилки
и влетела в открытое море, пока
от волненья тряслись пассажирки.

У бортов по бокам отросла борода,
бакенбардами пены бушующая,
и сидел, наклонясь над водой, у борта —
человек, о котором пишу я.

Это море дрожит полосой теневой,
берегами янтарными брезжит...
О, я знаю другое, и нет у него
ни пристаней, ни побережий.

Там рифы — сплошное бурление рифм,
и, черные волны прорезывая,
несется, бугшприт в бесконечность вперив,
тьнь парохода «Поэзия».

Я вижу у мачты стоит капитан,
лебедкой рука подъята,
и голос, как в бурю зывающий трос,
и гордый, как дерево, рост.

Вот вцепится яро, зубами грызя
борта парохода, прибор,—
он судно проводит, приборю грозя
выдвинутою губой!

Я счастлив, как зверь, до ногтей, до волос,
я радостью скручен, как вьюгой,—
что мне с командиром таким довелось
шаландаться по морю юнгой.

Пускай прокомандует! Слово одно —
готов, подчиняясь приказам,
бросаться с утеса метафор на дно
за жемчугом слов водолазом!

Всю жизнь, до седины у виска,
мечтаю я о потайном.
Как мачта, мечта моя высока:
стать, как и он, капитаном!

Сияй над землей, Коммунизма маяк!
Терпи, добивайся, надейся, моряк,
высокую песню вызванивая,
добыть капитанское звание!

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

Воле Бажановой

* * *

Слушал я детский твой голос,
Впутанный в звон проводов.
Помнил на площади голой
Золотом шитый подол.

Злыми свечами багримы
Доски и падуг тряпье.
В зареве синего грима
Видел я сердце твое.

Шла ты по крышам и тучам
В льющейся шали до пят.
В горечи славы. В гнетущем
Счастье — родиться опять.

Помнишь? Театра младого
Мрачно разубран чертог.
Кончилось. Значит, мы дома,
Дождь разделил нас чертой.

Помнишь ты сумрак вагонный,
Призраки станций и почт?
Будешь теперь Антигоной
Всем, кто ослеп в эту ночь?

31 ДЕКАБРЯ

Этот час не похож на другие часы,
Горячась от блистания близкой красы,

Я готов! Но и ты мне, конечно, ответишь
За ошибки годов и за всю эту ветошь.

За горячку в крови, догоревшей дотла,—
Ты ответишь, хоть скатерть сорви со стола!

Не сгорел же я в этом хорошем году,
Если буду поэтом — так не пропаду.

Бьет двенадцатый час. Ты смеешься? Прижалась!
Или думаешь — сбудется наоборот?
Но мне нужен как хлеб и не нужен как жалость
этот сломанный смехом малиновый рот.

Понимаешь ты? Если бы куклой была ты,
Я и то разбудил бы фарфоровый мозг.
Достучался, дозволялся, добился крылатой
Сердцевины, закутанной в шелковый лоск.

Ты не слушаешь? Это
С тобой говорит
Не похмелье поэта,
А время и ритм.

Ты не слушаешь, сон
Золотой и безмозглый!
Тонкий хлыст занесен
На высокие козла.

Облегченно и колко
Звенят провода.
Унеслась одноколка
Твоя навсегда.

ЗОЯ

Я «молнии» слал в эту мглу дождевую,—
Мне сдачу давали с квитанцией вместе.
Ты снилась мне каждую ночь. И живу я
Придуманной жизнью, придуманной вестью —
Тобою!

О да! Это все еще длится,
Ни годы, ни грусть ничего не могли
Решить. И когда ты кивала вдали,
Смещались квартиры и путались лица.

И снова наш дом, и собака, и полки
В дочитанных книгах, и даже окурков
На блюдце. И ты в незачесанной челке,
Ты, лучшее между существ белокурых,—

Приемыш какого-то там акробата,
Циркачка в обносках чужого тряпья.
Короче, ты — молодость просто моя.
Да, молодость!

Где-то в колхозе ребята
Тебя провожают вдоль ветел и прясел.
И клубная сцена им кажется миром.
И ты, мое сердце, им снишься кумиром.
Им тоже ты снишься! Но сон их напрасен.

ТОСТ

Я рифмовал твое имя с грозью,
Золотом зноя осыпал тебя,
Ждал на вокзалах полуночных Зою,
То есть по-гречески — жизнь. И, трубя
В хриплые трубы, под сказочной тучей,
Мчался твой поезд с добычей летучей.

Дождь еще хлещет. И, напряжена,
Ночь еще блещет отливом лиловым;
Если скажу я, что ты мне жена,

Я ничего не скажу этим словом.
Милой немисливо мне устеречь
На людях, в шуме прощаний и встреч.

Нет. О другом! Не напрасно бушуя,
Двигается рядом природа. Смотри
В раму зари, на картину большую:
Рельсы, леса, облака, пустыри,
За Ленинградом, за Магнитогорском
Тонкая тень в оперенье заморском!

Сколько меж нас километров легло,
Сколько — о, сколько — столетий промчало!
Дождь еще клещет в жилое стекло,
Ночь еще блещет красой одичалой.
Не окончательно созданный мир
Рвется на волю из книг и квартир.

Вот он! В знаменах, и в песнях, и в грубых
Контурах будущих дней. Преврати
Нашу вселенную в свадебный кубок!
Чокнемся в честь прожитого пути!

* * *

Я люблю тебя в дальнем вагоне,
В желтом комнатном нимбе огня.
Словно танец и словно погоня,
Ты летишь по ночам сквозь меня.

Я люблю тебя — черной от света,
Прямо бьющего в скулы и в лоб.
Не в Москве — так когда-то и где-то
Все равно это сбыться могло б.

Я люблю тебя в жаркой постели,
В тот преданьем захватанный миг,
Когда руки сплелись и истлели
В обожанье объятий немых.

Я тебя не забуду за то, что
Есть на свете театры, дожди,
Память, музыка, дальняя почта...
И за все. Что еще. Впереди.

ОПЯТЬ

«Помни меня, не забудь меня! Слышишь? —
Не за...»

Это мой крик, захлебнувшийся в ветре весеннем,
Это сама ты меня целовала в глаза.
Это мы оба остались друг другу спасеньем.

Так вот и будем метаться вдвоем по стране.
И, разлучившись, молниировать тут же вдогонку.
Что, мол, в груди оно бьется, подобное гонгу,
Гневное, гулкое, глупое по старине.

Все-таки лучшее слово на свете — дорога, —
Честная, жесткая дружба с пространством земли.
Хочешь, — как в кинематографе, — только вели,
Жизнь повторится сначала, моя недотрога!

Память наполнится музыкой, ветром сырым,
Морем, вокзалами, хриплыми вздохами пара.
Мимо Кавказа в Москву, через Волгу и Крым
Снова пройдет, как легенда, влюбленная пара.

И — словно майская, заполыхает гроза,
Все промывая до блеска и все освежая:
«Помни меня! Я тебе никогда не чужая.
Помни меня, не забудь меня! Слышишь?»

Не за.

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

* * *

Я знаю женщину: блестяща и остра,
Как лезвие имеретинской пашки,
Она уклончива, капризна и пестра,
Как легкий крапат карточной рубашки.
В ней страсть изменчива, привязанность редка,
И жесты обольстительны и лишни!
Она испорчена, но все-таки сладка,
Как воробьем надклеванные вишни.

ОСЕНЬ

Битые яблоки пахнут вином,
И облака точно сняты.
Сивая галка, готовая сняться,
Вдруг призадумалась. Что ты? О чем?
Кружатся листья звено за звеном,
Черные листья с бронзой в теле.
Осень. Жаворонки улетели.
Битые яблоки пахнут вином.

К ВОПРОСУ О РУССКОЙ РЕЧИ

Я говорю: «пошел», «бродил»,
А ты: «пошла», «бродила».
И вдруг как будто веяньем крыл
Меня осенило!

С тех пор прийти в себя не могу...
Все правильно, конечно,
Но этим «ла» ты на каждом шагу
Подчеркивала: «Я — женщина!»

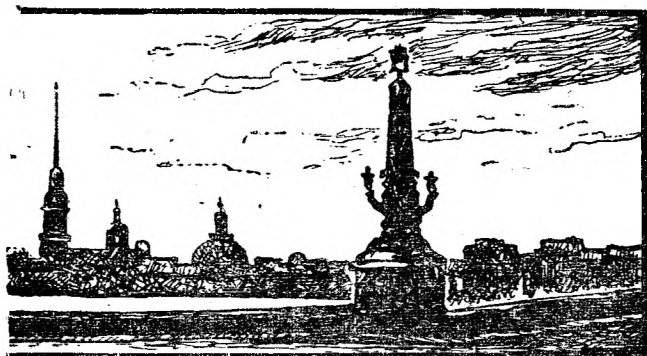
Мы, помню, вместе шли тогда
До самого вокзала,
И ты без малейшей краски стыда
Опять: «пошла», «сказала».

Идешь, с наивностью чистоты
По-женски все спрягая.
И показалось мне, что ты —
Как статуя — нагая.

Ты лепетала. Рядом шла.
Смеялась и дышала.
А я... я слышал только: «ла»,
«Аяла», «яла», «яла»...

И я влюбился в глаголы твои,
А с ними в косы, плечи!
Как вы поймете без любви
Всю прелесть русской речи?

АННА АХМАТОВА

* * *

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

* * *

Я спросила у кукушки,
Сколько лет я проживу...
Сосен дрогнули верхушки,
Желтый луч упал в траву.

Но ни звука в чаще свежей...
Я иду домой,
И прохладный ветер нежит
Лоб горячий мой.

БЕЖЕЦК

Там белые церкви и звонкий, светящийся лед,
Там милого сына цветут васильковые очи.
Над городом древним алмазные русские ночи
И серп поднебесный желтее, чем липовый мед.
Там строгая память, такая скупая теперь,
Свои терема мне открыла с глубоким поклоном,
Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь...
И город был полон веселым рождественским звоном.

* * *

Наталии Рыковой

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишнёвыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес,—

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.

* * *

Кое-как удалось разлучиться
И постылый огонь потушить.

Враг мой вечный, пора научиться
Вам кого-нибудь вправду любить.

Я-то вольная. Все мне забава,—
Ночью Муза слетит утешать,
А наутро притащится слава
Погремушкой над ухом трещать.

Обо мне и молиться не стоит
И, уйдя, оглянуться назад...
Черный ветер меня успокоит,
Веселит золотой листопад.

Как подарок, приму я разлуку
И забвение, как благодать.
Но, скажи мне, на крестную муку
Ты другую посмеешь послать?

* * *

А ты думал — я тоже такая,
Что можно забыть меня
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.

Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок —
Мой заветный душистый платок.

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь,
И ночей наших пламенных чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.

* * *

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам,

Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

* * *

Хорошо здесь: и шелест и хруст.
С каждым утром сильнее мороз,
В белом пламени клонится куст
Ледяных ослепительных роз.
И на пышных парадных снегах
Лыжный след, словно память о том,
Что в каких-то далеких веках
Здесь с тобою прошли мы вдвоем.

* * *

Вот и берег северного мсря,
Вот граница наших бед и слав,—
Не пойму, от счастья или горя
Плачешь ты, к моим ногам припав.
Мне не надо больше обреченных —
Пленников, заложников, рабов,
Только с милым мне и непреклонным
Буду я делить и хлеб и кров.

МУЗА

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот пришла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

* * *

Здесь Пушкина изгнание началось
И Лермонтова кончилось изгнание.
Здесь горных трав легко благоуханье,
И только раз мне видеть удалось
У озера, в густой тени чинары
В тот предвечерний и жестокий час —
Сияние неуголенных глаз
Бессмертного любовника Тамары.

* * *

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.

Все, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать —

Все унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.

Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,

Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.

И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый
Всходил со мною на крыльцо,

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

* * *

У первой бабки — четыре сына,
Четыре сына — одна лучина,

Кожух овчинный, мешок пеньки,—
Четыре сына — да две руки!

Как ни навалишь им чашку — чисто!
Чай, не барчата! — Семинаристы!

А у другой — по иному трахту! —
У той тоскует в ногах вся шляхта.

И вот — смеется у камелька:
«Сто богомольцев — одна рука!»

И зацелованными руками
Чудит над клавишами, шелками...

Обеим бабкам я вышла внучка:
Чернорабочий — и белоручка!

ПРИГВОЖДЕНА...

Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеею в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, — что невинна.

Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем,
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою — за счастьем.

Пересмотрите все мое добро,
Скажите — или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей ладони — горстка пепла!

И это все, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это все, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.

* * *

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче — все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, —
Все жаворонки нынче — вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая,
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

И слезы ей — вода, и кровь —
Вода, — в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...

И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

Вчера еще в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал —
Жизнь выпала копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?» —
«Отцеловал — колесовать:
Другую целовать», — ответствуют.

Жить приучил — в самом огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
«Вот, что ты, милый, сделал — мне!
Мой милый, что тебе — я сделала?»

Все ведаю — не прекословь!
Вновь зрячая — уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Самó — что́ дерево-трясти! —
В срок яблоко спадает спелое...
За все, за все меня прости,
Мой милый, что тебе я сделала!

* * *

Другие — с очами и с личиком светлым,
А я-то ногами беседую с ветром.
Не с тем — итальяйским,
Зефиром младым, —
С хорошим, с широким,
Российским, сквозным!

Другие всей плотью по плоти плуτούν,
Из уст пересохших — дыханье глотают...
А я — руки настезь! — застыла — столбняк, —
Чтоб выдул мне душу — российский сквозняк!

Другие — о нежные, цепкие пути!
Нет, с нами Эол обращается круто.
«Небось не растаешь! Одна, мол, семья!» —
Как будто и вправду — не женщина я!

МАЯКОВСКОМУ

Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел — тяжелоступ —
Здорово, в веках Владимир!

Он возчик и он же конь,
Он прихоть и он же право.
Вздыхнул, поплевал в ладонь,
— Держись, ломовая слава!

Певец площадных чудес —
Здорово, гордец чумазий,
Что камнем — тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.

Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул — и снова
Оглоблей гребет — крылом
Архангела ломового.

МОЛОДОСТЬ

1

Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапожок непарный!

Воспаленные глаза сужая,
Так листок срывают календарный.

Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! — Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.

Ты в ночи начесывала гребнем,
Ты в ночи оттачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щебнем,
За чужие я грехи терпела.

Скипетр тебе вернув до срока, —
Что уже душе до яств и брашна?
Молодость моя! Моя морока-
Молодость! Мой лоскуток кумашный!

2

Скоро уж из ласточек — в колдуньи!
Молодость! Простимся накануне.
Постоим с тобою на ветру.
Смуглая моя! Утешь сестру!

Полыхни малиновою юбкой,
Молодость моя! Моя голубка
Смуглая! Разор моей души!
Молодость моя! Утешь, спляши!

Полосни лазеревою шалью,
Шалая моя! Пошалевали
Досыта с тобой! — Спляши, ошпарь!
Золотце-мое-прощай-янтарь!

Неспроста руки твоей касаюсь,
Как с любовником, с тобой прощаюсь.
Вырванная из грудных глубин —
Молодость моя! — Иди к другим!

ХВАЛА БОГАТЫМ

И засим, упредив заране,
Что меж мной и тобою — мили!
Что себя причисляю к рвани,
Что честно́ мое место в мире:

Под колесами всех излишеств —
Стол уродов, калек, горбатых...
И засим — с колокольной крыши
Объявляю: *люблю* богатых!

За их корень гнилой и шаткий,
С колыбели растящий рану,
За растерянную повадку —
Из кармана и вновь к карману.

За тишайшую просьбу уст их,
Исполняемую, как окрик.
И за то, что их в рай не впустят,
И за то, что в глаза не смотрят.

За их тайны — всегда с нарочным!
За их страсти — всегда с рассыльным!
За навязанные им ночи
(И целуют и пьют насильно!).

И за то, что в учетах, в скуках,
В позолотах, в зевотах, в ватах
Вот меня, наглеца, не купят,—
Подтверждаю: *люблю* богатых!

А еще, несмотря на бритость,
Сытость, питость (моргну — и трачу!),
За какую-то — вдруг — побитость,
За какой-то их взгляд собачий,

Сомневающийся...

— Не стержень
ли к нулям? Не шалят ли гири?
И за то, что меж всех отверженств
Нет такого сиротства в мире!

Есть такая дурная басня:
Как верблюды в иглу пролезли.
... За их взгляд, изумленный насмерть,
Извиняющийся в болезни,

Как в банкротстве... «Ссудил бы... Рад бы —
Да...»

За тихое, с уст зажатых:
«По каратам считал, я — брат был...»
Присягаю: *люблю* богатых!

* * *

Что же мне делать, слепцу и пасынку,
В мире, где каждый и отч и зряч,
Где по анафемам, как по насыпям —
Страсти! где насморком
Назван — плач!
Что же мне делать, ребром и промыслом
Певчей! — как провод! загар! Сибирь!
По наважденьям своим — как по мосту!
С их невесомостью
В мире гирь.

Что же мне делать певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший — сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?!

МОРЕПЛАВАТЕЛЬ

Закачай меня, звездный челн!
Голова устала от волн!

Слишком долго причалить тщусь,—
Голова устала от чувств:

Гимнов — лавров — героев — гидр,—
Голова устала от игр!

Положите меж трав и хвой,—
Голова устала от войн...

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Как живется вам с другою,
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговою
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове?
(По́ небу — не по вода́м!)
Души, души! — быть вам сестрами,
Не любовницами — вам!

Как живется вам с *простою*
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с одного сошед),

Как живется вам — хлопочется —
Ежится? Встается — как?
С пошлюхой бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму»,
Как живется вам с любовью —
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее —
Снедь? — Удачи не скрывай! —
Как живется вам с подобием —
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром — лоба?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлестывает лба?

Как живется вам — здоровится —
Можется? Поется — как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой!
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог — и начисто разбит!)
Как живется вам с стотысячной —
Вам, познавшему Лилит!

Рыночную новизною
Сыты ли? К волшебам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, без шестых

Чувств?

Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин —
Как живется, милый? Тяжче ли?
Так же ли — как мне с другим?

ЛЮБОВЬ

Ятаган? Огонь?
Поскромнее, — куда как громко!
Боль, знакомая, как глазам — ладонь,
Как губам —
Имя собственного ребенка.

* * *

Русской ржи от меня поклон,
Ниве, где баба застится.
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на сердце...

Ты, в погудке дождей и бед
То ж, что Гомер — в гекзаметре.
Дай мне руку — на весь тот свет!
Здесь — мои обе заняты.

ВЕРА ИНБЕР

ПЯТЬ НОЧЕЙ И ДНЕЙ

На смерть Ленина

И, прежде чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней...

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И красный орден на груди.

Текли. А стужа над землею
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицу нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно-печален
Луны почетный караул.

БУДУЩИМ О ПРОШЕДШИХ

Ведь придет и такая осень
В каждый город и каждый дом,
Когда нас наши внуки спросят
О былом.

Внуки скажут: «Молчать довольно.
Вспомните, что и как:
Дни, когда начинался Смольный
И когда угрожал Колчак.

И правда ли еще тоже,
Что Ленин ступал по ней,
По площади, где позже
Был выстроен Мавзолей?»

Внуки спросят о давней дали
Не отцов и матерей, —
Нас, последних, что видали
Первый из Октябрей.

Так будем же беречь их,
Эти перечни лет и зим,
И будущим о прошедших
Память передадим.

СЫНУ, КОТОРОГО НЕТ

(КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ)

Ночь идет на мягких лапах,
Дышит, как медведь.
Мальчик создан, чтобы плакать,
Мама — чтобы петь.

Отгону я сны плохие,
Чтобы спать могли
Мальчики мои родные,
Пальчики мои.

За окошком ветер млечный,
Лунная руда,
За окном пятиконечна
Синяя звезда.

Сын окрепнет, осмелест,
Скажет: «Ухожу».
Красный галстучек на шею
Сыну повяжу.

Шибче барабанной дроби
Побегут года.
Приминая пыль дороги,
Лягут холода.

И прилаженную долю
Вскинет, как мешок,
Сероглазый комсомолец,
На губе пушок.

А пока еще ни разу
Не ступив ногой
Спи, мой мальчик сероглазый,
Зайчик дорогой...

Налепив цветные марки
Письмам на бока,
Сын мне снимки и подарки
Шлет издалека.

Заглянул в родную гавань
И уплыл опять.
Мальчик создан, чтобы плавать,
Мама — чтобы ждать.

Вновь пройдет годов немало...
Голова в снегу.
Сердце скажет: «Я устало,
Больше не могу».

Успокоится навеки,
И уже тогда

Весть помчится через реки,
Через города.

И, бледная, как бумага,
Смутный, как печать,
Мальчик будет горько плакать,
Мама — будет спать.

А пока на самом деле
Все наоборот:
Мальчик спит в своей постели,
Мама же — поет.

И фланелевые брючки,
Первые свои,
Держат мальчишкины ручки,
Пальчики мои.

БОРИС ПАСТЕРНАК

ПРО ЭТИ СТИХИ

На тротуарах истолку
С стеклом и солнцем пополам.
Зимой открою потолок
И дам читать сырым углам.

Задекламирует чердак
С поклоном рамам и зиме.
К карнизам прянет чехарда
Чудачеств, бедствий и замет.

Буран не месяц будет мечь.
Концы, начала заметет.
Внезапно вспомню: солнце есть;
Увижу: свет давно не тот.

Галчонком глянет Рождество,
И разгулявшийся денек
Откроет много из того,
Что мне и милой невдомек.

В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь фортку крикну детворе:
Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?

Кто тропку к двери проторил,
К дыре, засыпанной крупой,
Пока я с Байроном курил,
Пока я пил с Эдгаром По?

Пока в Дарьял, как к другу, вхож,
Как в ад, в цейхгауз и в арсенал,
Я жизнь, как Лермонтова дрожь,
Как губы, в вермут окунал.

* * *

Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе
Расшиблась весенним дождем обо всех,
Но люди в брелоках высоко брюзгливы
И вежливо жалят, как змеи в овсе.

У старших на это свои есть резоны.
Бесспорно, бесспорно смешон твой резон,
Что в грозу лиловы глаза и газоны
И пахнет сырой резедой горизонт.

Что в мае, когда поездов расписание
Камышинской веткой читаешь в пути,
Оно грандиозней святого писанья,
Хотя его сызнава все перечти.

Что только закат озарит хуторянок,
Толпою теснящихся на полотне,
Я слышу, что это не тот полустанок,
И солнце, садясь, соболезняет мне.

И в третий плеснув, уплывает звоночек
Сплошным извиненьем: жалею, не здесь.
Под шторку несет обгорающей ночью,
И рухнет степь со ступенек к звезде.

Мигая, моргая, но спят где-то сладко,
И фата-морганой любимая спит,
Тем часом, как сердце, плеща по площадкам,
Вагонными дверцами сыплет в степи.

ЗЕРКАЛО

В трюмо испаряется чашка какао,
Качается тюль, и — прямой
Дорожкой в сад, в бурелом и хаос
К качелям бежит трюмо.

Там сосны враскачку воздух саднят
Смолой; там по маете
Очки по траве растерял палисадник,
Там книгу читает Тень.

И к заднему плану, во мрак, за калитку
В степь, в запах сонных лекарств
Струится дорожкой, в сучках и в улитках
Мерцающий жаркий кварц.

Огромный сад тормошится в зале
В трюмо — и не бьет стекла!
Казалось бы, все коллодий залил,
С комода до шума в стволах.

Зеркальная всё б, казалось, нахлынь
Непотным льдом облила,
Чтоб сук не горчил и сирень не пахла,—
Гипноза залить не могла.

Несметный мир семенит в месмеризме,
И только ветру связать,
Что ломится в жизнь и ломается в призмы,
И радо играть в слезах.

Души не взорвать, как селитрой залежь
Не вырыть, как заступом клад.
Огромный сад тормошится в зале,
В трюмо — и не бьет стекла.

И вот, в гипнотической этой отчизне
Ничем мне очей не задуть.
Так после дождя проползают слизи
Глазами статуй в саду.

Шуршит вода по ушам, и, чирикнув,
На цыпочках скачет чиж.
Ты можешь им выпачкать губы черникой,
Их шалостью не опиошь.

Огромный сад тормошится в зале,
Подносит к трюмо кулак,
Бежит на качели, ловит, салит,
Трясет — и не бьет стекла!

ЛЕТО

Тянулось в жажде к хоботкам
И бабочкам и пяткам,
Обоим память оботкав
Медовым, майным, мятным.

Не ход часов, но звон цепов
С восхода до захода
Вонзался в воздух сном шипов,
Заворожив погоду.

Бывало — нагулявшись всласть,
Закат сдавал цикадам
И звездам и деревьям власть
Над кухнею и садом.

Не тени — балки месяц клал,
А то бывал в отлучке,
И тихо, тихо ночь текла
Трусцой от тучки к тучке.

Скорей со сна, чем с крыш, скорей
Забывчивый, чем робкий,
Топтался дождик у дверей,
И пахло винной пробкой.

Так пахла пыль. Так пах бурьян,
И, если разобраться,
Так пахли прописи дворян
О равенстве и братстве.

Вводили земство в волостях,
С другими — вы, не так ли?
Дни висли, в кислоте блестя,
И винной пробкой пахли.

* * *

Любимая — жуть! Когда любит поэт,
Влюбляется бог неприкаянный,
И хаос опять выползает на свет,
Как во времена ископаемых.

Глаза ему тонны туманов слезят.
Он заслан. Он кажется мамонтом.
Он вышел из моды. Он знает — нельзя!
Прошли времена — и безграмотно.

Он видит, как свадьбы справляют вокруг,
Как спаивают, просыпаются.
Как общелягушечью эту икру
Зовут, обрядив ее, паюсной.

Как жизнь, как жемчужную шутку Ватто,
Умеют обнять табакеркою,
И мстят ему, может быть, только за то,
Что там, где кривят и коверкают,

Где лжет и кадит, ухмыляясь, комфорт,
И трутнями трутся и ползают,
Он вашу сестру, как вакханку с амфор,
Подымет с земли и использует.

И таянье Андов вольет в поцелуй,
И утро в степи, под владычеством
Пылящихся звезд, когда ночь по селу
Белеющим бляньем тычется.

И всем, чем дышалось оврагам века,
Всей тьмой ботанической ризницы
Пахнет по тифозной тоске тюфяка
И хаосом зарослей брызнетя.

РАЗРЫВ

1

О ангел залгавшийся, сразу бы, сразу б,
И я б опоил тебя чистой печалью!
Но так — я не смею, но так — зуб за зуб!
О скорбь, зараженная ложью вначале,
О горе, о горе в проказе!

О ангел залгавшийся, — нет, не смертельно
Страданье, что сердце, что сердце в экземе!
Но что же ты душу болезнью нательной
Даришь на прощанье? Зачем же беспечно
Целуешь, как капли дождя, и как время,
Смеясь, убиваешь, за всех, перед всеми!

2

О стыд, ты в тягость мне! О совесть, в этом раннем
Разрыве столько грез, настойчивых еще!
Когда бы, человек, — и был пустым собраньем
Висков и губ и глаз, ладоней, плеч и щек.

Тогда б по свисту строф, по крику их, по знаку,
По крепости тоски, по юности ее
Я б уступил им всем, я б их повел в атаку,
Я б штурмовал тебя, позорище мое!

3

От тебя все мысли отвлеку
Не в гостях, не за вином, так на небе.

Где любили бездонной лазурью, свистевшей в ушах
лошадей.

Целовались залившимся лаем погони
И ласкались раскатами рога и треском деревьев,
копыт и когтей.
— О, на волю! На волю — как те!

6

Разочаровалась? Ты думала — в мире нам
Расстаться за реквиемом лебединым?
В расчете на горе, зрачками расширенными,
В слезах, примеряла их непобедимость?

На мессе б со сводов посыпалась стенопись,
Потрясшись игрой на губах Себастьяна.
Но с нынешней ночи во всем моя ненависть
Растянutosть видит, и жаль, что хлыста нет,

Впотьмах, моментально опомнясь,
без медлящего
Раздумья, решила, что все перепашет.
Что — время. Что самоубийство ей
не для чего,
Что даже и это есть шаг черепаший,

7

Мой друг, мой нежный, о, точь-в-точь как ночью,
в перелете с Бергена на полюс,
Валящим снегом с ног гагар сносимый жаркий пух,
Клянусь, о нежный мой, клянусь, я не неволюсь,
Когда я говорю тебе — забудь, усни, мой друг.

Когда, как труп затертого до самых труб норвежца,
В виденье зим, не движущих заиндевелых мачт,
Ношусь в сполохах глаз твоих шутивным — спи,
утешься,
До свадьбы заживет, мой друг, угомонись, не плачь.

Когда совсем как север вне последних поселений,
Украдкой от арктических и неусыпных льдин,

ВЕСНА

Весна, я с улицы, где тополь удивлен,
Где даль пугается, где дом упасть боится,
Где воздух синь, как узелок с бельем
У выписавшегося из больницы.

Где вечер пуст, как прерванный рассказ,
Оставленный звездой без продолженья
К недоумению тысяч шумных глаз,
Бездонных и лишенных выраженья.

ПОЭЗИЯ

Поэзия, я буду клясться
Тобой, и кончу, прохрипев:
Ты не осанка сладкогласца,
Ты — лето с местом в третьем классе,
Ты — пригород, а не припев.

Ты — душная, как май, Ямская,
Шевардина ночной редут,
Где тучи стоны испускают
И врозь по роспуске идут.

И в рельсовом витье двояся,—
Предместье, а не перепев —
Ползут с вокзалов восвояси
Не с песней, а оторопев.

Отростки ливня грязнут в гроздьях
И долго, долго до зари
Кропают с кровель свой акростих,
Пуская в рифму пузыри.

Поэзия, когда под краном
Пустой, как цинк ведра, трюизм,
То и тогда струя сохранна,
Тетрадь подставлена — струись!

ЛАНДЫШИ

С утра жара. Но отведи
Кусты, и грузный полдень разом
Всей массой хряснет позади,
Обламываясь под алмазом.

Он рухнет в ребрах и лучах,
В разгранке зайчиков дрожащих,
Как наземь с потного плеча
Опущенный стекольный ящик.

Укрывшись ночью навесной,
Здесь белизна сурьмится углем.
Непревзойденной новизной
Весна здесь сказочна, как Углич.

Жары нещадная резня
Сюда не сунется с опушки.
И вот ты входишь в березняк,
Вы всматриваетесь друг в дружку.

Но ты уже предупрежден,
Вас кто-то наблюдает снизу:
Сырой овраг сухим дождем
Росистых ландышей унизан.

Он отделился и привстал,
Кистями капелек повисши.
На палец, на два от листа,
На полтора — от корневища.

Шурша неслышно, как парча,
Льнут лайкою его початки,
Весь сумрак, рощи сообща
Их разбирает на перчатки.

К ОКТЯБРЬСКОЙ ГОДОВЩИНЕ

1

Редчал разговор оживленный,
Шинель становилась в черед.
Растягивались в эшелоны
Телятники маршевых рот.

Десятого чувства верхушкой
Подхватывали ковыли,
Что этот будильник с кукушкой
Лет на сто вперед завели.

Бессрочно и тысячеверстно
Шли дни под бризантным дождем,
Их вырвавшееся упорство
Не ставило нас ни во что.

Всегда-то их шумную груду
Несло неизвестно куда.
Теперь неизвестно откуда
Их двигало на города.

И были престранные ночи
И род вечеров в сентябре,
Что требовали полномочий
Обширней еще, чем допрежь.

В их августовское убранство
Вошли уже корпия, креп,
Досрочный призыв новобранцев,
Неубранный беженцев хлеб.

Могло ли им вообразиться,
Что под боком, невдалеке,
Окликнутые с позиций
Жилища стоят в столбняке?

Но, правда, ни в слухах нависших,
Ни в стойке их сторожевой,
Ни в низко надвинутых крышах
Не чувствовалось ничего,

Под спудом пыльных садов,
 На дне летнего дня —
 Нева, и нефти пятном
 Расплывшаяся солдатня.

Вечерние выпуска
 Газет рвут нарасхват.
 Асфальты. Названья судов.
 Аптеки. Торцы. Якоря.

Заря, и под ней, в западне
 Инженерного замка, подобный
 Равномерно-несметной, как лес топотне
 Удаляющейся кавалерии, — плеск
 Литейного, лентой рулетки
 Раскатывающего на роликах плит
 Во все запустенье проспекта
 Штиблетную бурю толпы.

Остатки чугунных оград
 Местами целеют под кипой
 Событий и прахом попыток
 Уйти из киргизской степи.

Но тучи черней, аппарат
 Ревет в типографском безумье, —
 И тонут копыта и скрипы кибиток
 В сыпучем самуме бумажной стопы.

Семь месяцев мусор и плесень, как
 шерсть, —
 На лестницах министерств.
 Одинокий, как перст, —
 Таков Петроград,
 Еще с Государственной думы
 Ночами и днями кочующий в чумах
 И утром по юртам бесчувственный
 к шуму
 Гольтепы.

Он все еще не искупил
Провинностей скипетра и ошибок
Противного стереотипа,
И сослан на взморье, топить, как Снзиф
Утопии по затонам,
И, чуть погрузив, подымать эти тонны
Картона и несть на себе в неметенный
Семь месяцев сряду пыльный тупик.

И осень подходит с обычной рутинной
Крутящихся листьев и мокрых куртин.

3

Густая слякоть клейковиной
Полощет улиц колею:
К виновному прилип невинный,
И день, и дождь, и даль в клею.

Ненастье настигает скаты,
Гремит железом пласт о пласт,
Свергает власти, рвет плакаты,
Наталкивает класс на класс.

Костры. Пикеты. Мгла. Поэты
Уже печатают тюки
Стихов потомкам на пакеты
И нам на кету и пайки.

Тогда, как вечная случайность,
Подкрадывается зима
Под окна прачечных и чайных,
И прячет хлеб по закромам.

Коротким днем, как коркой сыра,
Играют крысы на софе
И, протащив по всей квартире,
Укатывают за буфет.

На смену спорам оборонцев
Как север, ровный Совнарком,
Безбрежный снег, и ночь, и солнце,
С утра глядящее сморчком.

Пониклый день, серье и быдло,
Обидных выдач жалкий цикл,
По виду — жизнь для мотоциклов
И обданных повидлой игл.

Для галок и красногвардейцев,
Под черной кожи мокрый хром.
Какой еще заре зардеться
При взгляде на такой разгром?

На самом деле ж это — небо
Намыкавшейся всласть зимы,
По всем окопам и совдепам
За хлеб восставшей и за мир.

На самом деле это где-то
Задетый ветром с моря рой
Горящих глаз Петросовета,
Вперенных в небывалый строй.

Да, это то, за что боролись,
У них в руках — метеорит.
И будь он даже пуст, как полюс,
Спасибо им, что он открыт.

Однажды мы гостили в сфере
Преданий. Нас перевели
На четверть круга против зверя,
Мы — первая любовь земли.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

* * *

Я не знаю грядущего мира,
На моих очах пелена.
Цветок, я на поле брани вырос,
Под железной стопой отзвенела моя весна.
Смерть земли? Или трудные роды?
Я летел, и горел, и сгорел.
Но я счастлив, что жил в эти годы —
Какой высокий удел!
Другие слагали книги пророчеств,
Пламена небес стерегли,
Мы же горим, затопив полярные ночи
Костром невозможной любви.
Небожители! духи! святые!
Вот я, слепой человек,
На полях мятежной России
Прославляю восставший век!
Мы ничего не создали,
Захлебнулись в тоске, растворились в любви,
Но звездное небо нами разодрано,
Зори в нашей крови.
Гнев и смерть в наших сердцах,

На лицах ответ кровавый —
Это мы из груди окаменевшего Творца
Мечом высекали новую правду.

РОССИЯ

Распухла с голоду, сочатся кровь
и гной из ран отверстых,
Вопя и корчась, к матери-земле припала ты.
Россия, твой родильный бред они сочли
за смертный,
Гнушаются тобой, разумны, сыты и чисты.
Бесплодно чрево их, пустые груди каменеют,
Кто древнее наследие возьмет?
Кто разожжет и дальше понесет
Полупогасший факел Прометея?
Суровы роды, час высок и страшен.
Не в пене моря, не в небесной синеве,
На темном гноище, омытый кровью нашей,
Рождается иной, великий век.
Уверуйте! Его из наших рук примите!
Он наш и ваш — сотрет он все межи.
Забывая, в полунощной столице
Под саваном снегов таилась жизнь.
На краткий срок народ бывает призван
Своею кровью напоить земные борозды —
Гонители к тебе придут, Отчизна,
Целуя на снегу кровавые следы.

* * *

Я не трубач — труба. Дуй, Время!
Дано им верить, мне звенеть.
Услышат все, но кто оценит,
Что плакать может даже медь?
Он в серый день припал и дунул,
И я безудержно завыл,
Простой закат назвал кануном
И скуку мукой подменил.

Старались все себя превысить —
О ком звенела медь? о чем?
Так припадали губы тысяч,
Но Время было трубачом.
Но я рукой сухой и твердой,
Перевернул тяжелый лист,
На смотр веков построил орды
Слепых тесальщиков земли.
Я не сказал, но лишь ответил,
Затем, что он уста рассек,
Затем, что я не властный ветер,
Но только бедный человек.
И кто поймет, что в сплаве медном
Трепещет вкрапленная плоть,
Что прославляю я победы
Меня сумевших побороть?

* * *

Остановка. Несколько примет.
Расписание некоторых линий.
Так одно из этих легких лет
Будет слишком легким на помине.

Где же сказано — в какой графе,
На каком из верстовых зарубка,
Что такой-то сиживал в кафе
И дымил недодымившей трубкой?

Ты ж не станешь клевера сушить,
Чиркать ногтем по полям романа.
Это — две минуты, и в глуши
Никому не нужный полустанок.

Даже грохот катастроф забудь:
Это — задыханья, и бураны,
И открытый стрелочником путь
Слишком поздно или слишком рано.

Вот мое звериное тепло,
Я почти что от него свободен.
Ты мне руку положи на лоб,
Чтоб проверить, как оно уходит.

Есть в тебе льняная чистота,
И тому, кому не нужно хлеба,—
Три аршина грубого холста
На его последнюю потребу.

* * *

Так умирать, чтоб бил озноб огни,
Чтоб дымом пахли щеки, чтоб курьерский —
«Ну, ты, угомонись, уймись, нишкни» —
Прошамкал мамкой ветровому сердцу,
Чтоб — без тебя, чтоб вместо рук сжимать
Ремень окна, чтоб не было «останься»,
Чтоб, умирая, о тебе гадать
По сыпи звезд, по лихорадке станций,
Так умирать, понять, что гам и чай,
Буфетчик, вечный розан на котлете,
Что это — смерть, что на твое «прощай!»
Уж мне никак не суждено ответить.

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

ПТИЦЕЛОВ

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелетов,
Разным посвистом свисти.

Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить.

В бузине, сырой и круглой,
Соловей ударил дудкой,
На сосне звенят синицы,
На березе зяблик бьет.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Три манка — и каждой птице
Посвящает он манок.

Дунет он в манок бузинный,
И звенит манок бузинный,—
Из бузинного прикрытья
Отвечает соловей.

Дунет он в манок сосновый,
И свистит манок сосновый,—
На сосне в ответ синицы
Рассыпают бубенцы.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Самый легкий, самый звонкий
Свой березовый манок.

Он лады проверит нежно,
Щель певучую продует,—
Громким голосом береза
Под дыханьем запоет.

И, заслышав этот голос,
Голос дерева и птицы,
На березе придорожной
Зяблик загремит в ответ.

За проселочной дорогой,
Где затих тележный грохот,
Над прудом, покрытым ряской,
Дидель сети разложил.

И пред ним, зеленый снизу,
Голубой и синий сверху,
Мир встает огромной птицей,
Свищет, щелкает, звенит.

Так идет веселый Дидель
С палкой, птицей и котомкой
Через Гарц, поросший лесом,
Вдоль по рейнским берегам.

По Тюрингии дубовой,
По Саксонии сосновой,

По Вестфалии бузинной,
По Баварии хмельной.

Марта, Марта, надо ль плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет птицам
И смеется невзначай?

ФРОНТ

По кустам, по каменистым глыбам
Нет пути — и сумерки черней...
Дикие костры взлетают дыбом
Над собраньем веток и камней.
Топора не знавшие купавы
Да ручьи, не помнящие губ,
Вы задеты горечью отравы:
Душным кашлем, перекличкой труб.

Там, где в громе пролетали грозы,
Протянулись дымные обозы...
Над болотами, где спят чирки,
Не осока встала, а штыки...

Сгустки стеарина под свечами,
На трехверстке рощи и поля...
Циркулярами и циркулями
Штабы переполнены в края...
По масштабам точные расчеты
(Наизусть заученный урок)...
На трехверстке протянулись роты,
И передвигается флажок...
И передвигаются по кругу
Взвод за взводом....
Батарей по кустам, по лугу
Ураганным двинули огнем...
И воронку за воронкой следом
Роет крот — и должен рыть опять...
Это фронт —

И, значит, непоседам
Нечего по ящикам лежать...

Это фронт —
И, значит, до отказа
Надо прятаться, следить и ждать,
Чтоб на мушке закачался сразу
Враг,— примериваться и стрелять.

Это полночь,
Вставшая бессонно
Над болотом, в одури пустынь,
Это черный провод телефона,
Протянувшийся через кусты...

Тишина...
Прислушайся упрямо
Утлым ухом:
И поймешь тогда,
Как несется телефонограмма,
Вытянувшаяся в провода...
Приглядишь:

Подрагивают глухо
Провода, протянутые в рань,
Где бубнит телефонисту в ухо
Телефона узкая гортань...

Это штаб...
И стынут под свечами
На трехверстке рощи и поля,
Циркулярами и циркулями
Комнаты наполнены в края...
В ночь ползком — и снова руки стынут,

Взвод за взводом по кустам залег.
Это значит:
В штабе передвинут
Боем угрожающий флажок.
Гимнастерка в дырках и заплатах,
Вошь до тла проела полотно,
Но бурлит в бутылочных гранатах
Взрывчатое смертное вино...

Офицера, скачущего в поле,
Напоит и с лошади сшибет,
Гайдамак его напьется вволю
Так, что и костей не соберет!
Эти дни, на рельсах, под уклоны
(Пролетают... Пролетели... Нет...)
С громом, как товарные вагоны,
Мечутся — за выстрелами вслед.
И на фронт, кострами озаренный,
(Пролетают... Пролетели... Нет...)
Песнями набитые вагоны,
Ветром взмыленные эскадроны,
Эскадрильи бешеных планет.
Катится дорогой непрорытой
В разбиваемую бурей новь
Кровь, насквозь пропахнувшая житом
И пропитанная сажей кровью...
А навстречу — только дождь постылый,
Только пульей жгущие кусты,
Только ветер небывалой силы,
Ночи небывалой черноты.
В нас стреляли —
И не дострелили;
Били нас —
И не могли добить!
Эти дни,
Пройденные навывлет,
Азбукою должно заучить.

ПЕРВОЕ МАЯ

В тот вечер мы стояли у окна.
Была весна, и плыл горячий запах
Еще не распустившихся акаций
И влажной пыли. Тишина стояла
Такой стеною плотной, что звонки
Трамваев и пролеток дребезжанье
Высокого окна не достигали.
Весенний дух, веселый и беспутный,
Ходил повсюду. Он на мокрых крышах
Котов и кошек заставлял мяукать,

И маленькие быстрые зверьки
Царапались, кувёркались, кусались.
И перепела в клетке под окном
Выстукивать он песню заставлял,
И перепел метался, и вакал,
И клювом проводил по частым прутьям,
Водю брызгал и бросал песком.
В такие вечера над нами небо
Горячею сияет глубиною,
И звезды зажигаются, и ветер
Нам в лица дует свежестью морской.
Пусть будет так. Недаром пела флейта
Сегодня утром. И недаром нынче,
Когда ударит на часах двенадцать,
Умрет апрель. Припоминая вьюгу,
И сизые медлительные тучи,
И скрип саней, и топот заглушенный
Копыт, и ветер, мчащийся с разбегу
В лицо, в лицо. И так, за днями день,
Недели за неделей, год за годом
Младенческое улетает время.
И вижу я — широкий мир лежит
Как на ладони предо мной. И нежно
Поет во мне и закипает сладко
Та буйная отвага, что толкала
Меня когда-то в битвы и удачи.
Я вспоминаю: длинный ряд вагонов,
И паровоз, летящий вдаль, и легкий,
Назад откинувшийся дым. А после
Мы наступали с гиканьем и пеньем,
И перед нами полыхало знамя,
Горячее, как кровь, и цвета крови.
Мы рассыпались легкими цепями,
Мы наступали, вскидывая ловко
К плечам винтовки, — выстрел, и вперед
Бежали мы. И снова знамя в небе
Кровавое к победе нас вело.
И в эту ночь, последнюю в апреле,
Наполненную звездами и ветром,
Благословляю шумное былое
И в светлое грядущее гляжу.
И первомайской радостью гудит
Внизу, внизу освобожденный город.

АРБУЗ

Свежак надрывается. Прет на рожон
Азовского моря корыто.
Арбуз на арбузе — и трюм нагружен,
Арбузами пристань покрыта.

Не пить первача в дорассветную стыдь,
На скучном зевать карауле,
Три дня и три ночи придется проплыть —
И мы паруса развернули...

В густой бородач ударяет бурун,
Чтоб брызгами вдрызг разлететься,
Я выберу звонкий, как бубен, кавун —
И ножиком вырежу сердце...

Пустынное солнце садится в рассол,
И выпихнут месяц волнами...
Свежак задувает!
Наотмашь!
Пошел!

Дубок, шевели парусами!
Густыми барашками море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...
В два пальца, по-боцмански, ветер свистит,
И тучи сколочены плотно,
И ерзает руль, и обшивка трещит,
И забраны в рифы полотна.

Сквозь волны — навывлет!
Сквозь дождь — наугад!
В свистящем гонимые мыле,
Мы рыщем на ощупь...
Навзрыд и не в лад
Храпят полотняные крылья.

Мы втянуты в дикую карусель,
И море топочет, как рынок,
На мель нас кидает,
Нас гонит на мель
Последняя наша путина!

Козлами кудлатыми море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...

Я песни последней еще не сложил,
А смертную чую прохладу...
Я в карты играл, я бродягою жил,
И море приносит награду,—
Мне жизни веселой теперь не сберечь —
И руль оторвало, и в кузове течь!

Пустынное солнце над морем встает,
Чтоб воздуху таять и греться;
Не видно дубка, и по волнам плывет
Кавун с нарисованным сердцем...
В густой бородач ударяет бурун,
Скумбрийная стая играет,
Низовый на зыби качает кавун —
И к берегу он подплывает...
Конец путешествию здесь он найдет,
Окончены ветер и качка,—
Кавун с нарисованным сердцем берет
Любимая мною казачка...

И некому здесь надоумить ее,
Что в руки взяла она сердце мое!..

ПУШКИН

... И Пушкин падает в голубоватый
Колючий снег. Он знает — здесь конец...
Недаром в кровь его влетел крылатый,
Безжалостный и жалящий свинец.
Кровь на рубахе... Полость меховая
Откинута. Полозья дребезжат.
Леса и снег, и скука путевая,
Возок уносится назад, назад.
Он дремлет; Пушкин. Вспоминает снова
То, что влюбленному забыть нельзя,—
Рассыпанные кудри Гончаровой
И тихие медовые глаза.

Случайный ветер не разгонит скуку,
В пустынной хвое замирает край...
...Наемника безжалостную руку
Наводит на поэта Николая!
Он здесь, жандарм! Он из-за хвой леса
Следит упорно, взведены ль курки,
Глядят на узкий пистолет Дантеса
Его тупые скользкие зрачки.
И мне ли, выученному, как надо
Писать стихи и из винтовки бить,
Певца убийцам не найти награду,
За кровь пролитую не отомстить?
Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес;
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос.
И сердце колотилось безотчетно,
И вольный пламень в сердце закипал,
И в свисте пуль, за песней пулеметной,
Я вдохновенно Пушкина читал!
Идут года дорогой неуклонной,
Клокочет в сердце песенный порыв...
...Цветет весна — и Пушкин отомщенный
Все так же сладостно-вольнолюбив.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Кто услышал раковины пенье,
Бросит берег — и уйдет в туман;
Даст ему покой и вдохновенье
Окруженный ветром океан...

Кто увидел дым голубоватый,
Подымающийся над водой,
Тот пойдет дорогою проклятой,
Звонкою дорогою морской...

Так и я...
Мое перо писало,
Ум выдумывал,

А голос пел;
Но осенняя пора настала,
И в деревьях ветер прошумел...

И вдали, на берегу широком
О песок ударилась волна,
Ветер соль развеял ненароком,
Чайки раскричались дотемна...

Буду скучным я или не буду —
Все равно!

Отныне я — другой...
Мне матросская запела удаль,
Мне трещал костер береговой...

Ранним утром
Я уйду с Дальницкой,
Дынь возьму и хлеба в узелке,
Я сегодня
Не поэт Багрицкий,
Я — матрос на греческом дубке...

Свежий ветер закипает брагой,
Сердце ударяет о ребро...
Обернется парусом бумага,
Укрепитя мачтою перо...

Этой осенью я понял снова
Скуку поэтической нужды:
Не уйти от берега родного,
От павлиньей,
Радужной воды...

Только в море —
Бесшабашней пенье,
Только в море —
Мой разгул широк.
Подгоняй же, ветер вдохновенья,
На борт накренившийся дубок...

У МОРЯ

Над лиманской солью невеселой
Вечер намечается звездой...
Мне навстречу выбегают села,
Села нависают над водой...

В сумраке без формы и без веса,
Отбежав за синие пески,
Подымает черная Одесса
Ребра, костяки и позвонки...

Что же? Я и сам еще не знаю,
Где присяду, где приют найду;
На совхозе ль, что ютится с краю,
У рыбачки ль в нищенском саду?

Я пойду тропинкою знакомой
По песку сухому, как навоз,
Мне навстречу выбежит из дому
Косоглазый деревенский пес...

Вспугнутая закружится чайка,
Тени крыльев лягут на песок,
Из окошка выглянет хозяйка,
Поправляя на плечах платок.

Я скажу: «Маруся, неужели
Вырос я и не такой, как был?
Год назад, в осенние недели,
Я на ближнем неводе служил».

Сердце под голландкою забьется,
Заиграет сердце, запоет,
Но Маруся глянет, повернется,
Улыбнется и в курень пойдет.

Я — не тот. Рыбацкая сноровка
У меня не та, что год назад,—
Вышла сила, и сидит неловко
Неудобный городской наряд.

Над лиманом пролетают галки,
Да в заливе воеет пароход...
Я не буду нынче у спасалки
Перекачивать по бревнам бот.

Я не буду жадными глазами
Всматриваться в тлеющий восток,
С переливами и бубенцами
Не заслышу боцманский свисток.

Я пойду дорогою знакомой
По песку сухому, как навоз,
Мне навстречу выбежит из дому
Космоногий деревенский пес.

1924

Кончается. Окончен. Отгудел
Тяжелый год. По взморьям, лукоморьям,
По городам, лесам и плоскогорьям
Последний день туманом пролетел.
Он грузен был — двадцать четвертый год...
Тяжка его повадка трудовая:
В последний день он весело поет,
Тяжелые маховики вращая.
Среди веков проложена межа
Руками и штыками дерзновенных.
Прекрасны годы буйств и мятежа,
Сражений и восстаний вдохновенных.
Но нам прекрасней кажется стократ
Упорный год стремительной работы,
Гул тракторов, размерный стук лопат,
Маховиков крутые повороты.
Был страшный час! Трещал на реках лед,
Кружился снег, дороги заметая.
Скончался Ленин!.. Но у нас поет
Кровь Ильича, по жилам пролетая...
И эта кровь ведет к работе нас,
Пробег ее крылат и неизменен.

И кажется: одним движеньем глаз
Руководит рабочей волей Ленин.
Мы с Лениным заканчиваем год.
Незыблема повадка трудовая:
Ведь в каждом пролетарии поет
Кровь Ильича, по жилам пролетая!
Мы слышим: сердце плещется в груди.
Мы чувствуем: наш голос чист и ясен.
Грядущий год, машинный год, иди!
Моря распахнуты — и труд прекрасен.

СТИХИ О СОЛОВЬЕ И ПОЭТЕ

Весеннее солнце дробится в глазах,
В канавы ныряет и зайчиком пляшет,
На Трубную выйдешь — и громом в ушах
Огонь соловьиный тебя ошарашит...

Куда как приятны прогулки весной:
Бредешь по садам, пробегаешь базаром!..
Два солнца навстречу: одно над землей,
Другое — расчищенным вздыг самоваром.

И птица поет. В коленкоровой мгле
Скрывается гром соловьиного лада...
Под клеткою солнце кипит на столе —
Меж чашек и острых кусков рафинада...

Любовь к соловьям — специальность моя,
В различных коленах я толк понимаю:
За лешевой дудкой — вразброд стукотня,
Кукушкина песня и дробь рассыпная...

Ко мне продавец:
— Покупаете? Вот
Как птица моя на базаре поет!
Червонец — не деньги! Берите! И дома,
В покое, засвищет она по-иному...

От солнца, от света звенит голова...
Я с клеткой в руках дожидаюсь трамвая.
Крестами и звездами тлеет Москва,
Церквами и флагами окружает!

Нас двое!
Бродяга и ты — соловей,
Глазастая птица, предвестница лета,
С тобою купил я за десять рублей —
Черемуху, полночь и лирику Фета!

Весеннее солнце дробится в глазах,
По стеклам течет и в канавы ныряет,
Нас двое.
Кругом в зеркалах и звонках
На гору с горы пролетают трамваи.

Нас двое...
А нашего номера нет...
Земля рассолодела. Полдень допет.
Зеленою смушкой покрылся кустарник,
Нас двое...
Нам некуда нынче пойти;
Трава горячее, и воздух угарней —
Весеннее солнце стоит на пути.

Куда нам пойти? Наша воля горька!
Где ты запоешь?
Где я рифмой раскинусь?
Наш рокот, наш посвист
Распродан с лотка...
Как хочешь —
Распивочно или на вынос?

Мы пойманы оба,
Мы оба — в сетях!
Твой свист подмосковный не грянет в кустах,
Не дрогнут от грома холмы и озера...
Ты выслушан,
Взвешен,
Расценен в рублях...

Греми же в зеленых кустах коленкора,
Как я громыхаю в газетных листах!..

СТИХИ О ПОЭТЕ И РОМАНТИКЕ

Я пел об арбузах и о голубях.
О битвах, убийствах, о дальних путях,
Я пел о вине, как поэту пристало...
Романтика! Мне ли тебя не воспеть,
Откинутый плащ и сверканье кинжала,
Степные походы и трубная медь...
Романтика! Я подружился с тобой,
Когда с пожелтевших страниц Вальтер Скотта
Ты мимо окна пролетала совой,
Ты вызвала криком меня за ворота!
Я вышел... Ходили по саду луна
И тень (от луны ль?) над листвою обветшало...
Романтика! Здесь?! Неужели она?
Совою была ты и женщиной стала.
В беседку пойдем. Там скамейка и стол,
Закуска и выпивка для вдохновенья:
Ведь я не влюбленный — и я не пришел
С тобой целоваться под сизой сиренью...
И, тонкую прядь отодвинув с лица,
Она протянула мне пальцы худые,
К тебе на свиданье, о сын продавца,
В июльскую ночь прихожу я впервые...
Я в эту страну возвратилась опять,
Дорог на земле для романтики мало;
Здесь Пушкина в сад я водила гулять,
Над Блоком я пела и зыбку качала...
Я знаю, как время уходит вперед,
Его не удержишь плотиной из стали,
Он взорван, подземный семнадцатый год,
И два человека над временем стали...
И первый, храня опереточный пыл,
Вопил и мотал головою ежастой,
Другой, будто глыба, над веком застыл,

Зырянин лицом и с глазами фантаста...
На площади гомон, гармоника, дым,
И двое встают над голодным народом.
За кем ты пойдешь? Я пошла за вторым —
Романтика ближе к боям и походам...
Поземка играет по конским ногам,
Знамена полнеба полотнами кроют,
Романтика в партии! Сбоку наган,
Каракуль на шапке зернистой икрою...
Фронты за фронтом.
Ни лечь, ни присесть!
Жестокая каша да ситник суровый;
Депеша из Питера: страшная весть
О черном предательстве Тумилева...
Я мчалась в телеге, проселками шла;
И хоть преступленья его не простила,
К последней стене я певца подвела,
Последним крестом его перекрестила...
Скорее назад! И товарный вагон
Шатает меня по России убогой...
Тут новое дело — из партии вон:
Интеллигентка и верует в бога.
Зима наступала колонками льда,
Бирючьей повадкой и посвистом вьюжным,
И в бестолочь эту брели поезда
От северной стужи к губерниям южным.
В теплушках везла перекатная голь,
Бездомная голь — перелетная птица —
Менять на муку и лиманскую соль
Ночную посуду и пестрые ситцы...
Степные заносы, ночные гудки.
Романтика в угол забилась, как заяц,
В тюки с табаком и в мучные мешки
Вонзаясь когтями, зубами вгрызаясь...
Приехали! Вился по улицам снег.
И вот сквозь метелицу, злой и понурый,
Ко мне подошел молодой человек:
— Романтика, вы мне нужны для халтуры!
Для новых стихов не хватило огня,
Над рифмой корпеть недостало терпенья;
На тридцать копеек вдохните в меня
Гражданского мужества и вдохновенья...—

Пустынная нас окружает пора,
Знамена в чехлах и заржавели трубы.
Мой друг! Погляди на меня — я стара:
Морщины у глаз и расшатаны зубы...
Мой друг! Погляди — я бездомная тень,
Бездомные песни в ночи запеваю,
К тебе я пришла сквозь туман и сирень,
Такой принимаешь меня?

— Принимаю!

Вложи свои пальцы в ладони мои,
Старушечьей ниже склонись головою —
За мною войсками стоят соловьи,
Ты видишь — июльские ночи за мною!

* * *

От черного хлеба и верной жены
Мы бледною немочью заражены...
Копытом и камнем испытаны годы,
Бессмертной полынью пропитаны воды, —
И горечь полыни на наших губах...
Нам нож — не по кисти,
Перо — не по нраву,
Кирка — не по чести,
И слава — не в славу:
Мы — ржавые листья
На ржавых дубах...
Чуть ветер,
Чуть север —
И мы облетаем.
Чей путь мы собою теперь устилаем?
Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?
Потопчут ли нас трубачи молодые?
Взойдут ли над нами созвездья чужие?
Мы — ржавых дубов облетевший уют...
Бездомною стужей уют раздуваем...
Мы в ночь улетаем!
Мы в ночь улетаем!
Как спелые звезды, летим наугад...
Над нами гремят трубачи молодые,
Над нами восходят созвездья чужие,
Над нами чужие знамена шумят...

Чуть ветер,
Чуть север —
Срывайтесь за ними,
Неситесь за ними,
Гонитесь за ними,
Катитесь в полях,
Запевайте в степях!
За блеском штыка, пролетающим в тучах,
За стуком козыта в берлогах дремучих,
За песней зрубы, потонувшей в лесах...

РАЗГОВОР С КОМСОМОЛЬЦЕМ Н. ДЕМЕНТЬЕВЫМ

— Где нам столкнуться!
Вы — другой народ!..
Мне — в апреле двадцать,
Вам — тридцатый год.
Вы — уже не юноша;
Вам ли о войне...
— Коля, не волнуйтесь,
Дайте мне...
На плацу, открытом
С четырех сторон,
Бубном и копытом
Дрогнул эскадрон;
Вот и закачались мы
В прозелень травы,—
Я — военспецом,
Военкомом — вы...
Справа — курган,
Да слева курган;
Справа — нога,
Да слева нога;
Справа наган,
Да слева шашка,
Цейс посередке,
Сверху — фуражка...
А в походной сумке —
Спички и табак,
Тихонов,

Сельвинский,
Пастернак...

Степям и дорогам
Не кончен счет;
Камням и порогам
Не найден счет;
Кружит паучок
По загару щек;
Сабля да книга—,
Чего ещё?
(Только ворон выслан
Сторожить в полях...
За полями Висла,
Ветер да поляк;
За полями ментик
Вылетает в лог!)

Военком Дементьев,
Саблю наголо!
Проклюют навывлет,
Поддадут коленом,
Голову намывают,
Лошадиной пеной...
Степь заместо простыни:
Натянули — раз!
...Добротными саблями
Побреют нас...

Покачусь, порубан,
Растянусь в траве,—
Привалюся чубом
К русой голове...
Не дождались гроба мы,
Кончили поход...
На казенной обуви
Ромашка цветет...
Пресловутый ворон
Подлетит в упор,
Каркнет «nevermore» он
По Эдгару По...
«Повернитесь, встань-ка...
Затрубите в рог...»
(Старая романтика,
Черное перо!)

— Багрицкий, довольно!

Что за бред!..

Романтика уволена —

За выслугой лет;

Сабля — не гребенка,

Война — не спорт;

Довольно фантазировать,

Закончим спор, —

Вы — уже не юноша,

Вам ли о войне!..

— Коля, не волнуйтесь,

Дайте мне...

Лежим, истлевающие

От глотки до ног...

Не выцвела трава еще

В солдатское сукно;

Еще бежит из тела

Болотная ржавь,

А сумка истлела,

Распалась, рассеклась;

И книги лежат...

На пустошах, где солнце

Зарыто в пух ворон,

Туман, костёр, бессонница

Морочат эскадрон.

Мечется во мраке

По степным горбам:

«Ехали казаки,

Чубы по губам...»

А над нами ветры

Ночью говорят:

— Коля, братец, где ты?

Истлеваю, брат! —

Да в дорожной яме,

В дряни, в лоскутах,

Буквы муравьями

Тлеют на листах...

(Над вороньим кругом —

Звездный лед,

По степным яругам

Ночь идет...)

Нехристь или выкрест
Над сухой травой,—
Размахнулись вихри
Пыльной булавой.
Вырваны ветрами
Из бочаг пустых,
Хлопают крылами
Книжные листы;
На враждебный Запад
Рвутся по стерням:
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак...

(Кочуют вороны,
Кружат кусты.
Вслед эскадрону
Летят листы.)

Чалый иль соловый
Конь храпит.
Вьется слово
Кругом копыт.
Под ветром снова
В дыму щека;
Вьется слово
Кругом штыка...
Пусть покрыты плесенью
Наши костяки,
То, о чем мы думали,
Ведет штыки...
С нашими замашками
Едут пред полком —
С новым военспецом
Новый военком.
Что ж! Дорогу нашу
Враз не разрубить:
Вместе есть нам кашу,
Вместе спать и пить...
Пусть другие дразнятся!
Наши дни легки...
Десять лет разницы —
Это пустяки!

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

ИЗ ПЕСЕН СВОБОДЫ

Ты, кровью святой обгаренный,
Наш молот борьбы и труда!
Народы, несите короны,
Мы их разобьем навсегда.
Пускай не алмазы сверкают
На важных, пустых головах,
Пускай разольется по краю
Свет истин, сражающих мрак.

Кто раз поклонился тирану —
Тот будет надолго рабом,
Свободы великие страны
Велики свободным трудом.
Над нами безумцы сидели,
А ими владело ничто,
Мы слишком их долго терпели,
И слишком платились за то.

Что было, сгорело в боренье,
Но яд не сгорает в крови,
Народы, в грядущих движениях
Следите ошибки свои...

А те, что ценились богато,
Все знаки позорных наград
Сегодня в минуты расплаты
Народу пускай возвратят.

Мы вышли из дебрей тумана
И новой дорогой идем,
Быть может, до волн океана
Мы знамя свобод донесем.
Быть может, в окоп из окопа
Пройдет огневая волна
И черные тропы Европы
Падут, как видения сна.

И, сбросив одежды печали,
Воскликнут в восставшей стране:
— Как долго мы мертвые спали,
Как страшно мы жили во сне!
Закроются жгучие раны,
Растворятся двери гробов,
Не будет на тронах тиранов,
Не будет у трона — рабов.

И красное знамя покроет
Наш молот сердец огневых,
Ковавший бессмертным героям
Оружье сражений святых.
И в бури печей раскаленных
Послушно ложится руда...
Народы! Несите короны,
Мы их разобьем навсегда!

* * *

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Даже породниться с нею стоит,
Снова глину замешать огнем,
Каждое желание простое
Осветить неповторимым днем.

Так живу, а если жить устану,
И запросится душа в траву,
И глаза, не видя, в небо взглянут,—
Адвокатов рыжих позову.

Пусть найдут в законах трибуналов
Те параграфы и те года,
Что в земной дороге растоптала
Дней моих разгульная орда.

* * *

Огонь, веревка, пуля и топор,
Как слуги, кланялись и шли за нами,
И в каждой капле спал потоп,
Сквозь малый камень прорастали горы.
И в прутике, раздавленном ногою,
Шумели чернорукие леса.

Неправда с нами ела и пила,
Колокола гудели по привычке,
Монеты вес утратили и звон,
И дети не пугались мертвецов...
Тогда впервые выучились мы
Словам прекрасным, горьким и жестоким.

* * *

Когда уйду,— совсем согнетса мать,
Но говорить и слушать так же будет,
Хотя и трудно старой понимать,
Что обо мне рассказывают люди.

Из рук уронит скользкую иглу,
И на щеках заволокнутся пятна,
Ведь тот, что не придет уже обратно,
Играл у ног когда-то на полу.

* * *

Мою душу кузнец закалил не вчера,
Студил ее долго на льду.
— Дай руку,— сказала мне ночью гора,—
С тобой куда хочешь пойду!

И солнечных дней золотые шесты
Остались в распутьях моих,
И кланялись в ноги, просили мосты,
Молили пройти через них.

И рощи кричали: любимый, мы ждем,
Верны твоему топору! —
Овраги и рощи горячим дождем
Мне тайную грели нору.

И был я беспутен, и был я хмелен,
Еще кровожадней, чем рысь,
И каменным солнцем до ног опален,—
Но песнями губы зажглись.

* * *

Полюбила меня не любовью,
Как березу огонь,— горячо,
Веселее зари над становьем
Молодое блестело плечо.

Но ни песней, ни бранью, ни ладом
Не ужились мы долго вдвоем, —
Убежала с угрюмым номадом,
Остробоким свистя какном.

Ночью, в юрте, за ужином грубым
Мне якут за охотничий нож
Рассказал, как ты пьешь с медногубым
И какие подарки берешь.

«Что же, видно, мои были хуже?»
«Видно, хуже», — ответил якут.
И рукою, лиловой от стужи,
Протянул мне кусок табаку.

Я ударил винтовкою оземь,
Взял табак и сказал: «Не виною.
Видно, брат, и сожженной березе
Надо быть благодарной огню».

* * *

Длинный путь. Он много крови выпил.
О, как мы любили горячо —
В виселиц качающемся скрипе
И у стен с отбитым кирпичом.

Этого мы не расскажем детям,
Вырастут и сами все поймут,
Спросят нас, но губы не ответят
И глаза улыбки не найдут.

Показав им, как земля богата,
Кто-нибудь ответит им за нас:
«Дети мира, с вас не спросят платы,
Кровью все откуплено сполна».

* * *

Не заглушить, не вытоптать года, —
Стучал топор над необъятным срубом,
И вечностью каленая вода
Вдруг обожгла запекшиеся губы.

Владеть крылами ветер научил,
Пожар шумел и делал кровь янтарной,
И брагой темной путников в ночи
Земля поила благодарно.

И вот под небом, дрогнувшим тогда,
Открылось в диком и простом убранстве,
Что в каждом взоре пенится звезда
И с каждым шагом ширится пространство.

ПЕРЕКОП

Катятся звезды к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих,
Винтовка, подсумок, противогаз
И хлеба — фунт на троих.

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад.
Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал, и огонь и дым,
Но приказу верен солдат.

«Красным полкам —
За капканом капкан...»
...Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг — наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед —
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступить черед.

За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами — города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.

За горами же солнце, и отдых, и рай,
Пусть это мираж — все равно!
Когда тысячи крикнули слово: «Отдай!» —
Урагана сильнее оно.

И когда луна за облака
Покатилась, как рыбий глаз,

По сломанным рыжим от крови штыкам
Солнце сошло на нас.

Дельфины играли вдали,
Чаек качал простор,
И длинные серые корабли
Поворачивали на Босфор.

Мы легли под деревья, под камни, в траву,
Мы ждали, что сон придет,
Первый раз не в крови и не наяву,
Первый раз на четвертый год ...

Нам снилось, если сто лет прожить —
Того не увидят глаза,
Но об этом нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать!

БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.

«Команда, во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.

И слова равняются в полный рост:
«С якоря в восемь. Курс — ост.

У кого жена, дети, брат —
Пвишите, мы не придем назад.

Зато будет знатный кегельбан».
И старший в ответ: «Есть, капитан!»

А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.

«Не все ли равно, — сказал он, — где?
Еще спокойней лежать в воде».

Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

БАЛЛАДА О СИНЕМ ПАКЕТЕ

Локти резали ветер, за полем — лог,
Человек добежал, почернел, лег.

Лег у огня, прохрипел: «Коня!» —
И стало холодно у огня.

А конь ударил, закусил мундштук,
Четыре копыта и пара рук.

Озеро — в озеро, в карьер луга,
Небо согнулось, как дуга.

Как телеграмма, летит земля,
Ровным звоном звенят поля.

Но не птица сердце коня, не весы,
Оно заводится на часы.

Два шага — прыжок, и шаг хромал,
Человек один пришел на вокзал.

Он дышал, как дырявый мешок.
Вокзал сказал ему: «Хорошо».

«Хорошо», — прошумел ему паровоз
И синий пакет на север повез.

Повез, раскачиваясь на весу,
Колесо к колесу, колесо к колесу.

Шестьдесят верст, семьдесят верст,
На семьдесят третьей — река и мост.

Динамит и бикфордов шнур — его брат,
И вагон за вагоном в ад летят.

Капуста, подсолнечник, шпалы, пост,
Комендант прост и пакет прост.

А летчик упрям и на четверть пьян,
И зеленою кровью пьян биплан.

Ударили в небо четыре крыла,
И мгла зашаталась, и мгла поплыла.

Ни прожектора, ни луны,
Ни шороха поля, ни шума волны.

От плеч уж отваливается голова.
Тула мелькнула — плывет Москва.

Но рули заснули на лету,
И руль высоты проспал высоту.

С размаху земля навстречу бьет.
Путая ноги, сбегался народ.

Сказал с землею набитым ртом:
«Сначала пакет — нога потом».

Улицы пусты — тиха Москва,
Город просыпается едва-едва.

И Кремль еще спит, как старший брат,
Но люди в Кремле никогда не спят.

Письмо в грязи и в крови запеклось,
И человек разорвал его вкось.

Прочел, о френч руки обтер,
Скомкал и бросил на ковер:

«Оно опоздало на полчаса,
Не нужно — я все уже знаю сам».

ПЕСНЯ ОБ ОТПУСКНОМ СОЛДАТЕ

Батальонный встал и сухой рукой
Согнул пополам камыш:
«Так отпустить проститься с женой,
Она умирает, говоришь?»

Без тебя винтовкой меньше одной, —
Не могу отпустить. Погоди:
Сегодня ночью последний бой.
Налево кругом — иди!»

...Пулемет задышался, хрипел, бил,
И с флангов летел трезвон,
Одиннадцать раз в атаку ходил
Отчаянный батальон.

Под ногами утренних лип
Уложили сто двадцать в ряд.
И табак от крови прилип
К рукам усталых солдат.

У батальонного по лицу
Красные пятна горят,
Но каждому мертвецу
Сказал он: «Спасибо, брат!»

Рукою, острее ножа,
Видели все егеря,
Он каждому руку пожал,
За службу благодаря.

Пускай гремел их ушам
На другом языке отбой,
Но мертвых руки по швам
Равнялись сами собой.

«Слушай, Денисов Иван!
Хоть ты уж не егерь мой,
Но приказ по роте дан,
Можешь идти домой».

Умолкли все — под горой
Ветер, как пес, дрожал.
Сто девятнадцать держали строй,
А сто двадцатый встал.

Ворон сорвался, царапая лоб,
Крича, как человек.
И дымно смотрели глаза в сугроб
Из-под опущенных век.

И лошади стали трястись и ржать,
Как будто их гнали с гор,
И глаз ни один не сумел поднять,
Чтобы взглянуть в упор.

Уже тот далеко ушел на восток,
Не оставив на льду следа,—
Сказал батальонный, коснувшись щек:
«Я, кажется, ранен. Да».

ЛЮБОВНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Может быть, ты возникла,
Как совесть, лично
Опровергла мою прямоту.
Так моряк отмечает
На карте отличной
Глубину — по ошибке не ту.

Может быть, то любовная
Мгла ночей —
Садоводов неведомых зов,
Обязательно слива без косточек,
Состязание чувств — без призов.

Может, это купанье, где издали
Только взмахи и пена, и вдруг
Узнаешь, если отмели выдали,
Белизну опьяняющих рук.

Может, август и душно,
Гости до дна
Иссушили беседу, и, кроме
Облаков над полями,
Только ты и верна
Всем прохладам,
Не понятым в доме.

Может быть, то легенда —
С ума сойти
Всем по списку подряд
И, опять
Безыменно вернувшись
На те же пути,
Отмелькавший рассказ повторять...

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Обычной тенью входит день.
Одежда та же: тесен ворот —
Попробуй возьми его, переодень.
Скажи, что меняешь обычай и город.

Он будет выть, от страха седой,
Вопьется ногтями, от крика устав.
Он будет грозить нищетой и бедой,
Он выложит все счета.

Но, как пересохший табак, распыли
Привычки — сбеги с этажей.
Увидишь, как пляшут колени земли,
Какая улыбка у ней.

А может быть, ярость? А может —
Одно дуновенье ресниц далеко
Тебя заведет, чудесами изложет,
Оставит навек чужаком?

Соглашайся не медля! Из дому
Задумано бегство. Ведь надо же знать,

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

ЛЕДОХОД

Я — делегат небесной рати
И от весеннего Цека,
Я — солнце — нынче председатель
И на земле и в облаках!

Вчера работали на поле,
Теперь — с апрелем вы вдвоем
Пришли освободить на волю
Ручьево-реченский район.

Осеребренные руины
Лучами всюду запалив,
Неситесь, бронзовые льдины,
Стремясь в расплавленный залив!

Умойтесь волнами разлива,
Пускаясь в быстрый ледоход,
Промчитесь стройно и игриво
Под флагом песен и свобод!..

Дворцы зимы живеј громите,
С голов отряхивайте снег.

Товарищи, на митинг!..
Первый вопрос —
О весне.

ВЗВЕЙТЕСЬ КОСТРАМИ

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы пионеры —
Дети рабочих.
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Радостным шагом,
С песней веселой
Мы выступаем
За комсомолом...
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Мы поднимаем
Алое знамя.
Дети рабочих,
Смело за нами!
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Грянем мы дружно
Песнь удалую
За пионеров —
Семью мировую!
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

НА ЛЕКЦИЮ, ЗА КНИГУ!

На лекцию, за книгу, за тетрадь!
Врывайтесь в дебри формул и законов!
Нам надо научиться понимать
Язык ветров и солнца перезвоны...

Мы думаем —
Когда ревет пурга,
Когда вода в горячке наводнения, —
Что человека хочет, как врага,
Смести пурга, снести вода в мгновенье.

И если где-нибудь начнет вулкан
Землетрясением колыхать природу,
Мы думаем:
Вулкану кем-то дан
Недобрый знак к злодейскому походу.

Ах, чудак!
Да нет же, вовсе нет!
Вода мирна. Зачем вулкану драться?
Но надо ж им в докучном беге лет
Когда-нибудь с досады разгуляться.

Нельзя же им молчать из века в век
И молча прятать от людей зевоту, —
Им хочется, чтоб понял человек,
Что и природу
Взять пора в работу!

Не нам ли суждено завоевать,
Понять земли тоскующее лоно?..
На лекцию, за книгу, за тетрадь!
Врывайтесь в дебри формул и законов!

НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА

Не кипучий смерч землетрясений
Мир хлестнул неударжимым шквалом...

Это весть о том,
Что умер Ленин,
Весть о том,
Что Ленина
Не стало...

Солнце, стой!
Эх, солнце, сделай милость:
Подожди лучом в снегах звучать!
Ты не знаешь, что остановилось
Огненное сердце Ильича?!

Мир, завод, станок мой неустанный,
Не придет садовник в буйный сад!
Слушай, мир:
Рабочего-титана
Нынче потеряли кордуса!

И в полях, где голос в песне звонок
И широк лихой, просторный зык,
Видел я:
Заплакал как ребенок,
Никогда не плакавший мужик.

Видно, все взметенными годами
Глубоко вросли в октябрьский клич;
Видно, крепкими, стальными проводами
С простолюдьем
Был скреплен Ильич.

Значит, в топках новых поколений,
Где незыблем ленинский закал,
Будет жить
Мильоноглавый Ленин,
Значит, наш Ильич не умирал!

И зачем под гром землетрясений
И под всплески океанских шквалов
Мчится весть о том,
Что умер Ленин,
Весть о том,
Что Ленина
Не стало?!

ЛАЗОРЕВЫЕ ГЛАЗА

Как узнать, что у ней за душой?
Не назвать ни своей, ни чужой.

Не читал ее длинных анкет...
Кто был прадед ее, кто был дед?

Обо всем бы узнать поскорей,
Но в ответ только шелест кудрей.

И всего тебя тихо обдаст
Несознательной вспышкой глаз...

Эти в нежной лазури глаза
Голосуют: ты — против? Ты — за?..

В ожиданье лукавом она,
За меня — голосует весна!

Ею сердце приподнято — за!
За лазоревые глаза.

Ох, уж этот лазоревый цвет!
Едуг он тенью падет на билет?

Паренек на кружок не пришел,
Паренек — кандидат в комсомол...

А наутро чуть явишься в цех —
Встретят шутки, намеки и смех.

Хмурый взгляд секретарский — в упор,
И... сознательный разговор.

Из-за пары лазоревых глаз
Скажут мне: оторвался... от масс.

В цех — наутро, в ячейку, и вот —
Неожиданный оборот:

Те глаза — так развейся, хмарь! —
Наш райкомовский секретарь!

ПЕСНЯ О МЕТАЛЛЕ

Слушайте — грусть о металле
Льетса по нашей стране:
— Стали! Побольше бы стали!
Меди! Железа — вдвойне!

— Мало! Повыситы! Утроить
Хватку плавильных печей!..
— Балок для новых построек!
— Рельсы для новых путей!

Жадность к металлу вскипает
В наших просторных полях.
— Мало!.. Машин не хватает.
Помните о тракторах,

О проводах для избушек...
Но не забыть о другом:
Мы ведь не можем без пушек
Укараулить свой дом.

Нужен нам красноармеец —
Плетью для вражых задир.
Мы без штыков не сумеем
Укараулить свой мир.

И в нарастающем гуле
Там, где пока еще ночь,
Могут свинцовые пули
Братьям далеким помочь.

Мощный поток нашей стали
Станет преградой войне...
Слушайте: грусть о металле
Гулко звучит по стране!

Плавьте, не зная досуга.
Пламя не гаснет в печи...
Пару полос — для плуга,
Пару полос — на мечи.

ЛЕНИН
НА ТРЕТЬЕМ СЪЕЗДЕ РКСМ

Пришедшие
Из всех углов страны,
С фронтов, с заводов,
Из глухих селений,
Мы были
В первый миг ослеплены,
Оглушены,
Когда сказали:
Ленин!

Не передать
Ни радости такой,
Ни клёкота
Рукоплесканий жгучих...
К эстраде
Сгрудились мы
Тысячной толпой,
Зал грохотал
Овацией могучей.

Товарищ Ленин
Руку поднимал,
Молил пощады!..
Но «пощада» — мимо!
И, осажденный радостью, стоял
Он перед лагерем
Неумолимым...

— Скажи, Ильич,
Что делать нам с собой,
С сердцами,
Вдребезги готовыми разбиться?
В боях мы были,
Вновь готовы в бой!..—
А он нахмурился
И вдруг сказал:
— Учиться!

— Учиться? Что?
Мы землю на дыбы

Поставим,
Как взбешенную тигрицу!..—

А он:

— Не отрываясь от борьбы,

Учиться.

И учиться!..

И учиться!..

— Учиться?.. Как?!

Великий командир,

В стране

Дела найдутся... поважнее, —

А он — свое:

О том, что новый мир

Без знания мы

Построить не сумеем!..

Ильич спокоен,

Снова и опять

Слова: мораль...

Труддисциплина...

Знания...

О том,

Что надо смену воспитать

В коммунистическом

Соревнованье.

...Мы этих слов

Не слышали вовек...

Они сложны,

Слова простые эти,

Не знали мы,

Что может человек

Так зорко разглядеть

Пути столетья.

Простой... Родной...

Лицо... Часы... Жилет...

В руке листок,

На нем рисунок: школа...

И в этот день

Он на десятки лет
Нам написал
Программу
Комсомола.

ВОСКРЕСНИК

Такого утра не было давно,
Такое солнце не всегда бывает,
Так празднично, так радостно оно,
Как будто в день великий Первомая!

И воздух точно взбитый на меду,
Когда он солнцем напоен весенним,
Ах, солнышко,
Твою любовь к труду
Мы, трудармейцы, неизменно ценим.

С тобой
Сердцам взволнованным тепло.
Твой свет сияет
С нашим светом вместе!
По комсомольской просьбе ты пришло
В Можайск
На первый школьный наш воскресник.

Лей горячей своих лучей вино,
Оно бодрит и силы укрепляет.
Такого утра не было давно,
Такое солнце
Не всегда бывает!

ОСЕННЯЯ ПРЕЛЮДИЯ

А. В. Луначарскому

Я почти не знал
Поры неволи,
Ей в лицо

Проклятьем не гремел.
Я из тех,
Кто опоздал в подполье
И в тюрьму немного не успел.

Я, друзья мои,
Из той породы
У которой в грозные часы,
В октябре семнадцатого года,
Не было
Намека на усы.

Но и я
С неукротимым пылом
Нес свои тринадцать с чем-то лет
Так, чтобы скорее можно было
Возложить их
На алтарь побед.

Не один
Такой вот шустрый мальчик
Поднимался юнгой на корабль.
Я из тех,
Которых нежно нянчил
И растил
В своих боях Октябрь.

Он носил нас
По своим невзгодам
И купал нас в радостях своих...
Из друзей, прошедших путь походов,
Многих нет
Теперь уже в живых...

А у тех,
Кого десятилетье
Сохранило на своей заре,
Есть уже
Малюсенькие дети,
Говорящие... об Октябре.

Знают все они,
Что значит — Ленин...

Знают:
С ним пришла земли весна.

Неразрывной
Цепью поколений
Жизнь страны моей
Укреплена.

Ну и что ж,
Что в грозную погоду
У теперешней
Как говорят, «комсы»
Осенью семнадцатого года
Не было намека на усы?..

Стали мы
Надежным мостом к новым
Людам, подрастающим гурьбой,
Мы за них
Теперь пойдем на бой
И за вас,
Обласканных суровой
И благословенною судьбой!

СОЛДАТАМ ДЗЕРЖИНСКОГО

Пусть слюнтяи
Вас не почитают,
Пусть враги
На вас клеветают вновь...
Тот,
Кто ненависти не рождает,
Не имеет права на любовь.

Только жулики
Да простофили
Щеголяют кротостью овцы.
Нам — не надо.
Наша правда — в силе.
Мы ведь не толстовцы,
А борцы.

Мы не будем
Жалобой и стоном
Умолять проклятую судьбу,
Наше дело —
Дело миллионов,
Подымающихся на борьбу.

В дни боев
И в эти дни затишья
Где-то против нас
Ведут войну.
Надо слышать,
Надо чутко слышать
Даже то,
Как маленькие мыши
Хитро подбираются к окну.

Надо видеть,
Как ползет зараза.
И, чтоб вовремя ее отсечь,
Кроме, очень пристального глаза,
Нужен
Очень точный меч.

Справедливым
В поединке жарком
Будь всегда, размах его крутой!.,
Я несу вам
Дружеским подарком
Этот стих,
Сердечный и простой.

Пусть слюнтяи
Вас не почитают,
Пусть враги
На нас клеветают вновь...
Тот,
Кто ненависти не рождает,
Не имеет права на любовь.

АЛЕКСАНДР БЕЗЫМЕНСКИЙ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.

Смелей вперед, и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Ведь сами испытали
Мы подневольный труд,
Мы юности не знали
В тенетах рабских пут.

На душах цепь носили мы —
Наследье непроглядной тьмы.
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

И, обливаясь потом,
У горнов став своих,
Творили мы работой
Богатство для других.

Но этот труд в конце концов
Из нас же выковал борцов,
Нас — молодую гвардию
Рабочих и крестьян.

Мы поднимаем знамя!
Товарищи, сюда!
Идите строить с нами
Республику Труда!

Чтоб труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял, —
В бой, молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

ПАРТБИЛЕТ

Есть старенькие-старенькие мамы...
Пусть мы в борьбе сжигаем наши дни,
Они вдруг в памяти, наполненной громами,
Мелькнут, как чуждые, но теплые огни.

И вспомнится тогда не мать санкюлотов,
Несущая сама винтовку и плакат,
А та, кому страшней, чем сто переворотов,
Что непослушный сын
Не выпил молока...

Мама —
Она не становится хуже,
С соской ли ты, с бородой ли.
Вечно в глазах её мечется ужас
Перед сыновней долей.

Мама —
Она постоянно грустит
И убивается вечно.
Ей не понять, что иные пути
Сотнями солнц расцвечены...

Помню, как много доставил ей мук я
В дебрях мальчишеских лет,
Помню, как с братом из детского лука
Расстреливал царский портрет.

Помню, как я объявил голодовку,
А голодать мне лишь час пришлось!
(Так я впервые провел забастовку
В защиту отобранных папирос...)

Помню, я вырос, а мама рыдала:
— Мальчик за книжкой ночи не спал...
Но перестала, узнав, что читал я
Трезвую книгу:
«Капитал»...

О мама, мама, где твои примочки!
От трезвой книги протрезви скорей!
Ведь становился я от каждой строчки,
От слова каждого пьяней.

И вот теперь за повод дней берусь я,
За повод дней, что раньше нас влекли,
Иду на мир — и на тебя, мамуся,
Я, пьяный радостью властителей земли.

Но с тех же пор...как ноют грудь и плечи!
Я, бывший мальчиком самой весны резвей
И пьяный юностью, простою, человечей,
От строк безжалостных навеки протрезвел.

И вот умею я все видеть так, как надо,
Лучами глаз своих пронзить любой покров:
Провидеть в фабрике — веков грядущих радость,
Увидеть в золоте — сочащуюся кровь...

И знаю: не один за повод дней берусь я,
Тьма тем фабричных рук их к солнцу повели!
Иду, иду на мир — и на тебя, мамуся,
Я, трезвый мудростью властителей земли.

И вот недавно
Заехал к маме
Из нового ячейкиного дому:
Милыми старческими глазами
Глянул в глаза мне тихонький омут.

Те же у матери радости, беды...
— Хлеб вздорожал, и посуда, и нитки...
Только подчас мой отец за обедом
Говорит о высокой политике.

Мама вновь: молоко, яички...
Только буркнет мельком иногда:
— Знаешь, сын? Я сама большевичка,
Коммунисткой же быть... никогда.

Или вдруг просияет надеждой,
В уголке где-нибудь сидит
Над моею драной одеждой,
Бубнит:

— «Капитал» ты читал — капитала не нашёл,
Ну и не наживешь, поверь.
Но дорога тебе не одна же?
Побыл в партии — будет теперь...

И однажды, при помощи брата,
Выкрала мой партбилет
И, его в закоулок запрятав,
Расцвела как маков цвет.

Я же, дерзкий, голову старую
К мощной прижал груди:
— Мама, ты слышишь ли эти удары?
Что там гудит?

Я глядел ей вослед, ушедшей...
Ну, что ей увидеть, слепой?
Наверно, сочтет сумасшедшим...
Пьяным собой...

Не понять ей, старенькой маме,
Пятнышку в нашей борьбе,
Что ношу партбилет не в кармане —
В себе.

О ШАПКЕ

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти.

Кто о женщине. Кто о тряпке.
Кто о песнях прошедших дней.
Кто о чем,
А я — о шапке
Котиковой,
Моей.

Почему в ней такой я гордый?
Не глаза ведь под ней, а лучи!
Потому что ее
По ордеру
Получил.

• • • • •

В девятнадцатом в Киев на отдых
Я, усталый, приехать смог
И, покою два дня лишь отдав,
На третий — в окопы лег.

Мы, голодные, жизнь творили!
Но знали: есть голод-волк.
В этот день мы без пуль покорили
Восставший девятый полк...

Да, о шапке...
И вот оттуда —
Я в Москву, на военный сбор,
И в Цека получил, как чудо,
Ордер
«На головной убор».
Ордер этот
В охапку,
В распределитель путь.
Получил я там — летом! —
Шапку
Котиковую,
Не какую-нибудь...

• • • • •

И теперь вот, сейчас, сегодня,
Мимо салом заплывших витрин,
Я шагаю, знаменем подняя
Шапку военных годин.

И теперь, что-нибудь покупая,
Выбирая ли, роясь в вещах,
Я об ордере прежнем мечтаю
И новых, идущих днях.

И, прочтя бюллетень о банкноте
Или весть о борьбе биржевой,
Я гляжу на встревоженный котик
С думой грозовой:

Пусть катается нэпман на форде,
Проживает в десятках квартир...
Будет день:
Мы предъявим
Ордер
Не на шапку —
На мир.

ПАРТБИЛЕТ № 224332

Весь мир грабастают рабочие ручки,
Всю землю щупают, — в руках чего-то нет...

Скажи мне, Партия, скажи мне, что ты ищешь? —
И голос скорбный мне ответил:
— Партбилет...

Один лишь маленький.. а сердце задрожало,
Такой беды большой — еще никто не знал!
Вчера, вчера лишь я в руках его держала,
Но смерть ударила — и партбилет упал...

Эй, пролетарии! Во все стучите двери!
Неужли нет его и смерть уж так права?
Один лишь маленький, один билет потеряя,
А в боевых рядах — зияющий провал...

Я слушал Партию и боль ее почувал.
Но сталью мускулов наполнилась рука:
— Ты слышишь, Партия? Тебе, тебе кричу я!
Тебя приветствует рабочий от станка.

Я в Партию иду. Я — сын Страны Советов.
Ты слышишь, Партия? Даю тебе обет:
Пройдут лишь месяцы — сто тысяч партбилетов
Заменят ленинский утраченный билет.

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

КОМСОМОЛ

1

Трубы, солнцем сожженные,
Хрипло дымят в закат.
Думаешь: легко Джону
У станка?

Льет завод расплавленный камень...
Видишь: молот — и ему лень...
Где же Джону с двумя руками
По двенадцать часов в день?

2

Джон в восемнадцать лет
Первый бунтарь в заводе...
Забастовочный комитет
Сегодня митинг проводит.

Мутно-свинцовую грязь
Трубы устали выбрасывать,
Сегодня в заводе праздник
Пролетарский,
Классовый,

3

Крылья зарев машут вдалеке,
Осторожный выстрел эхом пойман,
А у Васьки в сжатом кулаке
Пять смертей затиснуты в обойму.

В темный час ленивая изба
Красный флаг напаялила с опаской...
От идущей нечисти избавь,
Революция антихристова, Ваську!

Под папахой мокнет черный чуб,
Бьется взгляд, простреленный навывлет.
Сумерки, прилипшие к плечу,
Вместе с Васькой думу затаили.

Стынет день в замерзшей синеве,
Пляшет дружно хоровод снежинок,
Да читает окровавленный завет
Ветер — непослушный инок.

4

Джоном получен приказ
Собрать молодежь завода...
Каменной шее станка
Джон свои руки отдал.

Джона года
Ждали машины...
Если надо, душу отдаст
В порядке партийной дисциплины.

5

Месяц в небе задумчив и строг.
Стелет синий ковер на порог,
У порога месяц прочел
Незнакомое: «Комсомол».

Ветер гладит и чешет сосну,
Хорошо бы сосне соснуть...
Чью-то грусть сберегла тишина...
Хорошо бы Ваське узнать,
Хорошо бы винтовку с плеч,
Под лучи голубые лечь,

6

Джон и Васька вдвоем идут...
В небе, на туче прохожей,
Пятигранную стелет звезду
Коминтерн Молодежи...

УТРОМ

Ранним утром счастливые вести
Мне газеты опять принесли —
И о том, что волненья в Триесте,
И о том, что здоров Ильич.
На окне моем изморозь вяжет
Сноп запахнувших зимних цветов,
Мне сегодня о многом расскажут
Корпуса онемевших шрифтов.
Льют столбцы оживленные пренья,
Непонятные для меня...
С белой стенки наклонится Ленин
И тихонько начнет объяснять.
Декабря непонятным узором
Расписались на мерзлом окне...
Будут Ленинка добрые взоры
На холодном стекле леденеть.

Вьюга снежно ворвется в сени
Разузнать у замерзших шрифтов
И о том, что где-то волненья,
И о том, что Ильич здоров.

РАБФАКОВКЕ

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы, —
Это скачет Жанна д'Арк
К осажденному Орлеану.

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка менуэта, —
Это празднует Трианон
День Марии-Антуанетты.

В двадцать пять небольших свечей
Электрическая лампадка, —
Ты склонилась, сестры родней,
Над исписанную тетрадкой...

Громкий колокол с гулом труб
Начинают «святое» дело:
Жанна д'Арк отдает костру
Молодое тугое тело.

Палача не охватит дрожь
(Кровь людей не меняет цвета), —
Гильотины веселый нож
Ищет шею Антуанетты.

Ночь за звезды ушла, а ты
Не устала, — под переплетом
Так покорно легли листы
Завоеванного зачета.

Ляг, укройся, и сон придет,
Не томись минутой лишней.
Видишь: звезды, сойдя с высот,
По домам разошлись неслышно.

Ветер форточку отворил,
Не задев остального зданья,
Он хотел разглядеть твои
Подошедшие воспоминанья.

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели.

Так же колокол ровно бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена наша Жанна.

Мягким голосом сон зовет.
Ты откликнулась, ты уснула,
Платье серенькое твое
Неподвижно на спинке стула.

ГРЕНАДА

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко» песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит.

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?

Скажи мне, Украина,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
— Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Граматику боя —
Язык батарей.
Восход подымался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя?»

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слышали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погода
На бархат заката
Слезинка дождя...

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

* * *

Я в жизни ни разу не был в таверне,
Я не пил с матросами крепкого виски,
Я в жизни ни разу не буду, наверно,
Скакать на коне по степям аравийским.

Мне робкой рукой не натягивать парус,
Веслом не взмахнуть, не кружить в урагане,—
Атлантика любит соленого парня
С обветренной грудью, с кривыми ногами...

Стеной за бортами льдины сожмутся,
Мы будем блуждать по огромному полю,—
Так будет, когда мне позволит Амундсен
Увидеть хоть издали Северный полюс.

Я, может, не скоро свой берег покину,
А так хорошо бы под натиском бури,
До косточек зная свою Украину,
Тропической ночью на вахте дежурить.

В черниговском поле, над сонною рошей
Подобные ночи еще не спускались, —
Чтоб по небу звезды бродили на ощупь
И в темноте на луну натыкались...

В двенадцать у нас запирают ворота,
Я мчал по Фонтанке, смешавшись с толпою,
И все мне казалось: за поворотом
Усатые тигры прошли к водопою.

ПЕСНЯ

Товарищи! Быстрее шаг!
Опасность за спиною:
За нами матери спешат
Разбросанной толпою.

Они направились левой,
Чтоб пересечь дорогу,
Но только спины сыновей
Они увидеть смогут.

Когда же от погонь спасишь
Не сможет наша рота, —
Тогда, товарищ, обернись
И стань вполоборота.

В такие дни таков закон:
Со мной, товарищ, рядом
Родную мать встречай штыком,
Глуши ее прикладом.

Нам баловаться сотни лет
Любовью надоело.
Пусть штык проложит новый след
Сквозь маленькое тело...

Бегут в раскрытое окно
Слова веселой песни
И мать моя давным-давно
Уснула в старом кресле.

Как хорошо уснула ты!..
И я гляжу с волнением
На тихие твои черты,
На ласковое выраженье.

Прислушайся, услышишь вновь —
Во мне звучит порою
За равнодушием любовь,
Как скрипка за стеною.

А помнишь: много лет назад,
Бывало, пред походом
Я посылал тебе денюжат
Почтовым переводом.

И ты не бойся страшных слов:
Сквозь дым и пламя песни
Я пронести тебя готов
На пальцах в этом кресле.

И то, что в час вечеровой
В кошмаре мне явилось,
Я написал лишь для того,
Чтоб песня получилась.

* * *

Мы с тобой, родная,
Устали как будто, —
Отдохнем же минуту
Перед новой верстой.
Я уверен, родная:
В такую минуту
О таланте своем
Догадался Толстой.

Ты ведь помнишь его?
Сумасшедший старик!
Он ласкал тебя сморщенной,
Дряблой рукою.
Ты в немом сладострастье
Кусала язык
Перед старцем влюбленным,
Под лаской мужскою.

Может, я ошибаюсь,
Может быть, ты ни разу
Не явилась нагою
К тому старику.
Может, Пушкин с тобою
Проскакал по Кавказу,
Пролетел, стирая
Тропу, как строку...

Нет, родная, я прав!
И Толстой и другие
Подарили тебе
Свой талант и тепло.
Я ведь видел, как ты
Пронеслась по России,
Сбросив Вунина,
Скинув седло.

А теперь подо мною
Влюбленно и пылко
Ты качаешь боками,
Твой огонь не погас...
Так вперед же, вперед,
Дорогая кобылка,
Дорогая лошадка
Пегас!

ГРАНИЦА

Я не знаю, где граница
Между Севером и Югом,
Я не знаю, где граница
Меж товарищем и другом.

Мы с тобою шлялись долго,
Бились дружно, жили наспех.
Отвоевывали Волгу,
Лавой двигались на Каспий,

И, бывало, кашу сварить
(Я знаток горячей пищи),
Пригласишь тебя:
— Товарищ,
Помоги поесть, дружище!

Протекло над нашим домом
Много лет и много дней,
Выросло над нашим домом
Много новых этажей.

Это много, это слишком:
Ты опять передо мной —
И дружище, и братишка,
И товарищ дорогой!..

Я не знаю, где граница
Между пламенем и дымом,
Я не знаю, где граница
Меж подругой и любимой.

Мы с тобою лишь недавно
Повстречались — и теперь
Закрываем наши ставни,
Запираем нашу дверь.

Сквозь полуночную дрему
Надвигается покой,
Мы вдвоем остались дома,
Мой товарищ дорогой!

Я тебе не для причуды
Стих и молодость мою
Вынимаю из-под спуда,
Не жалея, отдаю.

Люди злым меня прозвали,
Видишь — я совсем другой,
Дорогая моя Валя,
Мой товарищ дорогой!

Есть в районе Шепетовки
Пограничный старый бор —
Только люди
И винтовки,
Только руки
И затвор.

Утро тихо серебрится...
Где, родная, голос твой?..
На единственной границе
Я бессменный часовой.

Скоро ль встретимся — не знаю
В эти злые времена,
Ведь любовь, моя родная, —
Только отпуск для меня.

Посмотри:
Сквозь муть ночную
Дым от выстрелов клубится...
Десять дней тебя целую,
Десять лет служу границе...

Собираются отряды...
Эй, друзья!
Смелее, братцы!..
Будь же смелой —
Стань же рядом,
Чтобы нам не расставаться!

СТАРУШКА

Время нынче такое: человек не на месте,
И земля уж, как видно, не та под ногами.
Люди с богом когда-то работали вместе,
А потом отказались: мол, справимся сами.

Дорогая старушка! Побеседовать не с кем вам,
Как поэт, вы от массы прохожих оторваны.
Это очень опасно — в полдень по Невскому
Путешествие с правой на левую сторону...

В старости люди бывают скупее —
Вас трамвай бы за мелочь довез без труда,
Он везет на Васильевский за семь копеек,
А за десять копеек — черт знает куда!

Я стихи свои нынче переделывал заново,
Мне в редакции дали за них мелочишку.
Вот вам деньги. Возьмите, Марья Ивановна!
Семь копеек — проезд, про запасец — излишки,

Товарищ! Певец наступлений и пушек,
Ваятель красных человеческих статуй,
Простите меня, — я жалею старушек,
Но это — единственный мой недостаток.

ЖИВЫЕ ГЕРОИ

Чубатый Тарас
Никого не щадил...

Я слышу
Полуночным часом,
Сквозь двери:
— Андрий! Я тебя породил!..—
Доносится голос Тараса.

Прекрасная панна
Тиха и бледна,
Распущены косы густые,
И падает наземь,
Как в бурю сосна,
Пробитое тело Андрия...

Полтавская полночь
Над миром встает...
Он бродит по саду свирепо,
Он против России
Неверный поход
Задумал — изменник Мазепа.

В тесной темнице
Сидит Кочубей
И мыслит всю ночь о побеге,
И в час его казни
С постели своей
Поднялся Евгений Онегин:

— Печорин! Мне страшно!
Всюду темно!
Мне кажется, старый мой друг,
Пока Достоевский сидит в казино,
Раскольников глушит старух!..

Звезды уходят
За темным окном,
Поднялся рассвет из тумана...
Толчком паровоза,
Крутым колесом
Убита Каренина Анна...

Товарищи классики!
Бросьте чудить!
Что это вы, в самом деле,

Героев своих
Порешили убить
На рельсах,
В петле,
На дуэли?..

Я сам собираюсь
Роман написать —
Большущий!
И с первой страницы
Героев начну
Ремеслу обучать
И сам помаленьку учиться.

И если, не в силах
Отбросить невроз,
Герой заскучает порою, —
Я сам лучше кинусь
Под паровоз,
Чем брошу на рельсы героя.

И если в гробу
Мне придется лежать, —
Я знаю:
Печальной толпою
На кладбище гроб мой
Пойдут провожать
Спасенные мною герои.

Прохожий застынет
И спросит тепло:
— Кто это умер, приятель? --
Герои ответят:
— Умер Светлов!
Он был настоящий писатель!

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Уже не мальчиком,
Уже почти мужчиной
Перехожу десятую между.

Однажды ночью на привале
Он песню веселую пел,
Но, пулей вражеской сраженный,
Пропеть до конца не успел.

С улыбкой юный барабанщик
На землю сырую упал,
И смолк наш юный барабанщик,
Его барабан замолчал.

Промчались годы боевые,
Окончен наш славный поход.
Погиб наш юный барабанщик,
Но песня о нем не умрет.

ДОН-КИХОТ

Годы многих веков
Надо мной цепенеют.
Это так тяжело,
Если прожил балуясь...
Я один —
Я оставил свою Дульцинею,
Санчо-Пансо в Германии
Лечит свой люэс...

Гамбург,
Мадрид,
Сан-Франциско,
Одесса —
Всюду я побывал,
Я остался без денег...
Дело дрянь.
Сознаюсь:
Я надул Сервантеса,
Я — крупнейший в истории
Плут и мошенник...

Кровь текла меж рубцами
Земных операций,
Стала слава повальной
И храбрость банальной,
Но никто не додумался
С мельницей драться, —
Это было бы очень
Оригинально!

Я безумно труслив,
Но в спокойное время
Почему бы не выйти
В тяжелых доспехах?
Я уселся на клячу.
Тихо звякнуло стремя,
Мне земля под копытом
Желала успеха...

Годы многих веков
Надо мной цепенеют.
Я умру —
Холостой,
Одинокий
И слабый...
Сервантес! Ты ошибся:
Свою Дульцинею
Никогда не считал я
Порядочной бабой.

Разве с девкой такой
Мне возиться пристало?
Это лишнее,
Это ошибка, конечно...
После мнимых побед
Я ложился устало
На огромные груди
Большие, как вечность.

Дело вкуса, конечно...
Но я недоволен —
Мне в испанских просторах
Мечталось иное...

Я один...
Санчо-Пансо хронически болен.
Слава грустной собакой
Плетется за мною.

ПЕРЕМЕНЫ

С первого пожатия руки
Как переменилось все на свете!
Обручи катают старики,
Ревматизмом мучаются дети,

По Севану ходят поезда,
В светлый полдень зажигают свечи,
Рыбам опротивела вода,
Я люблю тебя как сумасшедший.

РАЗЛУКА

Вытерла заплаканное личико,
Ситцевое платъице взяла,
Вышла — и, как птичка-невеличка,
В басенку, как в башенку, пошла.

И теперь мне постоянно снится,
Будто ты из басенки ушла,
Будто я женат был на синице,
Что когда-то море подожгла.

МИХАИЛ ГОЛОДНЫЙ

* * *

Помню вечер я,
Под буревые всплески
Кто-то злобу из груди увел,
Незаметным,
Сереньким подростком
Я пришел
Впервые в комсомол.
С этих дней горел я, не сгорая,
Буйство дикое
Рассудком умирал,
В переулках заводских окраин
Я прочел о сказке Октября.
Говорила мать моя, калека,
Неразлучная подруга костыля:
«Выйдет сын мой в люди человеком,
Будет сын кормильцем для меня!»
Ну какой, скажите, я кормилец!
Обескрылил я давно ее мечты;
Не кладу теперь утрами «тфилим»
Не пою тягучий я псалтырь.
Вышел я,

Но по-иному, в люди.
Вышел я
Под выкрики стихий.
Эх, мать моя,
Не ты под гром орудий
Мне диктовала
Гневные стихи...
В переулках заводских окраин
Я брошюру Октября нашел,
С этих дней горю я, не сгорая,
Как и ты, горящий комсомол!

У ДНЕПРА

Я иду, иду тропинкою
Песней новою звеню.
Солнце алою косынкою
Машет умершему дню.

Город теньями увесила
Наступающая ночь.
Хорошо, товарищ, весело
Землю теплую толочь.

Замирает и безлюдится
Берег сонного Днепра.
Но я верю: завтра сбудется,
Что задумали вчера.

ПРОЩАНИЕ

Выступаем мы в двенадцать,
Выйди, милая, прощаться.
Ждет атака нас ночная,
И вернусь ли я — не знаю.

Я надел шинель родную,
Взял винтовку боевую.

В сумке десять сухарей,
За спиною сто смертей.

Ты опять солги надежде,
Ты скажи: «Люблю, как прежде».
Выйди, выйди на часок,
Без любви твоей продрог!..

Увидав твою улыбку —
Я прощу тебе ошибку,
Засветится даль глухая,
Упадет звезда, вздыхая...

* * *

Сквозь туман и холод зимний
Все мне снится, все мне снится
Взгляд твой дальний, взгляд твой дымный,
Утопающий в ресницах.

Спит безмолвие в просторе,
В неживом еще покое.
Ты встаешь передо мною,
Чтоб сбнять меня еще раз.

Дорогая, дорогая...
Как назвать тебя, не знаю!

Мир уснул в покое белом.
Над его величьем пышным
По равнинам омертвелым
Я приду к тебе неслышным.

Я пройду сквозь посвист вьюги,
Доберусь до края света,
Чтоб тебя, моя подруга,
Не оставить невоспетой.

Снег от края и до края,
Дорогая... дорогая...

ГРОЗА

Все накалил полдневный жар.
А дождь, докучный, бесполезный,
Еще молчал. И вдруг — удар,
И небеса открыли бездну.

Пыль на деревьях и листьях,
Вздымаясь, губы обжигала,
И сумрачная теснота
Над городом неслышно встала.

Дождь тронул крыши рукавом,
Потоком вод, сквозь синь журчащих.
Запели крыши, каждый дом
Запел, разбрызгав в окнах счастье.

Под взглядом дождевой воды,
Теперь прозрачным и лучистым,
Бессильно свесились плоды,
И сладко развернулись листья.

Умолкло грозное ворчанье,
И через поле, через лес
Пришло зеленое молчанье
Садов и голубых небес.

МОЙ СТИХ

Всегда во мне
        живет мой стих.
Пою ли я,
        иль не пою,—
Средь сотен голосов чужих
Его я голос узнаю.

Я бурею
        гражданских дел
Его венчал,
        сзывая в бой,
Чтоб он будил,
        чтоб он гремел,

То легкой флейтой,
то трубой.

Чтоб мог я с ним
в одно сливать

Что ненавижу,
что люблю.

Он будет для меня звучать,
Как я хочу,
как я велю!

Я с ним брожу
вдоль старых стен,
И, жадно вглядываясь в тьму,
Он слышит
запах перемен,
Пока неслышных никому.

Пространств высоких
смутный гуд,
Движенья вихрь
и блеск огня,
Отбрасывая в нем, пройдут
Через меня
и от меня.

И в час,
когда веселый гром
К победе призовет живых,
Паду я на землю бойцом.
И рядом —
мой последний стих.

ОБЛАКА

Я люблю вас очень, очень,
Золотые облака.
Мнится, мнится, вот захочет
И достанет вас рука.
Руку вскинул кверху — где там!
Промелькнули, нет как нет!
Впереди все блещет светом,
Позади лучится след.

Облака, облака,
Серебристые бока!

Вот веселый ветер смело
Ударяет вас крылом
Оттого ли то и дело
Вы меняетесь лицом?
То вы мягче, то вы строже,
Дуновенье пью и пью.
Ну, ей-богу, вы похожи
На любимую мою!..

Ходит, бродит свет в руках,
Отражаясь в облаках!

* * *

Люби до смерти. Мне в любви
Конца не увидеть.
Ты оттолкни и позови,
И обними опять.

С тобою просидим вдвоем
С зари и до зари.
Люби до смерти, а потом
Коль можно... повтори!

НИКОГДА, НИКОГДА

Памяти Дмитрия Фурманова

Не забуду, как ты умирал, комиссар.
Затуманил лицо полыхающий жар,
Затянула глаза поволокой беда,
И в бреду ты сказал: «Никогда... Никогда!»

Что ты видел: жену или дочь у колен?
Или знал: не коснется души твоей тлен,
И в назначенный час соберемся сюда,
Чтобы смерти сказать: никогда, никогда?!

Никогда, никогда, старый друг боевой,
Не умрешь для отчизны бессмертно-живой.
Не умрешь, не сотрут твое имя года,
Не забудем тебя никогда, никогда!..

ВИССАРИОН САЯНОВ

СОВРЕМЕННОКИ

Пусть поют под ногами камня,
Высоко зацветают поля,
Для людей моего поколенья
Верным берегом стала земля.

И путиловский парень и пленник,
Полоненный кайенской тюрьмой,—
Все равно, это мой современник
И товарищ единственный мой.

И расскажут покорные перья,
С нетерпеньем, со смехом, с тоской,
Все, чем жил молодой подмастерье
В полумраке своей мастерской.

Снова стыннут снега конспираций,
Злой неволи обыденный гнет.
В эту полночь друзьям не пробраться
К тем садам, где шиповник цветет.

Но настанет пора — и внезапно
В белом пламени вздрогнет закат,
Сразу вспышки далекие залпов
Нежилые дома озарят.

И пройдут заповедные вести
Над морями, над звонами трав,
Над смятеньем берлинских предместий
И в дыму орлеанских застав.

Наши быстрые годы не плохи...
В эти мирные дни и в бою
На больших перекрестках эпохи
Снова сверстников я узнаю.

* * *

Ах, ребята, ах, друзья родные,
Девушки в малиновых платках,
Не для вас ли я слова простые
Собирал в мальчишеских стихах?

Дни пройдут, одной мечтой влекомый,
Я уйду в далекие края,
Вдруг услышу голос знакомый
И скажу: «То молодость моя...»

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ

Пути, по которым мы ходим с тобой,
Пока барабанный сыпается бой,

Пока золотые рассветы кипят
От Желтого моря до самых Карпат,—

Они нас выводят, мешая страницы,
К последней корчме у литовской границы.

Лиловые тени — пестрее сарпинки —
Ложатся теперь на большие столбы,
На узел закрученной в гору тропинки,
На тонкую шею высокой трубы.

Давно трубачи тут не нянчили зорю,
И ветер шумит среди желтой листвы,
И снова уходят к прохладному морю
Последние жаркие тучи с Литвы.

Высокие двери обиты кошмою.
Мицкевич, ты слышал народный мотив,
И долго мазурка вела за корчмою,
Под узкие плечи тебя подхватив,—

В корчме стеариновый меркнет огарок,
Торопится дюжина жбанов и чарок...

И ночь оплывает, как свечка из воска...
А рядом — отряды советского войска,—

Прислушайся: это не ветер, а отзыв
Летит через реки, дороги, мосты,
Сливая текстильные фабрики Лодзи
Со сталелитейной выюгой Москвы.

Народы подымутся в общем единстве,
Пусть время пройдет — не забудут века:
О славе грядущего Феликс Дзержинский
Мечтал по ночам в коридорах ЧК.

И вот за корчмой, по тропам незнакомым,
Туда, где сейчас разгорается бой,
Дзержинский с прославленным польским
ревкомом
В осеннюю ночь проскакал за рекой.

И в тихой корчме вспоминают донине:
Шумит за мостом голубая река,
Под пулями скачет вперед по долине
В ненастную даль председатель ЧК.

О ЛИТЕРАТУРНОМ ГЕРОЕ

Привычка фамильярничать с героем,
Быть с ним на «ты», немного свыска
Глядеть на жизнь его, на мелкие заботы,
На помыслы, мечтания, свершенья
Еще порой встречается в романах.
Как тяжело читать сегодня книги,
Не греющие сердца! Их герои
Приглажены искусно, наведен
На них известный лоск, — они решают
«Вопросы пола», мечутся на фоне
Бушующей над городом метели,
И пафос их уходит на любовь.
Уныл писчебумажный мир: героя
В чернильный ад ввергают за грехи
И в картонажный рай его возводят.

Но вижу я, как твердою походкой,
Над паводком равнинных рек России,
Над пламенем горящих ярко домен,
Над льдами в Северном полярном море,
Идет советский новый человек.

И мой герой — не загрустивший мальчик,
Не меланхолик с тростью и плащом,
Не продувной гуляка, о котором
Кругом шальная песенка бежит.

Нет, человек спокойного упорства,
Свершающий свой подвиг потому,
Что иначе он поступить не может, —
Единственный понятный мне герой,
Он — у станка в Тяжелой Индустрии,

Он плуг ведет по всем полям Союза,
Он — кочегар, он — летчик, он проходит
Сквозь жаркие теснины Океана,
Сквозь облака ведет он самолет.

Строители, умельцы, жизнелюбы,
Ваш каждый шаг живет в моем стихе,

О вас нельзя поведать по старинке,
О вас безумной песенкой не скажешь,
Но, как мечтал один поэт когда-то,
Расскажешь в Великанской Книге Дня.

Смотри, смотри, как чист и ясен воздух...
Хоть труден путь, но радостен. Земля,
Земля в цвету! И ветер с Волховстроя
В прозрачных электрических цветах...

. . . . .

Слепая ночь дымится над Европой,
Заря взошла над нашей страной,
Уже идет герой в литературу
Сквозь дым и гарь, сквозь корректуры прозы,
И пишем мы о нем повествованье
В заветной Великанской Книге Дня.

* * *

Семнадцатилетние мальчики,
Вы запомнили пули и топот,
Те дороги, которые юность,
Как дружную песню, вели,
В полуночных разведках,
В перестрелках накопленный опыт
И вечерние дали
Завещанной вьюгам земли.

Знаю, в Смольном тогда
Вы стояли в ночном карауле,
И Ильич, улыбаясь,
Встречал из-за Нарвской ребят.
Наша юность прошла,
Эти годы давно промелькнули,
Но они посейчас
В нашем сердце немолчно гудят.

Вместе с нами росли
И деревья высокого сада,
Мы не знали тоски,
Но кипело волнение в крови...

Вечерами теснятся дожди,
На рассвете приходит прохлада,
Поколение наше,
Ты меня трубачом назови.

Барабанщиком ставь
В ряд большого пехотного строя,
Я учу тебя песням,
Выдай на руки нынче ж ружье,
Чтобы вместе с тобой
На просторы грядущего боя
На октябрьской заре
Пробивалось сердце мое.

То — совсем поутру,
То — в двенадцать часов пополуночи,
Проходя по путям,
Под раскаты грохочущих труб,
Я опять узнаю
Тех, которые больше не юноши,
Мужская упрямая складка
Легла возле губ.

Я их вновь узнаю
Среди сабель и пик эскадронов,
В тихом дне типографий
И в сумраке угольных шахт,
Прохожу торопясь,
Только за плечи запросто тронув,
Как в походном строю,
По команде равняя свой шаг.

Сразу буря берет нас
И снова выносит на берег
Пятилетки, труда
И заводских ударных бригад,
Поколение наше
Берет все барьеры Америк,
Сто дорог впереди,
Ни одной не осталось назад.

Но, ровесники бури,
Сыновья трудового народа,
Если грянет война
И в полях за клубится метель,
Мы готовы опять
К перестрелкам большого похода,
Мы начистим штыки
И привычно скатаем шинель.

ИОСИФ УТКИН

ПИСЬМО

...Я тебя не ждала сегодня
И старалась забыть любя.
Но пришел бородатый водник
И сказал, что знает тебя.
Он такой же, как ты, лохматый,
И такие же брюки клеш!
Рассказал, что ты был под
Кронштадтом.

Жив...
Но больше домой не придешь...
Он умолк.
И мы слушали оба,
Как над крышей шумит метель.
Мне тогда показалась гробом
Колькина колыбель...

Я его поняла с полслова,
Гоша,
Милый!..
Молю...

Приезжай...
Я тебя и такого...
И безногого...
Я люблю!

РАССТРЕЛ

И просто так —
Без дальних слов —
Как будто был и не был...
За частоколами штыков
Так тяжело смотреть на небо...

И не борись...
И не зови...
И жизнь была не сладкой...
Как в лихорадке — грузовик,
И я — как в лихорадке.

Для волка сердце — ничего.
А много ли зверюге надо?
И с полущубка моего
Солдат весь путь
Не сводит взгляда.

Могу и душу подарить —
Вон там за следующей горкой...
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
«Товарищ, дай-ка закурить...»
«Последняя махорка...»

Колдобный дуб на что велик,
А в буреломе — соломке ровня,
Как аллигатор, грузовик
Улегся у каменоломни.
И офицер спросил:
«Готов?»
Я сосчитал штыки неволью.
Зачем им дюжина штыков?
И одного вполне довольно...

Потухли, ухнув, фонари!..
Жара... Во рту прогоркло.
«Т-т-т-оварищ... Дай-ка закурить».
«Подохнешь без махорки...»

МОЛОДЕЖИ

Нас годы научили мудро
Смотреть в поток
До глубины,
И в наших юношеских кудрях
До срока —
Снежность седины.

Мы выросли,
Но жар не тает,
Бунтарский жар
В нас не ослаб!
Мы выросли,
Как вырастает
Идущий к пристани корабль,

АТАКА

Красивые, во всем красивом,
Они несли свои тела,
И, дыбя пенистые гривы,
Кусали кони удила.
Еще заря не шла на убыль,
И розов был разлив лучей,
И, как заря,
Пылали трубы,
Обняв веселых трубачей.

А впереди,
Как лебедь, тонкий,
Как лебедь, гибкий не в пример, —
На пенящемся арабчонке
Скакал безусый офицер.

И на закат,
На зыбь,
На нивы

Волна звенящая текла...
Красивые, во всем красивом,
Они несли свои тела.

А там, где даль,
Где дубы дремлют,
Стволами разложили медь
Другую любящие землю,
Иную славящие смерть...

Он не был, кажется, испуган,
И ничего он не сказал,
Когда за поворотным кругом
Увидел дым, услышал залп.
Когда, качнувшись к лапам дуба,
Окрасив золотистый кант,—
Такой на редкость белозубый,—
Упал передний музыкант.

И только там, в каменоломне,
Он крикнул:
«Ма-а-арш!» —
И побледнел...
Быть может, в этот миг он вспомнил
Всех тех,
Кого забыть хотел.
И кони резко взяли с места
И снова спутали сердца
Бравурность нежного оркестра
И визги хлесткого свинца...

И, как вчера,
Опять синели выси,
И звезды падали
Опять во всех концах,
И только зря
Без марок ждали писем
Старушки в крошечных чепцах.

ГИТАРА

А. Жарову

Не этой песней старой
Растоптанного дня,
Интимная гитара,
Ты трогаешь меня.

В смертельные покосы
Я нежил, строг и юн,
Серебряную косу
Волнующихся струн.

Сквозь боевые бури
Пронес я за собой
И женскую фигуру
Гитары дорогой!

Всегда смотрю с любовью
И с нежностью всегда
На политые кровью,
На бранные года.

Мне за былую муку
Покой теперь хорош.
(Простреленную руку
Сильнее бережешь!)

...Над степью плодоносной
Закат всегда богат,
И бронзовые сосны
Пылают на закат...

Ни сена! И ни хлеба!
И фляги все — до дон!
Под изумрудным небом
Томится эскадрон...

...Что пуля? Пуля — дура.
А пуле смерть — сестра.
И сотник белокурый
Склонился у костра.

И вот, что самый юный
(Ему на песню — дар!),
Берет за грудь певунью
Безусый комиссар.

И в грустном эскадроне,
Как от зеленых рек,
Повыпрямились кони
И вырос человек!

...Короткие кварталы —
Легучие года!
И многого не стало,
Простилось навсегда.

Теперь веселым скопом
Не спеть нам, дорогой.
Одни —
Под Перекопом,
Другие —
Под Ургой.

Но стань я самым старым, —
Взглянув через плечо,
Военную гитару
Я вспомню горячо.

Сейчас она забыта.
Она ушла в века
От конского копыта,
От шашки казака.

Но если вновь, бушуя,
Придет пора зари, —
Любимая,
Прошу я —
Гитару подари!

СТИХИ О ДРУЖБЕ

Я думаю чаще и чаще,
Что нет ничего без границ.

Что скроет усатая чаша
Улыбки приятельских лиц,

Расчетливость сменит беспечность,
И вместо тоски о былом
Мы, встретясь,
Былую сердечность
Мальчишеством назовем.

Быть может
Рассудочной стужей.
Не тронем безусых путей.
Быть может,
Мы будем не хуже,
И все-таки будем не те...

Вот девушку любим и нежим,
А станет жена или мать —
Мы будем все реже и реже
Любимой ее называть...

ТЕЛЕФОН

Радостный, больной и сонный
Узнаю твой голос сразу;
Говорят, я Эдисону
Этой радостью обязан.

Говорят, одна креолка
Из каких-то Южных Штатов,
Неожиданно умолкла...
И понятно, вот тогда-то

Эдисон, больной и сонный,
Говорить заставил провод...

Я, признаться, Эдисону
Приписал любовный повод.

Должно быть, это время —
Жестокие и нужные года!

ДВАДЦАТЫЙ

Через
Речную спину,
Через
Лучистый плес
Чугунной паутиной
Повис тяжелый мост.

По краю —
Тишь да ивы,
Для отдыха — добро!
А низом — прихотливо
Речное серебро.

На тишь,
На побережье
Качает паровик...
«Я, милая, приезжий,
Я в отпуск,
Фронтвик...»

Сады родные машут,
Здесь молодость текла,
И золотые чаши
Подняли купола.

Привет вам, отчьи веси!
С победой
И весной!..
Но что-то ты невесел,
Мой город дорогой.

Дома тихи
И строги,
И не слышать ребят,
И куры на дороге
Как прежде, не пылят.

И яблони бескровны,
И тяжелы шаги,
И на соседских бревнах
Служивый... без ноги.

Да, ничего на свете
Так, запросто, не взять,—
Когда родятся дети,
Исходит кровью мать!

Но вот
И наши сени,
Но вот
И милый кров,
Где первые
Сомненья,
Где первая любовь.

И в этом
Все, как прежде,—
И сад,
И тишь,
И крик:
«Я, бабушка,
Приезжий,
Я в отпуск,
Фронтовик».

И взгляд последний бросив,
Старуха обмерла:
«Иосиф! Ах, Иосиф!
Я так тебя
Ждала!»

И я в объятьях стыну...
«Иосиф, это ты?!»

. . . . .
Чугунной паутиной
Качаются мосты.

И мчатся эшелоны
Солдат,
Солдат,

Солдат!
Тифозные перроны
Под сапогом хрустят.
По бедрам
Бьются фляги,
Ремень, наган — правей.
И синие овраги
Под зарослью бровей.
В брони,
В крови,
В заплатах —
Вперед,
Вперед,
Вперед! —
Страдал и шел
Двадцатый,
Неповторимый год!!!

СОМНЕНИЕ

Ты прости, что, временем пустая
Жизнь моя
Варначества полна:
Это я
За молодость хватаюсь,
Как за берег
Глупая волна...

Трудная и голубая
Мне страна мерещится во мгле...
Надо жить,
Трудясь и рассыпая
Жемчуг смеха
По большой земле.

Чтоб в зубах кинжальной белой стали
Заливались хищные лучи,
Чтоб на яблонях,

И без нас зажгут огни акаций
И без нас весной
Пройдет вода...
В чем угодно —
буду сомневаться.
В революции,
товарищ —
никогда.

ДЖЕК АЛТАУЗЕН

ПРОЩАНИЕ С ЛУЖЕЙ

Александру Жарову

Когда вступал я
В жизнь большую
И был неопытен и мал,
Я только
Лужу дождевую
В мечтах своих
Переплывал.

Теперь
Под небо голубое
К морям направился мой путь.
Давно хотелось
Из приюта
Мне кружкой пену зачерпнуть,
Услышать гул
Морского вала,
На легкой лодке
Плыть в туман.
И я кричу еще с вокзала:
«Налейте море мне в стакан!»

И сразу шторм
Мне прямо в спину
Хлестнул пожарной струей.
А лужа
Обнажила тину:
Грач выпивал ее порой.

Я знал,
Что дождик в нетерпенье
Опять
Ее наполнит вслух.
И вновь
В индийском оперенье
Над лужею
Взлетит петух.

О солнце,
Мне теперь не хуже!
До позвонка меня прогрей.
Я жижу
Нашей пресной лужи
Смог променять
На соль морей.

Что море —
Мы его разроем,
Посеем рожь
На самом дне.
Бок о бок трутся
Волны с воем,
У каждой чайка на спине.

Какие волны,
Что за диво?
Настанет час
И дни придут,
Когда в пивной нам
Вместо пива
В бутылке
Море подадут.

Ах, лужа,
Мир тебя обидел,

Копытом конь
Тебя разбил!
А здесь
Скала стоит,
Как идол,
Который тоже богом был.

И я,
Прожилками расписан,
Гляжу на светлый небосклон,
Чем заслужил я
Эти выси,
Лекарство
Этих синих волн?

Лежим
К прибою головами,
А чайки нас зовут туда,
Где броненосцы
Кандалами
Бьет
Бесноватая вода,

Где ждут
Зажженные запалы,
Где за решетками
Друзья.
А ну-ка, братцы,
Шторм — в бокалы,
И чокнемся
Через моря!

ДЕТСТВО

Холодные луны,
Песчаные дюны.
Когда-то нам снились
Шотландские шхуны...

Когда-то, бывало,
Мечта нас кидала
От мыса Надежды
До гребней Байкала.

С мальчишеским граем
За дряхлым сараем
Мечтали мы в гости
Бежать к самураям.

Вот пес пестроногий,
Вот дом мой отлогий,
Как колокол смолкший.
Лежит при дороге.

Сейчас с поворота,
Как птица с отлета,
Увявшие крылья
Раскинут ворота.

Я вижу наследство
Веселого детства:
Забитый колодезь
И лес по соседству.

Без прежнего жара,
Без струн, без загара,
Удавленным другом
Повисла гитара.

Помет воробьиный
Засыпал рябины,
Друзей не нашел я
У волчьей ложбины.

Кто сгинул за Доном,
За вражьим кордоном,
Подкинув папаху
На память воронам.

А кто торопливо
Сорвался с обрыва,
Вплетая черемуху
В конскую гриву.

А самый кудрявый,
Опутанный славой,
Стучался прикладом
В ворота Варшавы.

И где-то за срубом,
Под взорванным дубом,
Припал он к земле
Нерасчесанным чубом...

Холодные луны,
Рябые буруны.
Опять мне приснились
Шотландские шхуны...

ПЕТР КОМАРОВ

ТРАКТОР

К нам весной комсомолец Карцев
Первый трактор пригнал в село.
Все село — от юнцов до старцев—
Разговоры о нем вело.

— Ну, конек! Не конек, а диво! —
Трактор щупали мужики.
По всему у них выходило,
Что пахать на таком — с руки.

Только кто-то заметил бойко:
— Конь, конечно... Да конь не тот.
Вот рванет с бубенцами тройка —
Ажно сердце в груди замрет!..

— Рысаки и у нас бывали:
В удилах — таракан с блохой.
Да найдешь хомуты едва ли
Для скотины такой лихой...

В поле двинулись друг за другом,
Наблюдая до темноты,
Как машина в четыре плуга
Отворачивает пласты.

Теплым паром пахнув сначала,
Пласт ложился и остывал.
— Эх, и сила!.. — толпа кричала,
Не скрывая своих похвал.

Долго-долго стояли в поле
В этот день мужики села,
И машина для них была
Первым вестником новой доли.

ДЕРЕВЕНСКИЙ СПЕКТАКЛЬ

Этот вечер запомнится так:
Борода у актера из пакли,
Спор за сценой, и первый спектакль.
И у всех — разговор о спектакле.

В тесном зале сидят мужики,
Бабы с шумной своей мелюзгою —
Шутят вслух, поправляют платки
И подсолнечной сыплют лузгою.

Громким смехом встречают того,
Кто на сцене игрой отличился:
«Ванька, Ванька-то, язви его,
Погляди — королем нарядился!»

Разойдутся в двенадцатый час
По ночным неутоптанным тропам,
Вспоминая про Ваньку не раз,
Что работал у нас агитпропом...

Может, наш комсомольский спектакль
Был сегодня не очень хорошим, —
Этот вечер запомнится так,
Как другие мы вспомнить не сможем.

СЕНОКОС

Зацветает мышиный горошек,
И в метелку выходит пырей.
Нет, недаром о травах хороших
Слышал я разговор косарей!

Вот проходят они по зеленым,
По широким заречным лугам.
И встречают их травы поклоном,
И рядами ложатся к ногам.

Шмель расправил короткие крылья,
Вьются оводы — зноя гонцы,
И взлетают серебряной пылью
Под косой комары-толкунцы.

Выпь степная ревет по-коровьи,
Скоро вечер придет на луга.
И как юрты на древнем становье,
За рекой вырастают стога.

* * *

Проходит осень мимо нас,
Окрасив горы в сепию.
Я на тебя смотрю сейчас,
Смотрю сейчас и сетую.

Я называл, моя мечта,
Тебя своей опорой,
А ты — не та, совсем не та,
Вчера любил которую.

Как по волнам летит ладья
Куда-нибудь в Америку, —
Так ты теперь, печаль моя,
Ушла к другому берегу.

А волны ходят вверх и вниз,
Заря полнеба вышила...

Я долго звал тебя: вернись,
Но ты уже не слышала.

ПОСЛЕДНИЙ ИВАН

Не выдумать горше доли:
Хлеба заглушил бурьян.
Без шапки в открытом поле
Стоит на ветру Иван.

По новым пошла дорогам
Деревня Зеленый Клин,
А он на клочке убогом
Остался совсем один.

Что это случиться может —
Ни духом не знал, ни сном.
И дума его тревожит:
Как быть на миру честном?
Тоскливым и долгим взглядом
На пашню глядит Иван.
С его полосой рядом
Раскинут артельный стан.

А там — и хлеба по пояс,
Пшеница — стена стеной.
И рожь, и ячмень на совесть,
И колос у них иной.

И кажется — даже птицы
Там веселей поют.
А здесь, на его землице —
Одной саранче приют,

Да суслик свистит на пашнях
На разные голоса...
Бесмыслицей дней вчерашних
Лежит его полоса,

Суровый, худой, угрюмый,
Средь поля у двух раки́т,
С тяжелой крестьянской думой
Иван дотемна стоит.

Стоит он, решая крепко,
Что раньше решить не мог.
И злая трава — сурепка —
Покорно шумит у ног.

ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ

СМЕРТЬ

Было все пустынно и знакомо,
И ложилось снегом на усы
Смертное дыханье военкома
В предпоследние его часы.
За оленями скрипели нарты.
Звезды напряженные цвели.
Пролетал широкий ветер марта
По равнинам нежилой земли.
Жизни в нем осталось мало-мало:
Огонек мерцающий — точь-в-точь.
Черным мамонтом в снегах шагала
По Сибири тягостная ночь.
Но отряд спешит без передышки,
Песни затеваются братвой.
Бечевой обвязанные книжки
Спят под полумертвой головой.
Смотрит немигающее око,
Удивляясь смерти и езде, —
Все смелей и все вперед к востоку —
К утренней звезде.

ПЕСНЯ О ВЕТРЕ

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.

Идет эта песня, ногам помогая,
Качая штыки, по следам Улагая,
То чешской, то польской, то русской речью—
За Волгу, за Дон, за Урал, в Семиречье.

По-чешски чешет, по-польски плачет,
Казачьим свистом по степи скачет
И строем бьет из московских дверей
От самой тайги до британских морей.

Тайга говорит,
Главарь говорят, —
Сидит до поры
Молодой отряд.

Сидит до поры,
Стучат топоры,
Совет вершат...
А ночь хороша!

Широки просторы. Луна. Синь.
Тугими затворами патроны вдвину!
Месяц комиссарит, обходя посты.
Железная дорога за полверсты.

Рельсы разворочены, мать честна!
Поперек дороги лежит сосна.
Дозоры — в норы, связь — за бугры, —
То ли человек шуршит, то ли рысь.

Эх, зашумела, загремела, зашурганила,
Из винтовки, из нареза меня ранила.

Ты прости, прости, прощай!
Прощевай пока,

* * *

...Радио... говорят...
(Флагов вскипела ярь):
«Восьмого января
Армией пятой
Взят Красноярск!»
Слушайте крик протяжный —
Эй, Россия, Советы, деникинцы! —
День этот белый, просторный, в мороз
наряженный
Червонными флагами выкинулся.

Сибирь взята в охапку.
Штыки молчат.
Заячьими шапками
Разбит Колчак.

Собирайте, волки,
Молодых волчат.
На снежные иголки
Мертвые полки
Положил Колчак.
Эй, партизан
Поднимай сельчан:
Раны зализать
Не может Колчак.

Стучит телеграф:
Тире, тире, точка...
Эх, эх, Ангара,
Колчакова дочка!

На сером снегу волкам приманка:
Пять офицеров, консервов банка.
«Эх, шарабан мой, американка!
А я девчонка да шарлатанка!»
Стой!
Кто идет?
Кончено. Залп!!

НОЧЬ

Начинается ночь, как стихи —
Равномерной тягучей раскачкой,
Чтобы ветром, шуршанием, спячкой
После лечь на ущельях глухих.
Как любовь, начинается ночь
Темным бредом, предчувствием странным,
Как любовь, глубока и желанна
Исполинская южная ночь.
Как болезнь, ночь несет духоту,
Кипариса чудовищный кокон,
Желтый свет лихорадочных окон,
Усиляющий духоту.
Вот приходит назначенный час.
Вот сады наливаются мраком.
И маяк ослепительным маком
Отмечает торжественный час.
Синим запахом горных лесов,
Рыжим духом полыни и мяты
Ночь летит над равниной, измятой
Мерным ходом гремящих валов.
Ты же скройся в ущельях глухих,
Ты же кинься летучею мышью.
Ночь зелеными звездами вышьет
Вязь, тревожную, как стихи...

* * *

Опять идти. Куда?
Опять какой-то мол в тяжелом колыханье,
Сутулые бескровные суда
И плеск и перехлест морской лохани.
Так странные проходят города,
Порты и пристани с курганами арбузов,
Амбары, элеваторы и маяки,
Гречанки, взглядывающие из-под руки,
Домов рассыпанные бусы.
Жизнь переходит в голубой туман,
Сознание становится обузой,

А счастьем — жилистый подъемный кран,
Легко несущий грузы.

ВЕСНА

Прости.

Я послал тебя давеча к черту.
Ну что же поделать — меня теребят.
Прости.

Я такой нетерпимый и черствый,
Из-за весны обидел тебя.

Погода стоит. Без конца, без начала.
Дул ветер. Шли капли. Набухла десна
От флюса, от прели апреля. В отчаянье
Я понял, что это опять весна.

Опять? До смешного простая забота —
Приклеивать мысли куском к куску.
Все женщины сняли калоши и боты.
Стучат каблуки. Продают тоску.

(Тоску продают в небольших букетах
Из крымских фиалок и медуниц.)

...Согласно канону весенних традиций,
Нужно под сердцем слегка повозиться.
Сердце угрюмо стучит с утра, —
Стучит, как лудильщик на черных дворах.

Сердце,
Хочешь ты с ветром пьяным
Далеко на север лететь?
Хочешь по снежным полянам
Новые песни петь?

Сердце,
Захочешь ты или нет
Схватить на закатной красе
Безумный, тысячелетний
Летный порыв гусей.

Перетоплен снег
Праздничными ветрами.
Стих этот мой — весне
Солнечный, грустной и ранней.

Все идет,
Все идет, как сперва...
Зеленеет на бурых клумбах
Неизвестная мне трава.
И разворачивается над ГУМом
Коленкоровая синева.

Что твоя небольшая обида?
Обижаться не стоит труда,
Если сердце мое разбито
Самое меньшее — навсегда.

БЕРЕЗА КАРЕЛИИ

Что же ты невесела,
Белая береза?
Свои косы свесила
С широкого плеса,
С моха, камня серого,
На волну сбегая,
Родимого севера
Дочка дорогая?
У крутого берега,
С вечера причаливая,
Плывши с моря Белого,
Вышли англичане.
Люди пробираются
Темными опушками.
Звери разбегаются,
Пуганные пушками.
Ветер, тучи собирай
По осенней стыни.
Край ты мой, озерный край,
Лесная пустыня!
Ты шуми окружьями,

Звень твоя не кончена.
Собираются с ружьями
Мужики-олончане.
От Петрозаводска —
Красные отряды,
Форменки флотские,
Грудь — что надо!
Селами и весями
Стучат колеса.
Что же ты невесела,
Белая береза?

ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ

Так жизнь протекает светло, горячо,
Струей остывающего олова.
Так полночь кладет на мое плечо
Суровую свою голову.

Прощай, моя юность! Ты ныла во мне
Безвыходно и нетерпеливо —
О ветре степей, о полярном огне
Берингова пролива.

Ты так обнимаешь, ты так бередишь
Романтикой, морем, пассатами,
Что я замираю и слышу в груди,
Как рвутся и кружатся атомы.

И спать невозможно, и жизнь велика,
И стены живут по-особому.
И если опять тебе потакать,
То все потеряю, что собрано.

Ты кинешь меня напролом, наугад, —
Я знаю тебя, длинноглазую, —
И я поднимусь, чернобров и горбат,
Как горы срединной Азии.

На бой, на расправу, на путь, в ночлег
Под звездными покрывалами.
И ты переметишь мой бешеный бег
Сводчатыми вокзалами,

И залами снов, и шипением пуль,
И парусным ветром тропиков,
Но смуглой рукой ты ухватишь руль
Ритма, размера, строфики.

И я покорюсь и буду писать,
Безвыходно, нетерпеливо,
Как пишут по небу теперь паруса
Серебряного залива.

УТРО РЕСПУБЛИК

Заря поднимает гребни розовые
И медленно расчесывает облачные косы.
Трое приятелей разговор вели,
Но я обходил вопросы.
Что мне сказать? С головы до пят
Дымная усталость меня опутывает.
В час, когда нервы о сне вопят,
Разве расскажешь что-нибудь путное?
Стойте! Вы слышите ровное скрипенье
Черных осей прочного мира? —
Это вступает в право владенья —
День завода и день квартиры.
Жизнь моя, товарищи, питается работой.
Дайте мне дело пожестче и бессонней.
Что-нибудь кроме душевных абортов —
Мужское дело, четкого фасона.
Честное слово, кругом весна,
Мозг работает, тело годно, —
Шестнадцать часов для труда!
Восемь для сна!
Ноль — свободных!
Хочу позабыть свое имя и званье,
На номер, на литер, на кличку сменять.

Огромная жадность к существованию
На теплых руках поднимает меня.
Из топок зари рассыпаются угли.
По знаку дорог, городов, деревень
Железные рты молодых республик
Приветствуют ревом встающий день.

МОЛОДЕЖЬ

Товарищи!

Мокрая ли, сухая ли —
Погода крепчает. Она честна.
Товарищи! Снова снега растаяли...
Товарищи! Зовет десятая весна.
Мне двадцать шесть. Я дышу со скрипом:
Так туги мои легкие и кровь густа.
Мое поколение — встает открыто,
Мое поколение — на своих местах!
Мое поколение — мастеров и инженеров,
Костистых механиков, очкастых врачей,
Сухих лаборантов, выжженных нервов,
Веселых глаз в тысячу свечей.
Товарищи! Погодки — Семеновы, Борзовы,
Учетная книжка — девятьсот первый год.
Со школьной скамьи мы все мобилизованы
На стройку, на службу, на бой, в поход.
Страна Советов суровыми силами
Нас наделяла, за рядом ряд.
Страна Труда матерински сшила нам
Сугробы шинелей и сложила в склад.
И склад существует, и в складе позаботятся,
Чтоб нас нарядить в оперативный час.
Когда засвистит стальная непогодица,
Бригады помчатся, коней горяча,
Когда мы наклоним шишачные гольфы
И, ритм коммун материкам суля,
Славянами, кавказцами, тюрками, монголами
Начнет полыхать покатая земля.
И руки страны нас кинут первыми
Широкой дугой в броневой галдеж —

С веселыми глазами и выжженными нервами,
Привычных и честных,
нас —
молодежь!

ДЕВИЧЬЯ-ПОЛНОЧНАЯ

Что же ты, милая, сердце-то забыла,
Сердце забыла ночной порой?!
Бьют села в била, поезжан убили,
Погубили поезжан. Вьюга на порог.

Месяц не вылазит, месяца не видно,
Не видно месяца, убей меня бог.
Бубенятся сани, едут с кистенями,
С кистенями, с бородами. Вьюга на порог.

Снега невылазные, черти семиглазые,
Черти семиглазые, а снег — тафта.
По дороге ивы, да конские гривы,
Гривы, да на воре рудо-желт кафтан.

Ты уже не сетуй, сестра моя, не сетуй,
Не сетуй, сестра моя, не сетуй, не плачь.
Встал палач до света, вострит до рассвета,
Вострит он топорики, царев палач.

Не с того я сердце свое позабыла,
А с того забыла, что морозец бор.
Во лесной залоге, в медвежьей берлоге
Холодно ночует окаянный вор.

МОЛОДЕЦКАЯ-СТРУГОВАЯ

Ах ты, ночь, высока,
Полночь темная.
Новгородская рука,

Неумная.
Ох, Онега-река,
И Двина-река,
И Печора-река —
Вода глубока.
Зашумели леса
По-бирючьему,
Полыхала река
По-щучьему.
Ветер влет полетел
По-гусиному.
Надевали на струги
Парусину мы.
Ой ты, братец ты мой,
Ветер с полудня,
Ты носи за собой,
Пока молоды,
Пока кровь ходуном,
Пока бой топором.
Пока нету хором,
Пока нет похорон,
Пока грудь колесом,
Пока свист по лесам.
Пока бурей башка,
Пока нож в три вершка.
Пришла весна —
Красная крутоярь.
Ой ты, мать честна,
Кистеня рукоять.
Вышел парень в года, —
Парню нет ремесла.
Закипела вода
В сорок два весла.

ФРОНТЫ

Вьет и мечет,
Режет и мечет
Свет и тень
В чет и нечет...
Валит снег, а ветра круты́...

Скажи, моя молодость, — это ты?!
Ночь февральская — это ты!
Кровь по жилам — это тоже ты!
А с тобой красноармейские посты,
А с тобой мандатные листы,
Вражеских метелей белые розги,
Гулевой чертогон матросский.
Клещ по ветру и свист по холоду
Над землей, пополам расколотой,
Гул годов, снарядного нагрева.
Ветер, стой! Равнение налево!
Валит снег.
Топят печи.
Бьет ночь
В чет и нечет...
Высится стройка в лесах рогатых:
Это в переулке за Арбатом,
В царстве мезонинной глухоты.
Скажи, моя молодость, — это тоже ты?!
Да, это я, — не в шинели, не в бушлате, —
В жарком пальто, купленном в Мосторге.
Деньги на бочку, требую платы,
Требую платы. Беру дорого!
Я проносу над служебными бурями,
Толщи докладов вдрызг разрывая.
Я намираю с тобой при штурме
Девятичасовых тугих трамваев.
И, раскатившись в звонках телефонов
И прошибая столы редакций,
Я обучаю простым законам:
Верить, вставать, вырастать, драться,
Жизнь строчить пулеметной лентой!
Если ты свалишься мертвой обузой,
Сзади грохнут шаги студентов,
Песни рабфаков, колонны вузов —
Бегунов на всемирный матч,
Строителей фабрик и радиомачт.
И опять забьет и замечет.
Свет и тень
В чет и нечет,
Вихрь нетерпенья и суеты...
Это будешь тоже —
ты!

Огонь
пожирает дрова,
А время
идет с молодыми.

* * *

Судить меня будет время
и ты,
Одетая в куртку
ночной темноты,
В калоши
дождя проливного.
Ты вечно спешишь —
я не знаю куда —
На курсы, на вечер, —
и даже года
С тобою идут
не в ногу,

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

ИВАНОВЫ

Стоят чиновные деревья,
Почти влезая в каждый дом.
Давно их кончено кочевье,
Они в решетках, под замком.
Шумит бульваров теснота,
Домами плотно заперта.

Но вот все двери растворились,
Повсюду шепот пробежал:
На службу вышли Ивановы
В своих штанах и башмаках.
Пустые гладкие трамваи
Им подают свои скамейки.
Герои входят, покупают
Билетов хрупкие дощечки,
Сидят и держат их перед собой,
Не увлекаясь быстрою ездой.

А там, где каменные стены,
И рев гудков, и шум колес,
Стоят волшебные сирены

В клубках оранжевых волос.
Иные, дуньками одеты,
Сидеть не могут взаперти.
Прищелкивая в кастаньеты,
Они идут. Куда идти,
Кому нести кровавый ротик,
У чьей постели бросить ботик

И дернуть кнопку на груди?
Неужто некуда идти?

О мир, свинцовый идол мой,
Хлещи широкими волнами
И этих девок упокой
На перекрестке вверх ногами!
Он спит сегодня, грозный мир:
В домах спокойствие и мир.

Ужели там найти мне место,
Где ждет меня моя невеста,
Где стулья выстроились в ряд,
Где горка — словно Арарат —
Имеет вид отменно важный,
Где стол стоит и трехэтажный
В железных латах самовар
Шумит домашним генералом?

О мир, свернись одним кварталом,
Одной разбитой мостовой,
Одним проплеванным амбаром,
Одной мышьиной норой,
Но будь к оружию готов:
Целует девку — Иванов!

СВАДЬБА

Сквозь окна хлещет длинный луч,
Могучий дом стоит во мраке.
Огонь раскинулся, горюч,
Сверкая в каменной рубахе.
Из кухни пышет дивным жаром.
Как золотые битюги,

Сегодня зреют там недаром
Ковриги, бабы, пироги,
Там кулебяка из кокетства
Сняет сердцем бытия.
Над нею проклинает детство
Цыпленок, синий от мытья.
Он глазки детские закрыл,
Наморщил разноцветный лобик
И тельце сонное сложил
В фаянсовый столовый гробик.
Над ним не поп ревел обедню,
Махая по ветру крестом,
Ему кукушка не певала
Коварной песенки своей:
Он был закован в звон капусты,
Он был томатами одет,
Над ним, как крестик, опускался
На тонкой ножке сельдерей.
Так он почил в расцвете дней,
Ничтожный карлик среди людей.

Часы гремят. Настала ночь.
В столовой пир горяч и пылок.
Графину винному невмочь
Расправить огненный затылок.
Мясистых баб большая стая
Сидит вокруг, пером блистая,
И лысый венчик горностая
Венчает груди, ожирев
В поту столетних королев.
Они едят густые сласти,
Хрипят в неутоленной страсти
И, распуская животы,
В тарелки жмутся и цветы.
Прямые лысые мужья
Сидят, как выстрел из ружья,
Едва вытягивая шею
Сквозь мяса жирные траншеи.
И, пробиваясь сквозь хрусталь
Многообразно однозвучный,
Как сон земли благополучной,
Парит на крылышках мораль.

О пташка божья, где твой стыд?
И что к твоей прибавит чести
Жених, приделанный к невесте
И позабывший звон копыт?
Его лицо передвижное
Еще хранит следы венца,
Кольцо на пальце золотое
Сверкает с видом удальца,
И поп, свидетель всех ночей,
Раскинув бороду забралом,
Сидит, как башня, перед балом
С большой гитарой на плече.

Так бей, гитара! Шире круг!
Ревут бокалы пудовые.
И вздрогнул поп, завыл и вдруг
Ударил в струны золотые.
И под железный гром гитары,
Подняв последний свой бокал,
Несутся бешенные пары
В нагие пропасти зеркал.
И вслед за ними по засадам,
Ополоумев от вытья,
Огромный дом, виляя задом,
Летит в пространство бытия.
А там — молчанья грозный сон,
Седые полчища заводов,
И над становьями народов —
Труда и творчества закон.

КУПАЛЬЩИКИ

Кто, чернец, покинув печку,
Лезет в ванну или тазик —
Приходи купаться в речку,
Отступишь от безобразий!

Кто, кукушку в руку спрятав,
В воду падает с размаха —
Во главе плывет отряда,
Только дым идет из паха.

Все, впервые сняв одежды
И различные доспехи,
Начинают как невежды,
Но потом идут успехи.

Влага нежною гусыней
Щиплет части юных тел
И рукою водит синей,
Если кто-нибудь вспотел.

Если кто-нибудь не хочет
Оставаться долго мокрым —
Трет себя сухим платочком
Цвета воздуха и охры.

Если кто-нибудь томится
Страстью или искушеньем —
Может быстро охладиться,
Отдыхая без движенья.

Если кто любить не может,
Но изглодан весь тоскою,
Сам себе теперь поможет,
Тихо плавая с доскою.

О река, невеста, мамка,
Всех вместившая на лоне,
Ты не девка-полигамка,
Но святая на иконе!

Ты не девка-полигамка,
Но святая Парасковья,
Нас, купальщиков, встречай,
Где песок и молочай!

ЛИЦО КОНЯ

Животные не спят. Они во тьме ночной
Стоят над миром каменной стеной.

Рогами гладкими шумит в соломе
Покатая коровья голова.
Раздвинув скулы вековые,
Ее притиснул каменистый лоб,
И вот косноязычные глаза
С трудом вращаются по кругу.

Лицо коня прекрасней и умней.
Он слышит говор листьев и камней.
Внимательный! Он знает крик звериный
И в ветхой роще рокот соловьиный.

И зная все, кому расскажет он
Свои чудесные виденья?
Ночь глубока. На темный небосклон
Восходят звезд соединения.
И конь стоит, как рыцарь на часах,
Играет ветер в легких волосах,
Глаза горят, как два огромных мира,
И грива стелется, как царская порфира.

И если б человек увидел
Лицо волшебное коня,
Он вырвал бы язык бессильный свой
И отдал бы коню. Поистине достоин
Иметь язык волшебный конь!

Мы услышали бы слова.
Слова большие, словно яблоки. Густые,
Как мед или крутое молоко.
Слова, которые вонзаются, как пламя,
И, в душу залетев, как в хижину огонь,
Убогое убранство освещают.
Слова, которые не умирают
И о которых песни мы поем.

Но вот конюшня опустела,
Деревья тоже разошлись,
Скупое утро горы спеленало,
Поля открыло для работ.
И лошадь в клетке из оглобель,
Повозку крытую влача,
Глядит покорными глазами
В таинственный и неподвижный мир.

ПРОГУЛКА

У животных нет названья.
Кто им зваться повелел?
Равномерное страданье—
Их невидимый удел.
Бык, беседуя с природой,
Удаляется в луга.
Над прекрасными глазами
Светят белые рога.
Речка девочкой невзрачной
Притаилась между трав,
То смеется, то рыдает,
Ноги в землю закопав.
Что же плачет? Что тоскует?
Отчего она больна?
Вся природа улыбнулась,
Как высокая тюрьма.
Каждый маленький цветочек
Машет маленькой рукой.
Бык седые слезы топчет
Ходит пышный, чуть живой.
А на воздухе пустынном
Птица легкая кружится,
Ради песенки старинной
Нежным горлышком трудится.
Перед ней сияют воды,
Лес качается, велик,
И смеется вся природа,
Умирая каждый миг.

МЕРКНУТ ЗНАКИ ЗОДИАКА

Меркнут знаки Зодиака
Над просторами полей.
Спит животное Собака,
Дремлет птица Воробей.
Толстозадые русалки
Улетают прямо в небо,

Руки крепкие, как палки,
Груди круглые, как репа.
Ведьма, сев на Треугольник,
Превращается в дымок.
С лешачихами покойник
Стройно пляшет кекуок.
Вслед за ними бледным хором
Ловят Муху колдуны,
И стоит над косогором
Неподвижный лик луны.

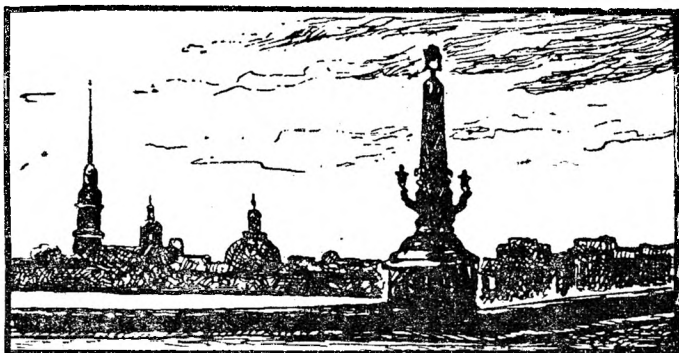
Меркнут знаки Зодиака
Над постройками села,
Спит животное Собака,
Дремлет рыба Камбала.
Колотушка тук-тук-тук,
Спит животное Паук,
Спит Корова, Муха спит,
Над землей луна висит.
Над землей большая площадка
Опрокинутой воды.
Леший выгацил бревешко
Из мохнатой бороды.
Из-за облака сирена
Ножку выставила вниз,
Людоед у джентльмена
Неприличное отгрыз.
Все смешалось в общем танце,
И летят во все концы
Гамадрилы и британцы,
Ведьмы, блохи, мертвецы.

Кандидат былых столетий,
Полководец новых лет,
Разум мой! Уродцы эти —
Только вымысел и бред.
Только вымысел, мечтанье,
Сонной мысли колыханье,
Безутешное страданье, —
То, чего на свете нет.

Высока земли обитель.
Поздно, поздно. Спать пора!

Разум, бедный мой воитель,
Ты заснул бы до утра.
Что сомненья? Что тревоги?
День прошел, и мы с тобой —
Полузвери, полубоги —
Засыпаем на пороге
Новой жизни молодой.

Колотушка тук-тук-тук,
Спит животное Паук,
Спит Корова, Муха спит,
Над землей луна висит.
Над землей большая плошка
Опрокинутой воды.
Спит растение Картошка.
Засыпай скорей и ты!

ДМИТРИЙ КЕДРИН

БУДУЩЕМУ

Юным ленинцам

Если солнце рассыпалось искрами,
Не должны ли мы нежность отдать
Мальчугану с глазами лучистыми,
Осветившему наши года?

Если небо сегодня не прежнее,
Мы поймем — это так оттого,
Что дорога, как небо, безбрежная,
К коммунизму его позовет.

Пусть мы знали и боль, и потери,
И душа наша гневом больна, —
Для него не широкие двери —
Мир громадный откроет весна.

Он не вспомнит и ужас подвалов,
Отравивших кошмарами нас,
Он узнает, что жизнь улыбалась,
Над его колыбелью склоняясь.

Слушают грохот крушенья
Своды великой тюрьмы.
Дело ее разрушенья
Кончим, товарищи, мы.

Наша священная ярость
Миру порукой дана:
Будет безоблачна старость,
Молодость будет ясна.

Гневно сквозь сжатые зубы
Плюнь на дешевый уют,
Наши походные трубы
Скоро опять запуют.

Музыкой ясной и строгой
Нас повстречает война.
Выйдем — и будут дорогой
Ваши звучать имена.

Твердо пойдем, побеждая,
Крепко сумеем стоять.
Память о вас молодая
Будет над нами сиять.

Жесткую выдержку вашу
Гордо неся над собой,
Выпьем тяжелую чашу,
Выдержим холод и бой.

Все для того, чтобы каждый
Смертью дышавший в борьбе,
Мог бы тихонько однажды
В сердце сказать о себе:

«Я создавал это племя,
Миру несущее новь,
Я подарил тебе, время,
Молодость, слово и кровь».

БОРИС КОРНИЛОВ

* * *

Усталость тихая, вечерняя
Зовет из гула голосов
В Нижегородскую губернию
И в синь Семеновских лесов.

Сосновый шум и смех осиновый
Опять кулигами пройдет.
Я вечера припомню синие
И дымом пахнувший омет.

Березы нежной тело белое
В руках увижу ложкаря,
И вновь непочатая, целая
Заколыхается заря.

Ты не уйдешь, моя сосновая,
Моя любимая страна!
Когда-нибудь, но буду снова я
Бросать на землю семена.

Когда хозяйки хлопнут ставнями
И отдых скрюченным рукам,
Я расскажу про город каменный
Седым угрюмым старикам.

Познаю вновь любовь вечернюю,
Уйдя из гула голосов
В Нижегородскую губернию,
В разбег Семеновских лесов.

ЛОШАДЬ

Дни-мальчишки,
Вы ушли, хорошие,
Мне оставили одни слова, —
И во сне я рыженькую лошадь
В губы мягкие расцеловал.

Гладил уши; морду
Тихо гладил
И глядел в печальные глаза.
Был с тобой, как и бывало,
Рядом,
Но не знал, о чем тебе сказать.

Не сказал, что есть другие кони,
Из железа кони,
Из огня...
Ты б меня, мой дорогой, не понял,
Ты б не понял нового меня.

Говорил о полевом, о прошлом,
Как в полях, у старенькой сохи,
Как в лугах немятых и некошенных
Я читал тебе
Свои стихи...

Мне так дорого и так мне любо
Дни мои любить и вспоминать,
Как, смеясь, тебе совал я в губы
Хлеб, что утром мне давала мать.

Потому ты не поймешь железа,
Что завод деревне подарил
Хорошо которым
Землю резать,
Но нельзя с которым говорить.

Дни-мальчишки,
Вы ушли, хорошие,
Мне оставили одни слова,—
И во сне я рыженькую лошадь
В губы мягкие расцеловал.

ТРОЙКА

*Не целуй меня на улице,—
Целуй меня в снях,—
Не целуй меня в снях,—
Целуй на масленой в снях.*

Жить по-старому Русь моя кончила,
Дней былых
По полям не ищи.
На степях отзвенел колокольчик
И отпел свои песни ямщик.
А давно ли цыганки и ухари,
И бубенчик, как радость, дрожал,
Не грустили там — пели и ухали...
Все же мне тебя, тройка,
Не жаль!

Вот как хочешь,
И кажется, словно
Я не буду жалеть никогда,
Что ямщик не споет про любовное,
Колокольчик —
Про тихий Валдай.
Что на сердце разгул не шевелится,
Что не ухарь задорный с лица,
Что в степи раскрасавица девица
Не целует в снях молодца.
Ой ли, тройка,

Разгульная тройка,—
Свищет ветер,
Поет и скулит,—
Пронеслась ты, лихая и бойкая,
Как бывшее, пропала в пыли,
Отоснилась бывшая красавица.
Скоро в степь,
В беспредельную степь
Твой возница на тракторе явится
Не по-вашему петь и свистеть,
Нынче, тройка,
Все сверено, взвешено,
И не будет бедою,
Когда
За посевами тройкою бешеной
Пропадут озорные года.

НОЧЬ КОМБАТА

Знакомые дни отцвели,
Опали в дыму под Варшавой,
И нынче твои костыли
Гремят по панели шершавой.

Но часто — неделю подряд,
Для памяти не старея,
С тобою, товарищ комбат,
По-дружески говорят
Угрюмые батареи.

Товарищ и сумрачный друг,
Пожалуй, ты мне не ровесник,
А ночь молодая вокруг
Поет задушевные песни.

Взошла высоко на карниз,
Издавна мила и знакома,
Опять завела, как горнист,
О первом приказе наркома.

И снова горячая дрожь,
Хоть пульей навеки испорчен,
Но ты портупею берешь
И Красного Знамени орден.

И ночью готов на парад,
От радости плакать не смея,
Безногий товарищ комбат,
Почетный красноармеец,
Ты видишь:

Проходят войска
К размытым и черным окопам,
И пуля поет у виска
На Волге и под Перекопом.

Земляк и приятель погиб.
Ты видишь ночную порою
Худые его сапоги,
Штаны с незашитой дырою.

Но ты, уцелев, на парад
Готов, улыбаться не смея,
Безногий товарищ комбат,
Почетный красноармеец.

А ночь у окна напролет
Высокую ноту берет,
Трубит у заснувшего дома
Про восемнадцатый год,
О первом приказе наркома.

ОЖИДАНИЕ

Грудь слезами выпачкав,
Снова к вербе, к омуту
Ты уйдешь на цыпочках,
Покидая комнату.

Только хлопнут двери там,
Где кончалась комната,—
Ходит ветер берегом
К омуту от омута.

И приносит вести он,
И уйдет назад,—
На лице невестином
Полыхнет закат.

Руки сломит надвое,
Плача и любя,
Волны встанут, падая,
Прямо на тебя...

Криками совиными
В ельники игольчатые...
Только за овинами
Дрогнут колокольчики.

Никого в овинах нет,—
Может, тройка дикая
На поляну вымахнет,
Звякая и гикая.

Кручами и срывами,
А над нею вороны —
Пристяжные гривами
Машут в обе стороны.

Тропками забытыми
На лугах и насыпях
Коренник копытами
Рвет поляну наспех.

Недолга у девушек
И тоска и жалоба.
Где она? Где уже?
Сам жених пожаловал.

Постели ему постель
Без худого словушка,—
Сбоку ходит коростель,
В головах — соловушка.

Убаюкай, успокой,
С новою тревогою,
Тихо ласковой рукой
Голову потрогай.

Высоко заря горит,
Скоро утро будет,
Ветер ходит, говорит
И тебя разбудит.

Никого в долинах нет,
И путями новыми
Вороной не вымахнет,
Стукая подковами.

Не дрожали у реки
Кони, колокольчики,
Где шумят березники,
Ельники игольчатые.

Не любили, не могли,—
Нива колосистая,—
Милый водит корабли,
Песенку насвистывая.

На веселый хоровод
У реки, у хутора
Милый больше не придет,
Уходя под утро.

Не твои картузы
И сапожки лаковые,
Не в последние разы
Глазыньки заплаканные.

МУЗЕЙ ВОЙНЫ

Вот послушай меня, отцовская
Сила, сивая борода.
Золотая,
    синяя,
        Азовская,

завывала, ревела орда.

Лошадей задирая, как волки,
батыри у Батыя на зов,
у верховья ударили Волги,
налетая от сильных низов.
Татарин,

конечно,
верна́ твоя

обожженная стрела,
лепетала она, пернатая,
неминуемая была.
Игого,

лошадиное иго —
только пепел шипел на кустах,
скрежетала литая верига
у боярина на костях.
Но уже запирая терем
и кончая татарскую дань,
царь Иван Васильевич зверем
наказал

наступать
на Казань.

Вот послушай, отцовская сила,
сивая твоя борода,
как метелями заносило
все шляхетские города.
Голытьбою,
нелепой гульбою,
матка бозка и панове,
с ним бедовати —
с Тарасом Бульбою —
восемь весен
и восемь зим.

И колотят копытами в поле,
городишки разносят в куски,
вот высоких насилуют полек,
вырезая ножами соски.
Но такому налету не рады,
отбивают у вас казаки,

поджигают полковника, гады,
над широким Днепром гайдуки.

Мы опять отшуруем угли,
отпоем, отгуляем сполна —
Над Союзом Советских Республик
поднимает копыто война,
небывалого роста, клыкката,
черной бурей задрожав,
интервенция и блокада
всех четырнадцати держав.
Вот и вижу такое дело —
кожу снятую на ноже,
загоняют мне колья в тело
поджигают меня уже.
Под огнями
камнями становья
на ножи наскочила она,
голова молодая сыновья
полетела, как луна.
Голова —
молода и проста ты,
не уйдешь в поднебесье луной —
вровень подняты аэростаты
с этой белой головой.
Под кустами неверной калины
ты упала, навеки мертва, —
гидропланы и цеппелины
зацепили тебя, голова.

Мы лежим
локоть об локоть,
рядом,
я и сын,
на багровом песке,
люизитом —
дымящимся ядом —
кровь засушена на виске.
Но уже по кустам молочая,
колыхая штыки у виска,
дымовые завесы качая,
регулярные вышли войска.
Налетели, подобные туру —

рана рваная

и поджог —

на твою вековую культуру,
золотой европейский божок.
Только штофные стены музея,
где гремит бронированный танк,
шпага черная на портупее,
томагаук

и бумеранг...

Обожженное дымом копыто...
Только стены музея стоят
невеселым каталогом пыток,
что горели полвека назад.
Орды синие и золотые
в нем оставили бурю подков,
и копьё и копыто Батя,
Чингисхана пожары с боков.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

* * *

Все так же мирен листьев тихий шум,
И так же вечер голубой беспечен,
Но я сегодня полон новых дум,
Да, новых дум я полон в этот вечер.

И в сумраке слова мои звенят —
К покою мне уж не вернуться скоро.
И окровавленным упал закат
В цветном дыму вечернего простора.

Моя Республика, любимая страна,
Раскинутая у закатов,
Всего себя тебе отдам сполна,
Всего себя, ни капельки не спрятав.

Пусть жизнь глядит холодною порой,
Пусть жизнь глядит порой такую злою,
Огонь во мне, затепленный тобой,
Не затушу и от людей не скрою.

И не пройду я отвернувшись, нет,
Вот этих лет волнующихся — мимо,
Мне электрический веселый свет
Любезнее очей любимой.

Я не хочу и не могу молчать,
Я не хочу остаться постояльцем,
Когда к Республике протягивают пальцы,
Чтоб их на горле повернее сжать.

Республика, я одного прошу:
Пусти меня в ряды простым солдатом.
...Замолк деревьев переливный шум,
Утих разлив багряного заката.

Но нет вокруг спокойствия и сна.
Угрюмо небо надо мной темнеет,
Все настро́женнее тишина,
И цепи туч очерчены яснее.

СИБИРЬ

Сибирь, настанет ли такое,
Придет ли день и год, когда
Вдруг зашумят, уставши от покоя,
В бетон наряженные города?

Я уж давно и навсегда бродяга,
Но верю крепко: повернется жизнь,
И средь тайги сибирские Чикаго
До облаков поднимут этажи.

Плывут и падают высокие закаты
И плавают краски на зеленом льду,
Трясет рогами вспугнутый сохатый
И громко фыркает, почувявши беду.

Все дальше вглубь теперь уходят звери,
Но не уйти им от своей судьбы.
И старожилы больше уж не верят
В давно пропетую и каторжную быль.

Теперь иные подвиги и вкусы,
Моя страна, спеши сменить скорей
Те бусы
Из клыков зверей —
На электрические бусы!..

АЗИАТ

Ты смотришь здесь совсем чужим,
Недаром бровь тугую супишь.
Ни за какой большой калым
Ты этой женщины не купишь.
Хоть волос русый у меня,
Но мы с тобой во многом схожи:
Во весь опор пустив коня,
Схватить земли смогу я тоже.
Я рос среди твоих степей,
И я, как ты, такой же гибкий,
Но не для нас цветут у ней
В губах подкрашенных улыбки,
Вот погоди — другой придет,
Он знает разные манеры
И вместе с нею осмеет
Степных, угрюмых кавалеров.
И этот узел кос тугой
Сегодня ж, может быть, под вечер
Не ты, не я, а тот, другой
Распустит бережно на плечи.
Встаешь, глазами засверкав,
Дрожа от близости добычи.
И вижу я, как свой аркан
У пояса напрасно ищешь.
Здесь люди чтут иной закон
И счастье ловят не арканом!

По гривам ветреных песков
Пройдут на север караваны.
Над пестрою кошмой степей
Заря поднимет бубен алый.
Где ветер плещет гибким талом,
Мы оседлаем лошадей.

Дорога гулко зазвенит,
Горячий воздух в ноздри хлынет,
Спокойно лягут у копыт
Пахучие поля полыни.
И там, в предгории Алтая,
Мы будем гости в самый раз.
Степная девушка простая
В родном ауле встретит нас.
И в час, когда падут туманы
Ширококрылой стаей вниз,
Мы будем пить густой и пьяный,
В мешках бушующий кумыс.

* * *

Затерян след в степи солончаковой,
Но приглядишься — на шее скакуна
В тугой и тонкой кладнице шевровой
Старинные зашиты письма.

Звенит печаль под острою подковой,
Резьба стремян узорна и темна...
Здесь над тобой в пыли многовековой
Поднимется курга́нная луна.

Просторен бег гнедого иноходца
Прислушайся! Как мерно сердце бьется
Степной страны, раскинувшейся тут,

Как облака тяжелые плывут
Над пестрою юртою у колодца.
Кричит верблюды. И кони воду пьют.

РАССКАЗ О ДЕДЕ

Корнила Ильич, ты мне сказки ба́ял,
Служилый да ладный — вон ты каков!
Кружилась за окнами ночь, рябая
От звезд, сирени и светляков.

Тогда, как подкошенная, с разлета
В окно ударялась летучая мышь,
Настоянной кровью взбухало болото,
Сопя и всасывая камыш.

В тяжелом ковше не тонул, а плавал
Расплавленных свеч заколдованный воск,
Тогда начиналась твоя забава —
Лягушечьи песни и переплёск.

Недобрым огнем разжигались поверья,
Под мох забиваясь, шипя под золой,
И песни летали, как белые перья,
Как пух одуванчиков над землей!

Корнила Ильич, бородатый дедко,
Я помню, как в пасмурные вечера
Лицо загудевшею синею сеткой
Тебе заволакивала мошкара.

Ножовый цвет бархата, незабудки,
Да в темную сырь смоляной запал,—
Ходил ты к реке и играл на дудке,
А я подсвистывал и подпевал.

Таким ты остался. Хмурый да ярый,
Еще неуступчивый в стык, на слом,
Рыжеголовый, с дудкою старой,
Весну проводящий сквозь бурелом.

Весна проходила речонки бродом,
За пестрым телком, распустив волоса.
И петухи по соседним зародам
Сверяли простуженные голоса.

Она проходила куда попало
По метам твоим. И наугад
Из рукава по воде пускала
Белых гусынь и желтых утят.

Вот так радость зверью и деду!
Корнила Ильич, здесь трава и плес,
Давай окончим нашу беседу
У мельничных вызеленных колес.

Я рядом с тобою в осоку лягу
В упор трясинному зыбуну.
Со дна водяным поднялась коряга,
И щука нацеливается на луну.

Теперь бы время сказкой потешить
Про злую любовь, про лесную жизнь.
Четыре пня, как четыре леших,
Сидят у берега, подпершись.

Корнила Ильич, по старой излучке
Круги расходятся от пузыря,
И я, распластав, словно крылья, руки,
Встречаю молодость на заре.

Я молодость слышу в птичьем крике,
В цветенье и гаме твоих болот,
В горячем брожении свежей брусники,
В сосне, зашатавшейся от непогод.

Крест не в крест, земля — не перина,
Как звезды, осыпались светляки,—
Из гроба не встанешь, и с глаз свиных
Не снимешь стертые пятаки.

И лучший удел — что в забытой яме,
Накрытой древнею синевою,
Отыщет тебя молодыми когтями
Обугленный дуб, шелестящий листвою.

Он череп развалит, он высосет соки,
Чтоб снова заставить их жить и петь,
Чтоб встать над тобою крутым и высоким,
Корой обрастать и ветвями звенеть!

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

НА УЛИЦЕ

Апрель ударил голубым крылом
О городскую черствую дорогу.
И вот со звоном выкатился лом
Из шумной двери солнцу на подмогу.

И целый день в руках играет сталь,
Вздыхают глухо ледяные глыбы.
Сегодня день — прозрачный, как хрусталь,
Сегодня день приветливых улыбок.

Весь город напоен ласкающим теплом,
Неугомон у каждого порога...
Апрель ударил голубым крылом,
О городскую черствую дорогу.

ДВЕНАДЦАТЬ ТРАВ

Хорошо походкой вялой
Мять в лугах шелка отав,
Под Ивана под Купала
Собирать двенадцать трав.

Под подушку — травы в клетки,
И, в прохладной тишине,
Может случиться, на рассвете
Милый явится во сне...

Ночь проходит. День стучится.
Просыпается народ.
Только суженый не снится,
Только ряженный нейдет.

Небо радостно над хатой,
А на сердце — грусть-тоска.
Знать, напрасно были смяты
Те отавные шелка.

БОЛЬШАЯ ДЕРЕВНЯ

«Москва — большая деревня»
(Старинная крестьянская присказка)

...И все слышней, и все напевней
Шумит полей родных простор,
Слывет Москва «большой деревней»
По деревням и до сих пор.

В Москве звенят такие ж песни,
Такие песни, как у нас,
В селе Оселье и на Пресне
Цветет один и тот же сказ.

Он, словно солнце над равниной,
Бросает в мир снопы лучей,
И сплелся в нем огонь рябины
С огнем московских кумачей.

Москва пробила все пороги
И, по зеленому руслу,
Ее широкие дороги
От стен Кремля текут к селу.

И оттого-то все напевней
Шумит полей родных простор,
Что в каждой маленькой деревне
Теперь московский кругозор.

Москва в столетьях не завянет
И не поникнет головой
Но каждая деревня станет
Цветущей маленькой Москвой.

ВДОЛЬ ДЕРЕВНИ

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;

Загудели, заиграли провода,—
Мы такого не видали никогда.

Нам такое не встречалось и во сне,
Чтобы солнце загоралось на сосне;

Чтобы радость подружилась с мужиком,
Чтоб у каждого — звезда под потолком.

Небо льется, ветер бьется все больней,
А в деревне — частоколы из огней.

А в деревне и веселье, и краса,
И завидуют деревне небеса.

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;

Загудели, заиграли провода,—
Мы такого не видали никогда.

ГДЕ ТЫ, ЛЕТО ЗНОЙНОЕ

Где ты, лето знойное,
Радость беспокойная,

Голова курчавая,
Рощи да сады?..
Белая метелица
За окошком стелется,
Белая метелица
Замела следы.

Были дни покосные,
Были ночи росные,
Гнулись ивы тонкие
К светлому ручью.
На лугу нескошенном
На лугу заброшенном
Встретила я молодость,
Молодость свою.

Встретила нежданную,
Встретила желанную
Под густою липою,
Под копной волос.
Отчего горела я,
Отчего хмелела я —
От зари малиновой
Аль от буйных рос?

Разожгла головушку,
Разбурлила кровушку,
Думы перепутала
Звездная пурга...
До сих пор все чудится —
Сбудется, не сбудется —
Белая рубашка,
Вечер и луга.

По тропе нехоженой
Дни ушли погожие,
Облетели рощи,
Стынут зеленыя...
Саночки скрипучие
Да снега сыпучие
Разлучили с милым
Девушку, меня.

Разлучили-бросили
До весны, до осени,
До весны ль, до осени ль
Или навсегда?
Закатилась, скрылась
Скрылась, закатилась
Молодости девичьей
Первая звезда?

Ласковый да радостный,
Молодой да сладостный,
Напиши мне весточку —
Любишь или нет?..
А в ответ метелица
По дорогам стелется
Белая метелица
Заметает след.

У СТУДЕНЧЕСКИХ ОБЩЕЖИТИЙ

Без всяких планов и программ
Я, бывший деревенский житель,
Люблю бродить по вечерам
У закипевших общежитий.

Люблю, зайдя в густую тень,
Ловить отрывистые звуки.
Сюда из сел и деревень
Сошлись просящие науки.

Течет и льется разговор
Про урожай и про экзамен.
И снова полевой простор
Встает, встает перед глазами.

И снова хата в два окна,
И вечер тих, и запах трав густ,
И вновь в груди моей весна,
Хотя уже проходит август.

И мысли жарки, как огонь,
И пьяно сердце без похмелья.
А в общезитии — гармонь
И деревенское веселье.

За переплетом старых рам
Мелькают молодые лица...
Люблю бродить по вечерам,
Где жизнь поет и веселится.

АПРЕЛЬ В СМОЛЕНСКЕ

Прокатилась весна тротуаром,
Расколола суровые льды.
Скоро, скоро зеленым пожаром
Запылают на солнце сады.

Все шумнее ватага воробья,
Все теплей перелив ветерка.
И в квадрате ожившего Блонья¹
Зашумела людская река.

А вдали — за стеной крепостною,
У сверкающей солнцем стрехи,
Петухи опьянились весною
И поют о весне петухи.

ПЕСЕНКА

Губы — словно вишенка,
Вся — как цветик аленький.
Говорила: «Мишенька»,
Называла «маленький».

---

¹ Блонье — название городского сада в Смоленске,

По росистой роздыми
Шел к тебе дубравами.
Ночь горела звездами
И шумела травами.

У порога лунного,
На скрипучей лесенке,
Близкая и юная,
Ты мне пела песенки.

Брала в руки голову,—
Пальцы — словно таяли,
И мечты, как голуби,
Колыхались стаями...

Но дорожка торная,
Грустью задымилася,
Но хвороба черная
Над тобой склонилася.

Бродит лихо-лишенько,
По твоей завалинке:
«Ну, прощай мой Мишенька...
Ну, прощай же, маленький»...

И под лунной заматью
Опустела лесенка,
И осталась в памяти
Только эта песенка.

В ЗАШТАТНОМ ГОРОДЕ

В деревянном городе
с крышами зелеными,
Где зимой и летом
улицы глухи,
Девушки читают
не романы — «рóманы»
И хранят в альбомах
нежные стихи.

И рванется сердце
в дали необъятные,
В мир еще непознанный,
где простор и свет.
И взгрустнется девушкам
города заштатного,
И вздыхают девушки
тем вагонам вслед.

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

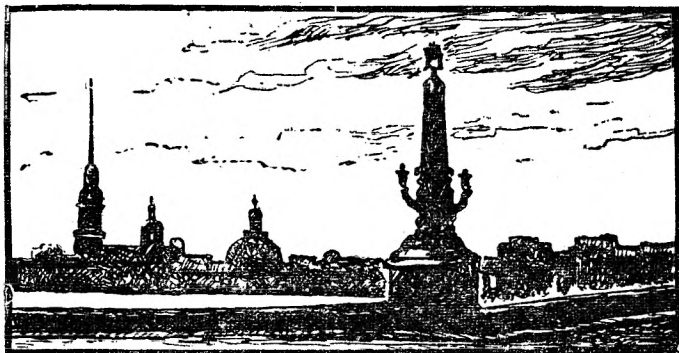
ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Ой, поплыл матрос
В крепком гамузе.
Два нагана по карманам,
Третий — маузер.
Где б четвертый раздобыть?
И пойдет до полюса...
Пулеметные бобы
От плеча до пояса.
Ах, трава-треста,
Небо-горлинка,
Ни гайтана, ни креста,
Только форменка!
Против злостных богатеев
Он матросом с Лесснера.
Снова ленты разлетелись
Голубыми песнями.
А корабль на волне,
А матрос на коне,
Пыль и гром до океана —
Там конец войне!..

РАЗВЕРНИСЬ, ГАРМОНИКА...

Развернись, гармоника, по столику,
Я тебя, как песню, подниму.
Выходила тоненькая-тоненькая,
Тоней называлась потому.
На деревне ничего не слышно,
А на слободе моей родной
Легкий ветер на дорогу вышел
И не поздоровался со мной.
И, твоею лаской зачарован,
Он, что целый день не затихал,
Крыльями простуженных черемух
Издали любимой замахал.
Ночь кричала запахами сена,
В полушалок кутала лицо,
И звезда, как ласточка, присела
На мое широкое крыльцо.
А березки белые в истоме
В пляс пошли — на диво нам,
Ай да Тоня, ай да Тоня,
Антонина Климовна!

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

* * *

Русый ветер, какой ты счастливый!
Эх, ты, ветрена голова!
У тебя для березки, для ивы
Одинаково нежны слова.

Русый ветер, какой ты счастливый!
А вот я, словно кто приковал,
Об одной, о далекой, красивой,
Сколько лет тосковал!

ЛЕФОРТОВСКАЯ НОЧЬ

У часового кобура
Расстегнута и шаг упругий.
И льются звезды до утра
На синеватый сон орудий.
Блестят колеса и броня,
И на лафетах листья кленов.

В казармах, древки накрены,
Стоят штандарты и знамена.
Не меркнут в их живом огне
И боевая пыль, и слава.
Луна читает в тишине
Заборов каменные главы.
Подходит осень — и невмочь
Листве под звездопадом хлестким.
Горит лефортовская ночь
Отливом бронзы и известки,

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

* * *

Перелески, зелена да пажити,
Соловьи полночные в гаю...
Песни, песни! Только вы расскажете
Про любовь сыновнюю мою.

Я вплету в вас перезвоны зоркие,
Шелест трав и посвист косарей...
Где дороги шире и просторнее,
Чем под небом Родины моей?
Так ступайте ж в путь. И если грозы вам
Доведется встретить — не беда!
Верю я: в краю моем березовом
Вы друзей отыщете всегда.

ПИСЬМО ИЗ ДЕРЕВНИ

Мой добрый друг — сентябрь
голубоглазый
Мне повторил сегодня наизусть

Пролетных птиц прощальные рассказы,
Что навевают придорожьям грусть.

Потом в кругу друзей в избе-читальне
Я слушал радиоконцерт, и мне
Под песни скрипки, ласковой и дальней,
Явилась ты, как помнишь, по весне.

А скрипка пела, и под эти звуки
Я ощутил всем существом моим,
Что нет у нас, не может быть разлуки,
Пока живем и дышим мы одним!

* * *

Русы косы заплетает осень.
Взгляд ее туманится слегка,
А на сердце — летних дней колосья,
Теплых зорь медовая река.

Думы, думы, в эту пору все вы
Собрались в мой неоглядный край,
Где шумят озимые посевы,
Предвещая новый урожай.

Где открыты пашни и покосы,
Все пути видны издалека...
Русы косы заплетает осень,
Взгляд ее туманится слегка.

НИКОЛАЙ УШАКОВ

ВЕСНА РЕСПУБЛИКИ

Весна,
    седеющие села,
малиновки со всех сторон.
Перелетел за частоколы
черешен розовый трезвон.
Но в синих снах,
и в сонной сини,
и в нежной яблочной пурге
возможно ль мыслить
о бензине,
как не о друге,
а враге?
Крепите,
    стройте
                    и буравьте —
здесь над проселочной трусцой,
встает
    весна в олеонафте
и отливает зеленцой.
В природе есть
глухая зависть,

когда приветствуешь завод,
и даже маленькая завязь
железный ощущает плод.
И даже лошади жеребы
тобой, ревнующий «рено»¹,
и выползают небоскребы
высоким стадом на гумно.
По дну ползучего оврага
в воронограй,

в переполох
идет мятежное Чикаго
на огурцы

и на горох.
И вижу — на дуге трамвая,
уездной качкой растрясен,
«Известия» распродавая,
босой

несется
Эдисон.

Ему,
весне

и солнцу верьте!
Весна фру́ктовая ясна!
Кто смеет говорить о смерти,
когда в Республике — весна!

ВИНО

Г. В. Шелейховскому

Я знаю,
трудная отрада,
не легкомысленный покой,
густые гроздья винограда
давить упорною рукой.
Вино молчит,
а годы лягут

---

¹ Автомобиль.

в угрюмом погребе, как дым,
пока сироп горячих ягод
не вспыхнет
жаром золотым.

Виноторговцы — те болтливы,
от них кружится голова.
Но я, писатель терпеливый,
храню, как музыку, слова.
Я научился их звучанье
копить в подвале и беречь.

Чем продолжительней молчанье,
тем удивительнее речь.

ВИКТОР ГУСЕВ

ОСЕНЬ

Махнет крылом сутулая,
постылая распутица.
У города за воротом
холодная вода.
И позднему прохожему
в туманах не распутаться,
Не выбиться, не вырваться,
не выйти никуда.
В такую пору — весело!
Пойду взгляну на клены я,
На шалые, шершавые
московские сады.
Желтеется метелица
и падает, наклонная,
И листьями вонзается
в зеленые пруды.
И ветер шепчет — серая,
сырая смерть настигла мир,
Бойцы широколистые
сраженными легли.
Но в парке сосны хвастают
несломленными иглами,

Зеленой диалектикой
настойчивой земли.
Но через дождь и сумерки
взволнованные школьницы
Пронесят в ранцах музыку
низверженных задач.

По медному проводу
Птицей ток
К далеким станкам
Летит.
И, пролетая в густых лесах,
Над стаями тихих вод,
О будущих стройках
И чудесах
Тревожную песнь поет,

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

В ГЛУШИ

До заморозка в город не пробиться
Сквозь неживой болотный полукруг.
Как редко залетающие птицы,
Доходят письма из любимых рук.

В заветный день распутица и дождь
Дорогу удлиняют как нарочно.
И на два дня запаздывает почта,
А тут вестей нетерпеливо ждешь...

Внушительен и важен почтальон,
Как перевод с казенною печатью,
И холодно не замечает он,
Что, торопя его, готов кричать я.

Перебираю письма до конца,
Растрянно и нервно беспокоясь.
Так тяжело бывает встретить поезд,
Не отыскав знакомого лица.

НОЧНОЙ СТОРОЖ

Совсем готовым встретил вечер,
Оделся, осмотрел ружье...
Всю ночь другим заняться нечем —
Чубук с досадою жует.

Темнеет стежка у постройки,
Вперед, назад — и никаких!..
Трезор — и тот давно притих,
А ты ходи, а хочешь — стой тут.

И сапоги и полушубок
На ветре будто стиснет лед.
Не потому ль чужого грубо
Окликнет сторож:
— Кто идет?!

Но сторожить и стыннуть надо,
Чтоб сделать кто беды не мог.
Незаменимый, как замок, —
Во всей стране такой порядок.

Поеживаясь в полушубке,
О ногу шаркая ногой,
Всю ночь, не выпуская трубки,
Покаживает ночной...

ПЕРЕВОЗЧИК

Стада неторопливых волн
Скрываются за поворотом...
Незнамо сколько здесь живет он
И кто его сюда привел.

Как пена сед. Какой же прок?
Когда придет успокоенье?
Всю жизнь он правил поперек
Неустающего течения.

К другим с сединами покой
Приходит верною походкой.
А тут зовут паром и лодку
И днем, и в тишине ночной.

На крик послушно торопись
Для пешеходов и обозов...
А кто-то скажет: — То-то жизнь,
Малина — жизнь у перевоза...

Ни внуков, ни своей избы,
Сиди в землянке, как в колодце.
И — старость... Скоро, может быть,
Его никто не дозовется.

Тогда помянут ли добром,
Не говоря о лучшей славе:
Следа он в жизни не оставил,
Как по руслу реки паром.

ВЕСЕННИЕ СТРОЧКИ

1

Утренник лег на дорогу
Ровным сухим полотном.
Не торопясь, понемногу
Солнце встает над бугром.

Солнце, как тонкий орешник,
Выросло медным кустом.
Заговорила скворешня —
Маленький радостный дом.

Желтое стадо проталин
В поле проснулось, живет...
Радость угретых завалин,
Радость открытых ворот.

Оттаял перемерзший хутор,
На солнце окна прослезил.
И только заморозок утра
Кладет дорогу по грязи.

Лишь утром прорезают сани
У перелеска тишину.
А к полдню — полем солнце тянет
Большую теплую весну.

Из синевы чужого края
В затишье чуткое болот
Журавушки, перекликаясь,
Свершают новый перелет...

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

ЗНАМЯ

На складе меж будничными вещами
Каптер откопал забытое знамя.

Багровый квадрат тяжелого плюша
Был в долгих походах ветрами иссушен.
И каждая нить на нем порыжела,
И золото надписей плесень объела.

Педант-тыловик боевую находку
Бесстрастно занес в инвентарную сводку.
На свет посмотрел, повертел в руках,
Подумал — и сдал командиру полка.

Суровая гордость прославленных армий
Прошелестела по мирной казарме,
Прошелестела и встала к стене
Напоминаям о завтрашнем дне.

Когда темнота оседает на крыши,
Безусый дневальный задремлет и слышит:
Зовет под ружье токарей и ткачей
Тревожная медь полковых трубачей.

Походные ветры в предутренней рани
Ласкают лохмотья дряхлеющей ткани,
Заря зажигает огнем молодым
Пятиконечник армейской звезды.

Под шлемами лица становятся строже,
И песня в глуши боевых бездорожий
Кипит над лесами холодных штыков,
Над кованным строем пехотных полков.

О ВОЙНЕ И ДЕТЯХ

Вдали станица сквозь кусты
Глядится в Тихий Дон.
Была верста —
И нет версты.
Копытным ливнем бьет цветы
Московский эскадрон.

В росинках пота — бронза лиц.
Размашист конский ход.
Под звон стрекоз,
Под гомон птиц
Гудит за взводом взвод.

Вокруг развалины и дым —
Войны проклятый след.
Мы ночь не спим
И день не спим,
Мы ночь и день в седле.

От крови в ржавчине клинки,
От пены — удила.
Нас Кремль не зря с Москвы-реки
На Тихий Дон послал.

Не просто с ветром погулять
Пришли в степной простор!
За урожайные поля,
За пядь земли,

За пуд угля
Ведем кровавый спор.
До моря кровью метим след
Под злой сполошный звон,
И красим,
Красим в красный цвет
Седой казацкий Дон.

Пусть весь наш путь — сплошной пожар,
Пусть смерть в лицо глядит,
В крылатом шлеме комиссар —
С мятежной Пресни кочегар —
Маячит впереди.

Давно стальной изгиб клинка
Шуровку заменил.
Привыкли с ним мы в бой скакать,
В атаках плавить дни.

Привел к воде далекий путь.
— Здорово. Тихий Дон! —
В жаре с надсадом дышит грудь.
Зашел в станицу отдохнуть
Московский эскадрон.

Седые бороды торчат
За складками плетней,
Ватага бойких казачат
Под гривами коней.

Из глаз уходит блеск стальной,
Загар улыбкой смят, —
Ведь каждый всадник
В край степной
Ушел, оставив за спиной
Семью, жену, ребят.

И комиссарская рука,
Впервой за весь поход,
К кудрям чужого паренька
С отцовской лаской льнет.

Пусть завтра пули их отцов
Окрасят кровью день,—
Сквозь кудри маленьких донцов
Родных он видит сорванцов
Заманчивую тень.
Набата дальнего удар
Согнал тепло с лица.
— По коням!

Марш! —

И комиссар
Опять сменил отца.

И снова в марше,
В ад и дым,
Торить проклятый след.
Мы ночь не спим
И день не спим,
Мы ночь и день в седле.

В драгунке ржавой,
На клинке,
Сквозь орудийный гром
Мы детям на Москве-реке
Тепло и жизнь несем.

О НЕЖНОСТИ

Мы лежали на подступах к небольшой деревеньке.
Пули путались в мякоти аржаного омета.
Трехаршинный матрос Петро Гаманенко
Вынес Леньку, дозорного, из-под пулемета.

Ленька плакал. Глаза его, синие, щелками,
Затекали слезами и предсмертным туманом.
На сутулой спине, размозженной осколками,
Кровь застыла пятном, густым и багряным.

Подползла санитарка отрядная рыжая.
Спеленала бинтом, как пеленками, туго.
Прошептала: — Отплавал матросик, не выживет,
Потерял ты, Петрусь, закадычного друга!

Бился «максим» в порыве свирепой прилежности.
Бредил раненый ломким надорванным голосом.
Неуклюжими жестами наплывающей нежности
Гаманенко разглаживал Ленькины волосы.

По сутулому телу расплзлась агония,
Из-под корки бинта кровоточила рана.
Сквозь пальбу уловил в замирающем стоне я
Нервный всхлип, торопливый выстрел нагана.

...Мы лежали на подступах к небольшой деревеньке.
Пули грызли разбитый снарядами угол
Трехаршинный матрос Петро Гаманенко
Пожалел закадычного друга.

ВОЙНА

Запущенный садик... Густые кусты.
В таком закоулке лежать тишине бы.
Но рвется шрапнель, и заржавленный штык
Сердито царапает низкое небо.

Смыкается красноармейская цепь.
В глазах у людей боевая забота.
Хрипит за кустами, на шатком крыльце,
Голодный надорванный лай пулемета.

Из прорванной тучи срывается дождь,
Смывает усталость бессонных походов.
Ложится плащмя перезрелая рожь
Под сапоги атакующих взводов.

За хрипом атаки пришла тишина.
Прорезалась в небе полоска заката.
И слышно: в соседней слободке война
Взревела неистовым криком набата.

В разрушенном хуторе встал лазарет.
Составлены сводки. Подсчитана убыль.
Я знаю: несытая смерть на заре
Скует не одни посиневшие губы.

Слышны на закате ковыльная дрожь
И жалобы пчел на разбитых колодах.
Войди в этот страшный покой — и поймешь
Величье и цену двадцатого года.

ПЕСНЯ

В колонне повзводно качаются роты.
Походная выкладка — грузом на плечи.
Широкая степь распахнула ворота.
И небо, и травы, и ветер навстречу.

Желтеют курганы в полуденном зное,
Высокое солнце — как рыжая птица.
Плечо под винтовкой немеет и ноет,
Белесая пыль задушила ресницы.

Теряется счет боевым переходам,
Горячим свинцом наливаются ноги.
Измаялись взводы,
И хочется взводам
Свернуть на привал с раскаленной дороги,

За годы бессонницы выспаться сразу,
От зноя укрыться походной палаткой,
Но люди верны боевому приказу.
Он держит в шеренгах каменной хваткой.

И взводы пылят и пылят без привала
В бессчетные версты, в степные просторы.
На середину идет запевала —
Обугленный зноем штурвальный с «Авроры».

Ударила песня раскатистым эхом
В густую пылицу степных бездорожий,
Напев раскатился задором и смехом
И замер серебряной ласковой дрожью.

Вскипали под ветром цветные метели,
Степная дорога в изгибах терялась,
А взводы шагали,
Шагали и пели,

И сон отлетел,
И пропала усталость.

...Сегодня мы встали на долгую дневку.
Травой поросли боевые дороги.
Но время готово выдать путевку
На переходы, бои и тревоги.

Чтоб песенный жар боевую усталость
В больших переходах расплавил и выжег,
Чтоб песня у наших застав начиналась
И откликалась в далеком Париже.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Поэзия революционного гуманизма. Вступительное слово В. Я. Вакуленко.	5
Александр Б л о к	
Скифы	22
Пушкинскому дому	24
З. Гиппиус	26
Владимир М а я к о в с к и й	
Наш марш	27
Хорошее отношение к лошадям	28
Приказ по армии искусства	29
Поэт рабочий	31
Левый марш	32
Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче	33
Последняя страничка гражданской войны. Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе	37
Приказ № 2 армии искусств	38
Прозаседавшиеся	40
Мы не верим!	42
Весенний вопрос	43
Баку	44
Комсомольская	47
Юбилейное	49
Тамара и Демон	53
Город	62
Верлен и Сезан	66
Прощание	68
Блэк энд уайт	75
Бродвей	75
Свидетельствую	79
Барышня и Вульворт	81
Домой!	84
Сергею Есенину	87
Разговор с фининспектором о поэзии	90
Передовая передового	95
	102

Послание пролетарским поэтам	105
Товарищу Нетте — пароходу и человеку	110
Хулиган	113
Разговор на одесском рейде десантных судов: «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия»	116
Не юбилейте!	117
«За что боролись?»	121
Лучший стих	124
Общее руководство для начинающих подхалим	126
Письмо к любимой Молчанова, брошенной им	130
Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру	133
Десятилетия песня	136
Трус	138
Столп	141
Стихи о разнице вкусов	144
Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви	144
Письмо Татьяне Яковлевой	148
Разговор с товарищем Лениным	151
На Западе все спокойно	154
Парижанка	157
Стихи о советском паспорте	160
«Во весь медногорлый гудочный клич...»	163

Демян Бедный

Под Казанью	164
Поворот	166
Любимому	167
Вперед и выше!	167
Памяти селькора Григория Малиновского	168
Снежинки	169
Два мира	170
Никто не знал	171
«Разоружались» тройственно и «столковались», как им свойственно	172
Туалеты палачей	172
Нас побить, побить хотели!	173
Проводы	174
Просты мои песни	176
На помощь красным бойцам	177
Благословение	178
Жесткий срок	179
Печаль	180
За землю, за волю!	181

Велимир Хлебников

«Свобода приходит нагая...»	183
«Весны пословицы и скороговорки...»	183
Союзу молодежи	184

Голод	185
Не шалить!	186
Отказ	187
«Еще раз, еще раз...»	187
Валерий Б р ю с о в	
Работа	188
Мировой кинематограф	189
Товарищам интеллигентам	190
Только русский	191
Труд	193
«Я выросстал в глухое время...»	194
Октябрь 1917 года	194
Мир электрона	195
Будущее	196
Ленин	196
Сергей Е с е н и н	
«О Русь, взмахни крылами...»	197
«Разбуди меня завтра рано...»	199
«Нивы сжаты, рощи голы...»	199
«Песни, песни, о чем вы кричите?...»	200
Кантата	201
Небесный барабанщик	201
«Я покинул родимый дом...»	203
«По-осеннему кычет сова...»	204
Сорокоуст	204
«Я последний поэт деревни...»	207
Хулиган	207
Исповедь хулигана	208
«Не жалею, не зову, не плачу...»	211
«Все живое особой метой...»	211
«Я усталым таким еще не был...»	212
«Мне осталась одна забава...»	213
«Заметался пожар голубой...»	214
«Ты такая ж простая, как все...»	215
«Пускай ты выпита другим...»	216
«Дорогая, сядем рядом...»	217
Письмо матери	218
«Мы теперь уходим понемногу...»	219
Возвращение на родину	220
Пушкину	223
Русь советская	223
«Издатель славный! В этой книге...»	226
«Отговорила роща золотая...»	227
Сукин сын	227
«Низкий дом с голубыми ставнями...»	229
Стансы	230
Русь уходящая	232
Письмо к женщине	235
Цветы	238
Из цикла «Персидские мотивы»	
«Улеглась моя былая рана...»	241

«Я спросил сегодня у менялы...»	242
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!...»	243
«Ты сказала, что Саади...»	244
«Никогда я не был на Босфоре...»	244
«В Хороссане есть такие двери...»	245
«Голубая родина Фирдуси...»	246
«Быть поэтом — это значит то же...»	247
«Руки милой — пара лебедей...»	248
«Отчего луна так светит тускло...»	248
«Глупое сердце, не бейся!...»	249
«Голубая да веселая страна...»	250
Капитан земли	251
Воспоминание	253
Мой путь	254
Собаке Качалова	259
«Несказанное, синее, нежное...»	259
Письмо к сестре	260
«Синий май. Заревая теплынь...»	262
«Неуютная жидкая лунность...»	263
«Каждый труд благослови, удача!...»	264
«Видно так заведено навеки...»	265
«Я иду долиной. На затылке кепи...»	266
«Спит ковыль. Равнина дорогая...»	267
«Я помню, любимая, помню...»	267
«Море голосов воробьиных...»	268
«Гори, звезда моя, не падай...»	269
«Жизнь — обман с чарующей тоскою...»	270
«Листья падают, листья падают...»	270
«Над окошком месяц. Под окошком ветер...»	271
«Я красивых таких не видел...»	272
«В этом мире я только прохожий...»	273
«Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...»	273
«Снежная замаять крутит бойко...»	273
«Вечером синим, вечером лунным...»	274
«Не криви улыбку, руки теребя...»	274
«Плачет метель, как цыганская скрипка...»	274
«Ах, метель такая, просто черт возьми...»	275
«Снежная равнина, белая луна...»	275
«Свищет ветер, серебряный ветер...»	275
«Мелколесье. Степь и дали...»	276
«Цветы мне говорят — прощай...»	277
«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»	277
«Ты меня не любишь, не жалеешь...»	278
«Может, поздно, может, слишком рано...»	279
«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»	280
«До свиданья, друг мой, до свиданья...»	280

Павел Арский

Восстание	282
Встреча Ленина	283
Рассвет	285
Слава героям	286
Перекоп	287
Буденсвка	288

Василий Александровский

Рабочий	290
«Радуюсь взлетам ваших исканий...»	291
«Стальное имя мир зажгло...»	291
Мы	292
На рабфаке	293

Михаил Герасимов

«Мы все возьмем, мы все познаем...»	294
«Мы победим, клокочет сила...»	295

Николай Полетаев

Красная площадь	297
«Разлохматились, взвились метели...»	297
В Сокольниках	298
«Эй, солнышко, здорово будь!..»	299
«Портретов Ленина не видно...»	299

Сергей Обрадович

Завод	301
Апрель	303
Любовь	303
В полночь осенью...	304
Узловая	305
1924	307
Яблоко	309

Василий Казин

Рабочий май	310
Рубанок	311
Каменщик	311
Дядя или солнце?	312
Гармонист	313
Песенка	314
«Не потому ль к любви вселенской...»	314
Цыганская венгерка	315
«Привычка к спичке — искорка привычки...»	316
Байдарские ворота	317

Григорий Саников

Весеннее	318
Сельская кузница	319
«Опустели сады и виноградники...»	319
«В том краю, где зреют мандарины...»	319

В невеселом городе Тавризе...»	320
Слушай, Персия!	321
Владимир К и р и л л о в	
Мы	322
Матросам	323
«Флаг кумачовый на скудном шесте...»	324
На родине	325
Василий К а м е н с к и й	
Покурим, что ли?	326
Вечер на Каме	327
Слова и слова	328
Наследство ржавое	329
Пою	329
Косарская	330
Грустинница	331
Каторжная	331
Чудо-республика — Россия	332
Встречайте утро революции	334
Песня рабочих	334
Илья С а д о ф ь е в	
Юношам	336
Сомкнем ряды теснее	337
Мужество	338
Письмо с фронта	339
Голос человеческий	340
В кузнице	341
Наши дни	341
Веселый май	343
Ненависть и жалость	345
Обида	346
По секрету	346
Я ее не встретил	346
Наша молодость	347
Славлю молодость	348
Славлю труд	348
Петр О р е ш и н	
На пашне	350
Праздник	351
Алый цвет	351
Песнь старого коммунара	352
Счастливая звезда	353
Отражение	354
Соловей	355
Любовь	355
В лесу	356
«Вы меня не таким загадали...»	357
Новая степь	357
Через сто лет	358
Обновка	359
«Мне кажется, что снова...»	360

«Русь веселая моя...»	360
Родник	361
Серебряный бор	362
Элегия	363
Комсомольцы	364
Сергей Городецкий	
Россия	367
Ночь	368
Два письма	369
«Качает буря дуб кряжистый...»	370
Город на заре	370
Металлы	371
Убийство селькора	373
Дмитрию Фурманову	374
Андрей Белый	
Родине	376
К России	377
Ты — тень теней	378
Жди меня	379
Марш	379
Николай Асеев	
Небо революции	381
Первомайский гимн	382
Стихи сегодняшнего дня	383
Кумач	386
Марш Буденного	387
Бык	388
А. А. Ахматовой	390
Реквием	391
Конец зиме	392
Синие гусары	393
Из цикла «Годовщина смерти вождя»	
«Нету слов об этом...»	395
«Не за силу, не за качество...»	397
Через головы критиков	398
Десятый Октябрь	401
Чужая	406
Семен Кирсанов	
«Скоро в снег побегут струйки...»	415
«Быстроходная яхта прорвала бока...»	415
Павел Антокольский	
«Слушал я детский твой голос...»	417
31 декабря	418
Зоя	419
Тост	419
«Я люблю тебя в дальнем вагоне...»	420
Опять	421

Илья Сельвинский

«Я знаю женщину: блестяща и остра...»	422
Осень	422
К вопросу о русской речи	423

Анна Ахматова

«Мне голос был. Он звал утешно...»	424
«Я спросила у кукушки...»	424
Бежецк	425
«Все расхищено, предано, продано...»	425
«Кое-как удалось разлучиться...»	425
«А, ты думал — я тоже такая...»	426
«Не с теми я, кто бросил землю...»	426
«Хорошо здесь: и шелест и хруст...»	427
«Вот и берег северного моря...»	427
Муза	428
«Здесь Пушкина изгнание началось...»	428
«Тот город, мной любимый с детства...»	428

Марина Цветаева

«У первой бабки — четыре сына...»	430
Пригвождена...	431
«Вчера еще в глаза глядел...»	431
«Другие — с очами и с личиком светлым...»	432
Маяковскому	433
Молодость	433
Квала богатым	435
«Что же мне делать, слепцу и пасынку...»	436
Морепоплаватель	436
Попытка ревности	437
Любовь	438
«Русской ржи от меня поклон...»	438

Вера Инбер

Пять ночей и дней	439
Будущим о прошедших	440
Сыну, которого нет	440

Борис Пастернак

Про эти стихи	443
«Сестра моя — жизнь и сегодня в разлыве...»	444
Зеркало	445
Лето	446
«Любимая — жуть! Когда любит поэт...»	447
Разрыв	448
Весна	452
Поэзия	452
Ландыши	453
К Октябрьской годовщине	454

Илья Эренбург

«Я не знаю грядущего мира...»	458
Россия	459
«Я не трубочка — труба. Дуй, Время!..»	459
«Остановка. Несколько примет...»	460
«Так умирать, чтоб бил озноб огни...»	461

Эдуард Багрицкий

Птицелов	462
Фронт	464
Первое мая	466
Арбуз	468
Пушкин	469
Возвращение	470
У моря	472
1924	473
Стихи о соловье и поэте	474
Стихи о поэте и романтике	476
«От черного хлеба и верной жены...»	478
Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым	479

Николай Тихонов

Из песен свободы	483
«Праздничный, веселый, бесноватый...»	484
«Огонь, веревка, пуля и топор...»	485
«Когда уйду, — совсем согнется мать...»	485
«Мою душу кузнец закалил не вчера...»	486
«Полюбила меня не любовью...»	486
«Длинный путь. Он много крови выпил...»	487
«Не заглушить, не вытоптать года...»	487
Перекоп	488
Баллада о гвоздях	489
Баллада о синем пакете	490
Песня об отпускном солдате	492
Любовные примечания	493
Приглашение к путешествию	494

Александр Жаров

Ледоход	496
Взвейтесь кострами	497
На лекцию, за книгу!	498
На смерть Ленина	498
Лазоревые глаза	500
Песня о металле	501
Ленин на Третьем съезде РКСМ	502
Воскресник	504
Осенняя прелюдия	504
Солдатам Дзержинского	506

Александр Безыменский

Молодая гвардия	. . . . .	508
Партбилет	. . . . .	509
О шапке	. . . . .	512
Партбилет № 224332	. . . . .	513

Михаил Светлов

Комсомол	. . . . .	515
Утром	. . . . .	517
Рабфаковке	. . . . .	518
Гренада	. . . . .	519
«Я в жизни ни разу не был в тавер- не...»	. . . . .	522
Песня	. . . . .	522
«Мы с тобой, родная...»	. . . . .	524
Граница	. . . . .	525
Старушка	. . . . .	527
Живые герои	. . . . .	527
Десять лет	. . . . .	529
Маленький барабанщик	. . . . .	531
Дон-Кихот	. . . . .	532
Перемены	. . . . .	534
Разлука	. . . . .	534

Михаил Голодный

«Помню вечер я...»	. . . . .	535
У Днепра	. . . . .	536
Прощание	. . . . .	536
«Сквозь туман и холод зимний...»	. . . . .	537
Гроза	. . . . .	538
Мой стих	. . . . .	538
Облака	. . . . .	539
«Люби до смерти. Мне в любви...»	. . . . .	540
Никогда, никогда	. . . . .	540

Виссарион Саянов

Современники	. . . . .	541
«Ах, ребята, ах, друзья родные...»	. . . . .	542
Корчма на литовской границе	. . . . .	542
О литературном герое	. . . . .	544
«Семнадцатилетние мальчишки...»	. . . . .	545

Иосиф Уткин

Письмо	. . . . .	548
Расстрел	. . . . .	549
Молодежи	. . . . .	550
Атака	. . . . .	550
Гитара	. . . . .	552
Стихи о дружбе	. . . . .	553
Телефон	. . . . .	554
Девушке	. . . . .	555
Двадцатый	. . . . .	556
Сомненье	. . . . .	558

Джек Алтаузен	
Прощание с лужей	561
Детство	563
Петр Комаров	
Трактор	566
Деревенский спектакль	567
Сенокос	568
«Проходит осень мимо нас...»	568
Последний Иван	569
Владимир Луговской	
Смерть	571
Песня о ветре	572
«...Радио... говорят...»	574
Ночь	575
«Опять иди. Куда?»	575
Весна	576
Береза Карелии	577
Прощание с юностью	578
Утро республик	579
Молодежь	580
Девичья-полночная	581
Молодецкая-струговая	581
Фронты	582
«Я требую больше веры...»	584
«Судить меня будет время...»	585
Николай Заболоцкий	
Ивановы	586
Свадьба	587
Купальщички	589
Лицо коня	590
Прогулка	592
Меркнут знаки Зодиака	592
Дмитрий Кедрин	
Будущему	595
Песня о живых и мертвых	596
Борис Корнилов	
«Усталость тихая, вечерняя...»	598
Лошадь	599
Тройка	600
Ночь комбата	601
Ожидание	602
Музей войны	604
Павел Васильев	
«Все так же мирен листьев тихий шум...»	608
Сибирь	609

Азиат	610
«Затерян след в степи солончаковой...»	611
Рассказ о деде	611
Михаил Исаковский	
На улице	614
Двенадцать трав	614
Большая деревня	615
Вдоль деревни	616
Где ты, лето знойное	616
У студенческих общежитий	618
Апрель в Смоленске	619
Песенка	619
В заштатном городе	620
Александр Прокофьев	
Девятнадцатый	623
Развернись, гармоника...	624
Степан Щипачев	
«Русый ветер, какой ты счастливый!»	625
Лефортовская ночь	625
Николай Рыленков	
«Перелески, зелена да пажити...»	627
Письмо из деревни	627
«Русы косы заплетает осень...»	628
Николай Ушаков	
Весна республики	629
Вино	630
Виктор Гусев	
Осень	632
Александр Твардовский	
В глуши	634
Ночной сторож	635
Перевозчик	635
Весенние строчки	636
Алексей Сурков	
Знамя	638
О войне и детях	639
О нежности	641
Война	642
Песня	643

2 р. 95 к.